М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ МОРДОВИИ

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1977

Т4(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ МОРДОВИИ

58977

ТРУДЫ, ВЫП. 54

1977

БИБЛИОТЕКА
Мордовского

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1977

9(с 14) 902.6+902.7

Редколлегия

доктор исторических наук **В. И. Козлов** (ответственный редактор), кандидаты исторических наук **М. В. Дорожкин, В. Н. Мартьянов, И. И. Фирстов.**

К $\frac{0-1-6-2-}{М130(03)-77}$ 141—77

© Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, 1977 г.

Ю. И. САЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА МЕСТНЫМИ СОВЕТАМИ МОРДОВИИ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС (1956—1960 гг.)

На всех этапах развития Советов Коммунистическая партия Советского Союза постоянно проявляет о них неустанную заботу.

Важнейшим принципом партийного руководства Советами является четкое разграничение функций партийных и советских органов, недопустимость подмены партийными органами деятельности Советов депутатов трудящихся. Руководство партии деятельностью Советов носит политический характер, что прежде всего означает направление деятельности Советов к той общей цели, которая намечена партией на данный исторический период.

В процессе строительства социализма и коммунизма сложились основные направления партийного руководства Советами, которые выражаются, во-первых, в разработке генеральной политической линии и конкретных директивных указаний. Всесторонне изучая и анализируя реальные процессы и тенденции общественного развития, партия вырабатывает правильную научно-обоснованную политику. Эти задачи формулируются в решениях партийных съездов, конференций, пленумов Центрального Комитета партии. Во-вторых, в подборе и расстановке руководящих кадров советского аппарата. Считая подбор и расстановку кадров важнейшей политической обя-

занностью правящей партии, В. И. Ленин подчеркивал, что «Политика ведется через людей[1]...» В-третьих, в проверке исполнения и контроля за тем, как фактически осуществляются партийные директивы всеми государственными органами. Следуя этому принципу, партия вместе с народными массами, при их непременном участии осуществляет контроль за выполнением намеченных планов и задач коммунистического строительства[2].

Ленинскими принципами взаимоотношений с Советами партия неуклонно руководствуется на всех этапах коммунистического строительства. XX съезд КПСС указал, что великие задачи коммунистического строительства требуют дальнейшего повышения творческой активности и инициативы трудящихся, еще более широкого участия масс в управлении государством, во всей его организаторско-хозяйственной деятельности. Для этого необходимо всемерно развивать советский демократизм, настойчиво улучшать работу всех советских органов в центре и на местах, укреплять связь с массами.

XX съезд КПСС обратил внимание партийных органов на необходимость решительной перестройки, оживления работы Советов депутатов трудящихся[3]. После XX съезда Коммунистическая партия Советского Союза широко развернула работу по дальнейшему укреплению и совершенствованию их деятельности.

XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии, указал, что в ходе коммунистического строительства роль Советов будет постоянно возрастать. Вопрос о расширении прав Советов, о необходимости более полного использования ими своих полномочий занял видное место в решениях XXIII, XXIV, XXV съездов КПСС. Эти принципиальные положения нашли свое отражение также в ряде постановлений ЦК КПСС.

Исключительно важное значение для повышения уровня партийного руководства Советами имело постановление ЦК КПСС от 22 января 1957 г. «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами»,[4] в котором были конкретизированы решения XX съезда партии о Советах. В принятом документе ЦК КПСС дал всесторонний анализ деятельности местных Советов, вскрыл серьезные недостатки в работе и наметил практические меры по их устранению. ЦК КПСС предложил партийным комитетам более квалифицированно осуществлять руководство органами государственной власти, не допускать вмешательства в их административно-распорядительную деятельность, не подменять их в решении хозяйственных и других вопросов. Основ-

ным направлением партийного руководства Советами должно стать всемерное развитие их инициативы и самостоятельности. Постановление ЦК КПСС указало партийным организациям, что они «несут прямую ответственность и за крупные недостатки, имеющиеся в деятельности местных Советов»[5] и обязало их изживать факты невнимательного отношения к работе советских органов.

Решения XXIII съезда партии о повышении роли Советов получили воплощение в постановлении ЦК КПСС от 8 марта 1967 г. «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов»,[6] наметившем целую систему мероприятий. Их осуществление способствовало расширению прав низовых органов государственной власти, укреплению их материально-финансовой базы, повышению авторитета. Следующим шагом в этом направлении явилось постановление ЦК КПСС от 12 марта 1971 г. «О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов депутатов трудящихся»[7]. В нем подчеркивалась необходимость более полного и всестороннего использования районными и городскими Советами своих возможностей в руководстве хозяйственным и культурным строительством, усиления их ответственности как органов местной территориальной координации, укомплектования аппарата исполкомов квалифицированными кадрами внедрения научных методов в их работу. ЦК КПСС вновь потребовал от местных партийных органов улучшения руководства Советами, указав что преодоление недостатков, имеющихся в районных и городских Советах, дальнейшее улучшение стиля и методов их деятельности, связано с необходимостью совершенствования партийного руководства Советскими органами[8].

Принятые на основе этого постановления ЦК общесоюзные и республиканские законодательные акты о районных и городских Советах способствовали их дальнейшей активизации, укрепили авторитет, повысили роль в руководстве хозяйственным и культурным строительством.

Особенно большое значение партия придает повышению роли и авторитета депутатов. В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС Верховный Совет СССР 20 сентября 1972 г. принял общесоюзный Закон «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся». В новом законе сформулированы основные положения о деятельности, правах и обязанностях, значительно расширены их полномочия в соответствии с задачами, которые стоят перед Советами в настоящий период. Решения XXV съезда КПСС явились новым рубежом в

развитии Советов. Выступая с Отчетным докладом Центрального Комитета на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев вновь подчеркнул необходимость дальнейшего развития и совершенствования Советской государственности, всестороннего развития активности и инициативы в работе Советов[9]. Таким образом, партийному руководству Советами свойственен широкий охват проблем советского строительства, решение которых способствует дальнейшей активизации местных органов государственной власти.

Исследуемый период после XX съезда КПСС в деятельности местных Советов Мордовской АССР характеризуется значительным усилением повседневного внимания к их работе и повышением уровня руководства со стороны областного, городских и районных комитетов КПСС, а также первичных партийных организаций исполкомов Советов. На партийных конференциях, пленумах, бюро рассматривались вопросы деятельности Советов и намечались конкретные меры по улучшению их работы.

Решающее значение в деле улучшения всей деятельности Советов, значительного повышения их хозяйственно-организаторской работы имели решения XIII Мордовской областной партийной конференции, состоявшейся в январе 1956 года. Всесторонне проанализировав руководство партийных органов местными Советами, конференция вскрыла ряд существенных недостатков. В частности, отмечалось, что несмотря на большую проведенную работу областным комитетом партии по улучшению качественного состава исполкомов Советов, уровень их работы все еще серьезно отстает от современных требований.

В работе Совета Министров МАССР имелись недостатки в руководстве Советами, недостаточно велась проверка исполнения принятых решений и распоряжений. Руководящие работники Совета Министров мало работали с аппаратом райгорисполкомов и их отделов[10].

На партийной конференции особо подчеркивалось, что некоторые горкомы и райкомы партии пытаются выполнять всю работу только силами своего аппарата, не привлекая для этого советские органы. Так, горком партии г. Рузаевки и его промышленно-транспортный отдел глубоко не вникали в работу промышленных предприятий, строек, больше занимались мелкими хозяйственными делами, зачастую подменяя советские и хозяйственные органы.[11]

Решительно осудив подобные методы руководства Советами, конференция решила: «Партийные органы должны ре-

шать все вопросы хозяйственного и культурного строительства не помимо Советов, а через них. Для этого необходимо до конца отрешиться от осужденной партией негодной практики мелочной опеки и подмены советских органов, продолжать работу по дальнейшему укреплению Советов способными кадрами, повседневно контролировать и направлять их деятельность»[12]. Руководство районных и городских Советов было подвергнуто критике за то, что местные органы государственной власти недостаточно содействовали расширению производства товаров широкого потребления из местного сырья.

Партийная конференция указала партийным и советским органам на дальнейшее совершенствование методов руководства народным хозяйством республики, которое должно вестись в направлении борьбы за режим экономии, рост производительности труда, выполнения промышленными предприятиями и строительными организациями республики заданий первого года шестой пятилетки[13], широкого развертывания социалистического соревнования среди рабочих и инженерно-технических работников за внедрение новой техники и передовой технологии[14].

Конференция также обязала городские и районные комитеты партии улучшить руководство Советами по удовлетворению постоянно растущих материальных и культурно-бытовых запросов населения, обеспечению выполнения планов строительства, благоустройства городов и райцентров, улучшению работы коммунально-бытовых предприятий, транспорта[15].

Большую роль в деле улучшения руководства народным хозяйством Мордовской АССР со стороны партийных и советских органов сыграли проводившиеся по инициативе областного, городских и районных комитетов партии, Совета Министров республики и исполкомов местных Советов, областные районные и городские партийно-хозяйственные активы[16].

На собрании республиканского партийно-хозяйственного актива, состоявшегося в середине июля 1956 г. в г. Саранске, внимание партийных и советских работников было обращено на неудовлетворительную работу Министерства промышленности продовольственных товаров и Министерства местной промышленности республики. И, хотя полугодовой план предприятия этих министерств в целом выполнили, но, как отмечалось, из тридцати главнейших изделий план был выполнен только по девятнадцати видам изделий.

Участники собрания говорили о том, что указанные Министерства и Мордовский промысловый совет недостаточно

заботятся об удовлетворении нужд, запросов населения, плохо используют богатейшие местные возможности для улучшения производства товаров народного потребления. Внимание местных Советов вновь было привлечено к улучшению руководства предприятиями местной промышленности.

Такие собрания состоялись в 1956 г. во всех городах и районах Мордовии. Нельзя не отметить, что эти мероприятия, проводившиеся так широко и систематически, начиная с 1956 г., явились большим шагом вперед в деле улучшения руководства местных партийных и советских органов хозяйственными и социально-культурными делами. Для местных Советов это означало дальнейшее повышение их роли в руководстве районным и городским хозяйством, значительное повышение внимания к нуждам и запросам трудящихся.

В республике наряду с областными, районными и городскими партийно-хозяйственными активами практиковалось проведение собраний активистов по некоторым отдельным отраслям хозяйства, науки и культуры. Представители местных органов власти принимали в их организации и проведении самое деятельное участие.

Так, Саранский ГК КПСС одобрил инициативу исполкома городского Совета о проведении 17 апреля 1956 года собрания городского актива работников торговли. На собрании был обсужден вопрос о выполнении плана товарооборота торговыми организациями за I квартал 1956 года и задачах по улучшению торговли в городе[17]. В принятом постановлении указывалось, что в связи с промышленным развитием и ростом населения города, торговая сеть значительно отстает от роста товарооборота. Поэтому в целях расширения и улучшения торговли и общественного питания предусматривалось в 1956 году открыть 5 магазинов, несколько столовых, 7 овощехранилищ. Собрание вызвало на социалистическое соревнование работников торговли г. Рузаевки и г. Чебоксары Чувашской АССР[18].

В ноябре 1956 г. в Саранске состоялось собрание актива партийно-советских и медицинских работников по вопросам улучшения санитарного состояния города и районов республики и их озеленения, которое постановило улучшить существующие дороги в городе и построить новые, подвести подходы к предприятиям, учреждениям, к домам, обновить ограды, произвести озеленение[19].

Итоги таких собраний, как правило, обсуждались на сессиях и заседаниях исполкомов Советов, где указывались кон-

кретные исполнители и сроки выполнения намеченных мероприятий[20].

Важнейшее значение по улучшению работы аппарата местных Советов, их связи с массами, дальнейшего повышения их хозяйственно-организаторской роли играли городские и районные партийные конференции, проведенные в республике в ноябре-декабре 1956 г. На партийных конференциях всесторонне анализировалась деятельность Советов по выполнению ими решений XX съезда КПСС, вскрывались недостатки в руководстве ими со стороны партийных органов, намечались конкретные мероприятия по совершенствованию их работы.

Например, на XIV Рузаевской городской партийной конференции руководство горсовета обратило внимание присутствующих коммунистов на факты невнимательного отношения к запросам исполкома городского Совета о выделении дополнительных механизмов трестом «Мордовстрой» строительно-монтажному управлению № 1 города Рузаевки. Партийная конференция потребовала наладить работу СМУ № 1, улучшить его материально-техническое снабжение.

Осудив подобную практику взаимоотношений руководителей предприятий, организаций и учреждений с местными советскими органами, конференция призвала решительно покончить с безответственным отношением к решениям местных государственных органов власти[21]. Такие мероприятия, принимаемые партийными комитетами, способствовали в немалой степени усилению хозяйственно-организаторской инициативы местных Советов, повышали их авторитет.

Большое внимание на партийных конференциях уделялось улучшению руководства со стороны местных Советов промышленными предприятиями, стройками, коммунально-бытовым обслуживанием населения[22].

О необходимости улучшения руководства местными Советами в области хозяйственного и культурного строительства, коренного улучшения хозяйственно-организаторской деятельности в свете решений XX съезда КПСС шла речь на партийных конференциях Краснослободского[23], Ардатовского,[24] Инсарского [25] и других районов республики.

Руководствуясь решениями XX съезда нашей партии и решениями XIII областной партконференции, партийные комитеты стремились улучшить работу всех звеньев советского аппарата, укрепить их опытными, подготовленными кадрами, усилить связи местных Советов с массами.

Важнейшим недостатком в работе гордского и районного Советов, указывалось на XXII Краснослободской районной

партконференции, являлась неудовлетворительная связь с народом. В составе всех Советов Краснослободского района насчитывалось 292 депутата. Из этого количества отчитались перед своими избирателями только 150 человек. В неудовлетворительном состоянии находилась работа постоянных комиссий, а также работа по выполнению наказов и предложений избирателей[26].

Председатель Совета Министров Мордовской АССР И. П. Астайкин на XXII Саранской городской партконференции, характеризуя стиль работы городского Совета отметил, что руководящие работники исполкома горсовета и его отделов чрезвычайно слабо связаны с предприятиями и учреждениями. В работе горсовета и его отделов преобладают канцелярско-бюрократические методы руководства. Например, в 1955 г. принято 744 решения и почти столько же в 1956 г. Совершенно очевидно, что такое обилие бумаг не позволяло работникам горисполкома и его отделов приблизиться к коллективам рабочих и служащих. Такая неудовлетворительная работа аппарата исполкома Совета отразилась, прежде всего, на работе подведомственных ему промышленных предприятий и учреждений коммунально-бытового назначения[27].

Вопросы хозяйственного, культурного строительства в работе Советов и улучшение их связи с массами чаще и конкретнее стали ставиться на пленумах и бюро партийных организаций республики.

В целях дальнейшей активизации всей деятельности представительных органов государственной власти, улучшения руководства и поднятия их авторитета партийные органы Мордовии практиковали принятие совместных постановлений, просьб. Так, в сентябре 1956 г. обком КПСС и Совет Министров МАССР приняли постановление о перестройке работы некоторых отделов исполкомов[28].

Обсудив итоги выполнения государственных планов и социалистических обязательств коллективами промышленных предприятий и строительных организаций города Саранска в III квартале 1956 г. и отметив хорошую работу государственной и кооперативной промышленности, бюро горкома КПСС и исполком горсовета приняли совместное постановление, в котором победителям в социалистическом соревновании по итогам III квартала 1956 г. вручались переходящие красные знамена горкома партии и исполкома горсовета[29].

Партийные комитеты стремились всячески поддерживать инициативу, исходящую от местных Советов. Например, Рузаевский горком партии рекомендовал городскому Совету изу-

чить возможность строительства промышленных предприятий. Вскоре исполкомом городского Совета были представлены рекомендации[30].

Большую работу партийные органы республики в этот период развернули по улучшению работы с кадрами, их подбору и расстановке. Кадровые вопросы постоянно обсуждались на партийных конференциях, пленумах и заседаниях парткомов.

Так, на V пленуме Мордовского обкома КПСС (октябрь 1960 г.) отмечалось, что после XX съезда в областной партийной организации улучшилось дело с подбором, расстановкой и воспитанием кадров. На решающие участки хозяйственного и культурного строительства, в партийный и советский аппарат было направлено много опытных и инициативных работников, хорошо знакомых с местными условиями республики. Особое внимание обком КПСС уделял укреплению кадрами советских органов. Например, к тому времени 84 председателя исполкомов Советов и их заместители районного и городского звена имели высшее и незаконченное высшее образование[31].

Областная партийная конференция осуществила ряд мероприятий по повышению идейно-политической и специальной подготовки руководящих кадров[32].

Предметом постоянной заботы партийных организаций являлась подготовка руководящих партийных и советских кадров из коренной национальности. Так, среди выпускников областной совпартшколы в 1959—1960 гг. 340 человек были представителями мордовской национальности, а к концу 1960 года 33,5 проц. секретарей райкомов партии и 38 проц. председателей районных и городских исполкомов Советов представляли мордовскую национальность[33].

Немаловажная роль в системе партийного руководства Советами принадлежит первичным партийным организациям исполкомов. Руководствуясь решениями XX съезда КПСС, первичные организации местных Советов республики значительно активизировали свою деятельность. Так, на партийном собрании первичной парторганизации Саранского горисполкома, состоявшемся 20 января 1956 г., был вынесен вопрос: «Обсуждение директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг.» С докладом выступил секретарь партийного бюро т. П. П. Вдовенков. Обсуждая большие задачи промышленного, жилищного, коммунально-бытового и культурного

строительства, которые были намечены в директивах, коммунисты пришли к выводу, что успешное решение задач, поставленных в проекте директив, требует улучшения деятельности всех отделов Совета, повышения его организаторской роли в хозяйственном и культурном строительстве, расширения связи с массами и усиления борьбы со всеми проявлениями бюрократизма[34]. «Работники аппарата исполкома, — говорилось в протоколе собрания, — должны улучшить свою работу в части проверки исполнения принятых решений, не допускать нарушения трудовой и производственной дисциплины[35].

Партсобрание обязало бюро первичной парторганизации Саранского исполкома горсовета организовать разъяснение среди аппарата директив XX съезда партии по отделам исполкома, увязывая это изучение с практическими задачами Совета, и выделило для этих целей 6 коммунистов[36].

В марте 1956 года на партсобрании этой же первичной партийной организации обсуждался вопрос: «Итоги работы XX съезда КПСС и задачи первичной парторганизации». Собрание в своем постановлении обязало бюро организовать глубокое изучение решений и материалов XX съезда КПСС среди коллектива работников исполкома горсовета и мобилизовать их на выполнение поставленных XX съездом КПСС задач, улучшить работу аппарата исполкома горсовета и его отделов по руководству работой жилищно-коммунальных предприятий и предприятий местной и кооперативной промышленности[37].

Вопросы совершенствования работы аппарата Саранского городского Совета, борьбы с бюрократизмом, а также улучшение деятельности самой первичной парторганизации и ее бюро глубоко затрагивались и всесторонне обсуждались на последующих партийных собраниях. Примечательным является тот факт, что на собраниях намечались конкретные мероприятия по их устранению, назначались коммунисты, отвечающие за исполнение того или иного мероприятия[38].

Значительную активизацию деятельности первичных партийных организаций исполкомов местных Советов республики можно проследить и на примере первичной парторганизации исполкома Ардатовского городского Совета. Так, партийная организация, этого Совета, насчитывающая на октябрь 1956 г. 53 члена КПСС, провела с октября 1955 по октябрь 1956 г. 10 партийных собраний, на которых обсуждались такие вопросы, как о работе исполкома горсовета за 1955 год, об изучении материалов XX съезда КПСС среди рабочих и

служащих горсовета и его отделов, о развертывании работ по благоустройству города[39] и т. д.

Приведенные примеры не единичны, ибо первичные партийные организации исполкомов местных Советов республики в этот период положили в основу своей деятельности вопросы улучшения работы аппаратов исполкомов Советов и их отделов. Главное внимание сосредотачивалось на живой организаторской работе по выполнению решений XX съезда КПСС[40].

Вместе с тем следует отметить, что партийные комитеты еще недостаточно вникали в работу первичных партийных организаций исполкомов Советов, мало оказывали им помощь в практической деятельности. В практике парткомов не стало еще правилом периодически заслушивать на бюро вопросы о работе первичных партийных организаций исполкомов Советов и их бюро, по совершенствованию стиля и методов работы местных Советов, дальнейшему повышению их хозяйственно-организаторской деятельности[41].

Таким образом, анализ практической деятельности партийных органов республики после XX съезда КПСС показывает, что обком, городские и районные комитеты партии, значительно активизировали свою деятельность по усилению руководства местными Советами. Руководствуясь решениями XX съезда КПСС, партийные организации работали над коренным улучшением всей деятельности Советов. Вопросы повышения хозяйственно-организаторской деятельности, совершенствования аппаратов местных органов государственной власти, улучшение их организационно-массовой работы постоянно обсуждались на конференциях, пленумах, заседаниях бюро, партийных собраниях.

Партийные органы республики направляли деятельность районных, городских Советов на то, чтобы они повседневно боролись за выполнение решений съездов партии, вели организаторскую работу в массах, систематически ставили вопросы производства на обсуждение сессий, исполкомов, постоянных комиссий. Сосредотачивая деятельность местных Советов на дальнейшем расширении сети коммунально-бытовых предприятий и повышении обслуживания населения, на большой программе жилищного строительства, принятой XX съездом КПСС, партийные органы уделяли значительное внимание укреплению связей местных Советов с массами, улучшению работы постоянных комиссий, повышению активности депутатов. В результате, в 1956 г. деятельность местных Советов несколько улучшилась, возросла их роль в хо-

зяйственном и культурном строительстве, усилились связи с трудящимися и избирателями. Более регулярно стали созываться сессии и исполкомы Советов. В 1956 г. 366 исполкомов местных Советов, или 83 проц. созывали сессии Советов в установленные сроки. На 1 января 1957 г. из 9603 депутатов местных Советов отчитались перед избирателями о своей работе и работе Совета в своих избирательных округах 70 проц. против 56 проц. в 1955 г. Из всех исполкомов местных органов государственной власти отчитались 413 исполкомов или 95 проц.[42].

В работе Советов и постоянных комиссий активно участвовали тысячи граждан. Если число депутатов местных Советов Мордовской АССР достигло 9820 человек, то актив из рабочих, крестьян, интеллигенции превысил эту цифру. В 1870 постоянных комиссиях, кроме депутатов, участвовало в работе 10 тысяч активистов[43].

Однако отдельным партийным органам не удалось до конца изжить недостатки в работе Советов. Главной причиной этому являлся недостаточный уровень партийного руководства деятельностью советских органов. На партийных конференциях и заседаниях бюро парткомов недостаточно анализировались конкретные формы руководства Советами.

Областной, районные и городские комитеты партии в этот период еще не наладили до конца работу по совершенствованию партийного руководства Советами. Отдельным партийным органам не удалось избавиться от мелочной опеки и дублирования, не всегда поддерживалась инициатива Советов.

Сказанное отнюдь не зачеркивает всего того, что было сделано в этот период по усилению партийного руководства местными Советами Мордовской АССР. Оно свидетельствует лишь о том, что коммунисты стали более непримиримыми к недостаткам в партийном руководстве местными органами государственной власти. Говоря о той большой работе, которая ведется нашей партией по дальнейшему улучшению руководства Советами Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС отмечал: «Мы стремились способствовать всестороннему развитию собственной активности государственных органов и общественных организаций, всемерно стимулировать их инициативу... Опыт, накопленный за отчетный период, показал, что это было сделано совершенно правильно. Работа местных Советов получила, как говорится, новое дыхание»[44].

Таким образом, XXV съезд КПСС вновь нацелил все партийные органы в деле руководства Советами на всестороннее развитие их инициативы и активности.

---

1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 45, стр. 123.
2 Н. П. Федосеев. Руководящая роль КПСС в строительстве коммунизма. Вопросы истории КПСС, 1970, № 10, стр. 15—16.
3 XX съезд КПСС. Стенографический отчет, Т. II. М., 1956, стр. 426.
4 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 7. М., 1971, стр. 237—248.
5 Там же, стр. 245.
6 Там же, т. 9. стр. 239—243.
7 Там же, т. 10, стр. 331—336.
8 Там же, стр. 334.
9 «Правда» 1976 г., 25 февраля.
10 «Советская Мордовия» 1956 г., 29 января.
11 «Советская Мордовия» 1956 г., 15 января.
12 «Советская Мордовия» 1956 г., 20 января.
13 «Советская Мордовия» 1956 г., 14 января.
14 «Советская Мордовия» 1956 г., 20 января.
15 ПАМО, ф. 333, оп. 3. д. 371, л. 122.
16 «Советская Мордовия» 1956 г., 25 июля.
17 ПАМО, ф. 333, оп. 3, д. 371, л. 272.
18 Там же, лл, 276—277.
19 Там же, ф. 289, оп. 1, д. 422, л. 52.
20 Там же.
21 Там же, ф. 333, оп. 4, д. 3, лл. 50, 51, 54.
22 Там же, ф. 179, оп. 3, д. 25, лл. 18, 29, 71, 80, д. 36, л. 8.
23 Там же, ф. 609, оп. 3, д. 86, лл. 67, 68.
24 Там же, ф. 87, оп. 2, д. 57, лл. 14, 38.
25 Там же, ф. 436, оп. 1, д. 606. лл. 115, 116, 118, д. 43, л. 13.
26 Там же, ф. 609, оп. 3, д. 86, лл, 69, 75, 76.
27 Там же, ф. 333, оп. 4, д. 3, л. 94.
28 Там же, ф. 43, оп. 1, д. 606, л. 37.
29 Там же, ф. 333, оп. 4, д. 373, лл. 157—158.
30 Там же, ф. 289, оп. 1, д. 455. л. 2.
31 ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 121, л. 90.
32 «Советская Мордовия», 1956 г. 15 июля; ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 121, л. 91.
33 ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 121, л. 94.
34 Там же, ф. 346, оп. 1, д. 46, л. 2.
35 Там же, л. 3.
36 Там же, л. 6.
37 Там же, л. 8.
38 Там же, лл. 9—17, 23.
39 Там же, ф. 269, оп. 1, д. 38, л. 41.
40 Там же, ф. 346, оп. 1, д. 46, л. 34.
41 Там же, лл. 22, 23.
42 ЦГА МАССР, ф. р. —234, оп. 8, д. 99 «б», л. 53.
43 «Советская Мордовия», 1956 г., 23 января.
44 Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. Политиздат. М., 1976, стр. 98.

Ю. И. САЛЬНИКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ МОРДОВИИ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КПСС В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В послевоенные годы вопросами советского строительства на территории Мордовии занимался ряд исследователей[1]. В их работах освещаются различные аспекты деятельности Советов депутатов трудящихся и руководство ими со стороны партийных организаций.

Однако некоторые вопросы деятельности местных Советов Мордовской АССР ждут своей разработки. В частности, в историографии советского строительства не получила отражения такая важная сторона деятельности Советов, как руководство жилищным строительством. В предлагаемой статье делается скромная попытка осветить отдельные вопросы деятельности Советов в одной из сложных областей народного хозяйства в области жилищного строительства.

Работа написана на основе документальных материалов, извлеченных автором из центральных и местных архивов.

Большое место в хозяйственно-организаторской деятельности местных Советов в исследуемый период занимала работа по руководству жилищным строительством, сохранности и правильной эксплуатации жилого фонда, ибо жилищная проблема является одной из самых важных проблем подъема материального благосостояния трудящихся.

Только социалистическое государство может проявить максимум заботы об обеспечении жильем трудящихся масс, т. к. оно тесно связано с социальной проблемой. Ф. Энгельс

по этому поводу указывал: «...лишь благодаря решению социального вопроса, то есть благодаря уничтожению капиталистического способа производства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса»[2].

XX съезд КПСС признал необходимым «...серьезно улучшить и значительно расширить жилищное строительство. Построить за пятилетие в городах и рабочих поселках и в сельской местности за счет государственных средств жилые дома общей площадью примерно 205 млн. кв. м, или почти в два раза больше, чем в пятой пятилетке»[3].

В жилищное строительство намечалось внести капитальных вложений за годы пятилетки 990 млрд. рублей[4], или на 67 проц. больше, чем в пятой пятилетке[5].

Для того, чтобы ярче представить себе широту размаха жилищного строительства в шестой пятилетке, достаточно вспомнить, что за первую пятилетку в городах и рабочих поселках страны было построено жилых домов общей площадью 23,5 млн. кв. м.[6]

Конкретизируя решения XX съезда КПСС в области жилищного строительства, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 31 июля 1957 г. приняли постановление о развитии жилищного строительства в СССР, в котором была поставлена задача ликвидировать недостаток в жилищах для трудящихся в течение 10—12 лет. Намечалось в 1956—1960 гг. построить и сдать 215 млн. кв. м жилой площади за счет государства и 113 млн. кв. м за счет средств самого населения с помощью государственного кредита[7].

В городах и районных центрах республики жилой фонд составляли в основном деревянные дома, находившиеся в ветхом состоянии. Более 60 проц. из них требовало капитального ремонта. Имеющаяся жилая площадь местных Советов ни в коей мере не удовлетворяла потребности населения. В городе Саранске на одного жителя приходилось 3,2 кв. м, на частных квартирах проживало более 2,5 тыс. семей.[8]

Включившись в борьбу за выполнение решений XX съезда КПСС, местные Советы республики под руководством партийных органов проделали большую работу в области жилищного строительства.

Бюро Мордовского обкома КПСС и Совет Министров республики приняли 3 февраля 1958 года постановление «О мероприятиях по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором была разработана программа жилищного строительства и намечены конкретные меропри-

БИБЛИОТЕКА Мордовского

ятия по ее выполнению. Госплан Мордовской АССР, Совнархоз Мордовского экономического административного района, министерства и ведомства, исполкомы городских и районных Советов, горкомы и райкомы КПСС обязывались при определении объектов жилищного строительства в государственных планах развития народного хозяйства исходить из необходимости ликвидировать в ближайшие 10—12 лет недостаток в жилье для трудящихся республики. Объем государственного жилищного строительства в Мордовской АССР на 1956—1960 гг. по вводу в эксплуатацию жилых домов устанавливался общей площадью 350 тыс. кв. м. Были одобрены мероприятия о развитии промышленности строительных материалов и деталей в Мордовском экономическом административном районе на 1958—1960 гг., утвержденные Советом народного хозяйства в сентябре 1957 г. Была установлена этажность застройки жилых домов: для г. Саранска—3—4 этажа, г. Рузаевки—2—3 этажа, а для остальных городов и рабочих поселков преимущественно в 2 этажа. Постановление обязывало исполкомы местных Советов и Министерство коммунального хозяйства Мордовской АССР силами конторы «Мордпроект» составить проекты планировки и застройки городов Краснослободска, Темникова, Ардатова, Ковылкина и рабочих поселков. Партийные, советские и хозяйственные организации, руководители предприятий обязывались еще шире развивать жилищное строительство методом народной стройки[9].

Местными Советами совместно с районными и городскими комитетами партии были разработаны конкретные практические мероприятия по расширению жилищного строительства и сохранности имеющегося жилого фонда. Так, исполком Рузаевского городского Совета под руководством горкома партии разработал практические мероприятия, которыми предусматривалось увеличение в 1960 году жилого фонда по коммунальному сектору свыше 10 тыс. кв. м. Построить 10 многоквартирных домов и одно общежитие за счет государственных ассигнований. За счет средств предприятий с трудовым участием населения (методом народной стройки), намечалось построить 197 двухквартирных домов с жилой площадью свыше 16 тыс. кв. м. В 1957—1960 годах также намечалось построить трудящимися города за счет собственных сбережений с помощью государственного кредита 575 индивидуальных домов общей площадью 23 тыс. кв. м. В целом общая жилая площадь к 1961 году должна была увеличиться на 27 тыс. кв. м, возрасти по сравнению с 1956 го-

дом в 1,8 раза, что позволяло обеспечить потребности населения в жилье примерно на 80 проц. Наряду с новым жилищным строительством, намечалось произвести большой объем работ по капитальному и текущему ремонту существующего жилого фонда[10].

Обсуждая проект директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, исполком Краснослободского городского Совета и горкомхоз наметили план работы по жилищному строительству и ремонту по объектам городского коммунального хозяйства на 220,0 тыс. руб., по домоуправлению—225,0 тыс. руб., прочие организации—105,0 тыс. руб. Всего на общую сумму 600,0 тыс. руб., капитально отремонтировать ряд домов, оборудовать городскую баню, расширить водопровод, восстановить мельницу[11].

Местные Советы по месяцам, кварталам, полугодиям и итогам года заслушивали руководителей промышленных предприятий, городские жилищные управления, коммунальные и ремонтно-строительные конторы о ходе выполнения ими планов строительных и ремонтных работ. Например, в 1956 году исполком Саранского городского Совета, рассмотрев финансово-хозяйственную деятельность городского жилищного управления и отметив, что оно значительно улучшило работу по ремонту жилого фонда, указал на неудовлетворительную работу руководства по механизации ручных трудоемких работ. В принятом решении исполком обязал городское жилищное управление на основе постоянного внедрения в производство механизации трудоемких работ, использования рационализаторских предложений обеспечить в 1958 году выполнение производственного задания ремонтных и строительных работ досрочно, значительно улучшив их качество[12].

Поскольку строительство и ремонт объектов жилищного хозяйства местных Советов в районах и городах республики осуществлялось в основном ремонтно-строительными конторами, то вполне естественно, что исполкомы Советов уделяли им большое внимание. Ежегодно, получая специальные средства на строительную индустрию, местные органы государственной власти, кроме того, направляли на оснащение ремонтно-строительных организаций 10 проц. от средств, выделенных на капитальный ремонт жилищного фонда. В результате во всех городах Мордовской АССР наличие производственных баз и вспомогательных производств стало удовлетворительным[13].

Некоторые сведения о наличии производственных баз и объемах работ ремонтно-строительных организаций местных Советов на 1956—1957 гг. дает таблица 1.

Во всех городах республики были цеха железобетонных изделий, лесопильные, сушильные и механические цеха, имелось 76 деревообрабатывающих и 50 металлорежущих станков основных типов[15].

Таблица 1[14]

Названия городов, где имелись ремонтно-строительные конторы	Год организации	Объем фактически выполненных работ за 1956 г., тыс. руб.	Объем работ, выполненных за 1957 г., тыс. руб.	Установленная категория
Саранск	1940	2350	3200	III
Рузаевка	1946	1375	1500	III
Ардатов	1954	733,0	800,0	IV
Темников	1954	733,0	800,0	IV
Краснослободск	1954	818,0	700,0	IV

Однако следует заметить, что в строительных организациях местных Советов Мордовии не хватало строительных подъемно-транспортных механизмов, электрогазосварочных аппаратов и другой строительной техники, что значительно затрудняло ремонтно-строительные работы.

В целях дальнейшего улучшения жилищно-коммунального обслуживания трудящихся, исполкомами местных Советов совместно с Министерством коммунального хозяйства в 1957 году было начато строительство новых ремонтных баз в городах Саранске, Темникове, Рузаевке, Краснослободске и Ардатове[16].

Повседневная забота местных Советов об улучшении работы строительных организаций дала положительные результаты. За 1956 г. строительные организации республики досрочно выполнили план капитального ремонта жилых домов и добились большого успеха в сравнении с некоторыми автономными республиками Поволжья, что видно из таблицы 2.

Таблица 2[17]

(тыс. руб.)

Виды работ / Автономные республики	Годовой план	Выполнено за год	В процентах к году	Годовой план ремонта домов	Отремонтировано домов за год
Всего по РСФСР	1592682	—	—	—	—
В том числе:					
капитальный ремонт (без строительства)	1401592	1433022	102,3	26205	26575
Марийская АССР	1800	1824	101,3	75	78
Чувашская АССР	2000	2204	110,2	38	37
Мордовская АССР	2900	3261	112,4	90	138

Данные таблицы показывают, что процент капитально отремонтированных домов по Мордовской АССР был значительно выше, чем в целом по РСФСР и приведенным автономным республикам и составлял 112,4 проц. Планом было установлено отремонтировать 90, отремонтировано же 138 жилых домов.

Идя дальше по пути совершенствования своих строительных организаций, Советы объединяли их в стройтресты и жилищно-коммунальные конторы. Так, исполком Саранского городского Совета 1 января 1958 года принял решение о создании нового ремонтно-строительного треста «Горжилкоммунстрой». Вновь созданный трест успешно справился с планом работ по капитальному ремонту жилого фонда и благоустройству. В 1958 году им было отремонтировано 37 жилых домов, свыше 250 семей были заселены в отремонтированные квартиры[18].

Учитывая, что осуществление планов жилищного строительства и ремонта жилых домов в немалой степени зависит от наличия местных строительных материалов, Советы республики принимали деятельное участие в дальнейшем развитии производства строительных материалов. Характерным явился тот факт, что местные органы государственной власти стали строить предприятия по производству строительных материалов при ремонтно-строительных конторах.

Так, исполком Краснослободского районного Совета и бюро РК КПСС в октябре 1958 года на совместном заседании, посвященном вопросу о жилищном строительстве и благоустройстве города, отметили, что в результате нехватки строительных материалов, городской Совет систематически не справляется с программой жилищного строительства. В принятом постановлении бюро райкома партии и исполком райсовета обязали городской Совет немедленно начать подготовку к производству в городе при ремонтно-строительной конторе кирпича, щепы и др. строительных материалов[19].

В короткий срок производство строительных материалов было налажено при ремонтно-строительных организациях большинства районных и городских Советов республики. Это было необходимо еще и потому, что исполкомы Советов оказывали существенную помощь строительными материалами индивидуальным застройщикам и побуждали к этому предприятия местного хозяйства и торговые организации. Например, на XXV Саранской городской партийной конференции в 1958 году исполкомом городского Совета был поднят вопрос об улучшении и расширении торговли в городах и районах строительными материалами, чтобы полнее удовлетворить запросы трудящихся и не сдерживать строительство индивидуальных жилых домов[20].

Однако следует заметить, что в районах и городах республики все же неудовлетворительно была организована торговля такими строительными материалами, как цемент, стекло, кровля, гвозди и т. п. Поэтому местными Советами в 1958 году перед Советом Министров Мордовской АССР был поставлен вопрос о своевременном обеспечении предприятий и организаций, занимающихся строительством жилья хозяйственным способом, строительными материалами. Рассмотрев предложения местных Советов, Совет Министров республики принял решение значительно ускорить ввод в эксплуатацию заводов по производству шлако-блоков производительностью 7 млн. шт. условного кирпича в год, в мае 1958 г. ввести в эксплуатацию цех сборного железобетона при тресте «Мордовстрой». Значительно увеличивалась программа сборного домостроения[21].

Местные Советы работали над укреплением строительных организаций квалифицированными кадрами строителей. С 1952 по 1957 годы в республике, по существу, заново были подготовлены кадры строителей, способные решать сложные задачи промышленного, жилищного и культурно-бытового строительства. За это время был организован строительный

трест № 13, где работало до 4500 человек, строительное управление ТЭЦ-2, укреплен «Мордовстройтрест» и другие строительные организации. В 1957 году на стройках Мордовской АССР работало свыше 8000 рабочих, служащих и инженерно-технических работников[22].

Необходимо отметить, что были случаи, когда отдельные партийные организации, допуская мелочную опеку, вопросы подбора и расстановки кадров решали самолично, без согласования с Советами. Например, на 4-м пленуме Темниковского райкома КПСС (октябрь 1957 г.), при обсуждении вопроса «О жилищном строительстве и культурно-бытовом обслуживании трудящихся» председатель исполкома городского Совета подчеркнул, что бюро РК КПСС вопросы подбора и расстановки кадров решает без согласования с местным органом государственной власти. Часто люди принимались некомпетентные и поэтому дело жилищного строительства поставлено неудовлетворительно[23].

Наряду с государственным жилищным строительством Советы уделяли значительное внимание и индивидуальному строительству жилья. До принятия постановления партии и правительства о жилищном строительстве в СССР оно развивалось недостаточно. Главным образом потому, что «...не оказалось должной помощи застройщикам со стороны предприятий и местных Советов».[24]

Объем индивидуального строительства в городах и районах Мордовии на 1956—1960 годы за счет средств населения и с помощью государственного кредита был установлен общей площадью 269 тыс. кв. м.[25] Благодаря повседневной заботе Советов, индивидуальное жилищное строительство в 1956—1957 гг. в республике приняло новые, более совершенные формы. Суть состояла в том, что земельные участки под застройку и кредиты выдавались преимущественно не отдельным гражданам, как раньше, а предприятиям и организациям с тем условием, чтобы они, выделив рабочим земельные участки, произвели благоустройство территории индивидуальной застройки. Примером такого строительства в г. Саранске может служить жилой массив восточной части города и отчасти юго-западной. Исполком горсовета разработал проект застройки восточной части города. В 1957 году исполкомом Совета было отведено 140 земельных участков предприятиям, организациям и гражданам для индивидуального строительства. Всего в этой части города предусматривалось построить 200 домов, в течение 1956—1957 гг. создать благоустроенный поселок[26].

Исполком Ардатовского городского Совета, например, в августе 1957 года выделил кредит на новое индивидуальное строительство следующим организациям и учреждениям: конторе связи — 14 тыс. руб., отделу культуры райсовета — 2000 тыс. руб., МТС—7000 тыс. руб. и семи гражданам г. Ардатова на общую сумму 21 тыс. руб. А всего в 1957 году было выделено ссуды организациям и учреждениям на индивидуальное жилищное строительство около 200 тыс. руб., гражданам города около 110 тыс. руб.[27].

Несмотря на то, что строители республики с каждым годом наращивали темпы строительства жилых домов и культурно-бытовых зданий, они не могли удовлетворить возросшие потребности трудящихся в жилье, ибо бурное развитие промышленности вызвало необходимость значительного увеличения жилого фонда. Местные Советы стали широко привлекать к сооружению жилья самих трудящихся.

Практика 1956 года показала, что в быстрейшем разрешении жилищного вопроса большое значение имеет строительство жилья хозяйственным способом (методом народной стройки). В 1957 году в одном только Саранске методом народной стройки было построено свыше 8 тыс. кв. м, а в 1958 году было намечено сдать в эксплуатацию не менее 20 тыс. кв. м жилой площади.

Благодаря проведенной организаторской работе многие предприятия и организации активно включились в это дело. Учтя недочеты 1956 года, они в 1957 году от строительства деревянных одноэтажных жилых домов перешли к строительству 2-х этажных многоквартирных кирпичных домов с водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Стеновой материал для строительства этих домов изготовлялся из отходов производства непосредственно на предприятиях или на строительных площадках. Пример такого строительства показывал Саранский пеньковый комбинат. На предприятии было 16 застройщиков, которые вместе с членами своих семей вели строительные работы. В 1958 году при комбинате таким способом был построен санаторий и четыре двухэтажных многоквартирных дома[28].

В 1957 году коллективы предприятий, организаций и учреждений города Саранска, поддержав инициативу горьковчан, построили своими силами с привлечением рабочих и служащих 13064 кв. м жилья. А в течение 1956—1958 гг. в юго-западной части города вырос новый поселок, насчитывающий около 150 двух и четырехквартирных домов. Всего же в течение 1957 г. было построено и заселено

31450 кв. м жилой площади, что в три раза больше, чем в 1956 году[29].

Значительную активность проявляли депутаты, мобилизуя трудящихся на изыскание дополнительных внутренних резервов предприятий на жилищное строительство. Так, в январе 1957 года в агитпункте Саранской махорочной фабрики рабочие предприятия встретились со своим депутатом городского Совета тов. Прытковым, который рассказал, что сделано Советом по выполнению наказов избирателей. Народный избранник проинформировал о большом размахе жилищного строительства, который велся в городе, в частности, методом народной стройки. Сообщил, что исполкомом городского Совета принято решение об отпуске рабочим и служащим неограниченных сумм в виде государственного кредита на индивидуальное строительство, о чем многие избиратели еще не знали. Одобрив работу своего депутата и городского Совета в области жилищного строительства, рабочие решили поддержать почин горьковчан и рязанцев в строительстве жилых домов за счет изыскания внутренних резервов предприятия[30].

Многие депутаты, трудясь на строительстве жилых домов и культурно-бытовых объектов, являлись передовиками и показывали образцы самоотверженного труда. Например, ряд депутатов Рузаевского городского Совета, трудясь на строительстве жилых домов, ежедневно выполняли 1,5—2 нормы[31]. Бригада каменщиков УНР-727, возглавляемая депутатом Саранского горсовета И. Васиным, за смену вместо 10 тыс. штук кирпича, укладывала до 15 тыс. В этой же строительной организации плотники бригады депутата М. Н. Гогина декабрьское задание 1957 года выполнили на 138 процентов. А в 1958 году план работ значительно увеличили. Так, за один неполный день (2 января) на строительстве восьмиквартирного дома они покрыли шифером свыше 100 кв. м крыши, установили дверные блоки и перегородки, произвели отрешетку стропил и перекрытий.

Строители республики за самоотверженный труд получили высокую оценку. В августе 1958 года Президиум Верховного Совета Мордовской АССР наградил почетными грамотами группу рабочих, служащих и инженерно-технических работников строительных организаций и предприятий по производству строительных материалов, особо отличившихся в строительстве промышленных предприятий, жилых домов, культурно-бытовых объектов[32].

Понимая, что важнейшая задача строителей—безусловное

выполнение планов ввода в действие производственных мощностей и жилищ, дальнейшее снижение стоимости, сокращение сроков и повышение качества строительства на основе дальнейшего технического прогресса, местные Советы под руководством партийных организаций повседневно стремились к улучшению руководства жилищным и гражданским строительством. Вопросы жилищного строительства постоянно обсуждались партийными органами и местными Советами на совместных заседаниях. К примеру, в июне 1957 года на совместном заседании бюро Саранского горкома партии и исполкома Совета обсуждался вопрос «О ходе жилищного строительства в г. Саранске». Зная, что сокращение сроков строительства только на один месяц даст возможность снизить его стоимость на 1,3 процента[33], бюро ГК КПСС, исполком городского Совета приняли постановление, в котором, в частности, отмечалось, что считать важнейшей и неотложной задачей городской партийной организации и исполкома горсовета досрочное выполнение не позднее 1 ноября государственного плана жилищного строительства в объеме не менее 27 тыс. кв. м и принятых социалистических обязательств по строительству в 1957 году не менее 32 тысяч кв. м. жилой площади[34]. Постановление нацеливало городской партийный комитет и исполком местного Совета на соблюдении строжайшего повседневного контроля за ходом строительства каждого жилого дома; на оказание всемерной помощи строительным организациям в выполнении принятых ими социалистических обязательств.

Учитывая, что в строительстве в городе решающая роль принадлежала молодежи, бюро горкома партии и исполком Совета обратились с призывом к комсомольцам и молодежи города, в том числе к выпускникам 10-х классов средних школ, студентам принять самое активное участие в жилищном строительстве[35].

Разрешение жилищной проблемы невозможно без сохранения существующего жилого фонда. Поэтому в резолюции XX съезда КПСС указано: «Считать важнейшей задачей приведение в порядок и сохранение существующего жилого фонда и дальнейшее благоустройство жилых домов»[36].

Жилой фонд в городах и районных центрах Мордовии в 1956 году равнялся 3530 тыс. кв. м[37]. Следовательно, правильная организация работы по приведению жилого фонда в надлежащий порядок, потребовала тщательного осмотра технического состояния каждого жилого дома и составления списка домов, подлежащих капитальному и планово-преду-

предительному ремонту. Местные Советы в основном неплохо справлялись с капитальным и текущим ремонтом жилых домов. Но в то же время еще не везде была ликвидирована вредная практика, когда отбор жилых домов для ремонта производился с опозданием, а списки отобранных домов менялись по несколько раз в год. Например, исполком Саранского городского Совета списки жилых домов, подлежащих ремонту, пересматривал за 1957 год пять раз[38].

Немаловажное значение в деле приведения в порядок и сохранения существующего жилого фонда имела работа Советов по восстановлению аварийных жилых домов городских жилищных управлений и переселению жильцов из помещений, непригодных для жилья. Примером может служить опыт, накопленный Саранским городским Советом депутатов трудящихся. Постоянная жилищно-коммунальная комиссия, проверив в январе 1958 года состояние ряда жилых домов городского жилищного управления и установив большой процент их износа, вынесла этот вопрос на исполком. В конце января исполком провел заседание с повесткой дня «О мероприятиях по восстановлению аварийных жилых домов горжилуправления и переселению жильцов из помещений, непригодных для жилья». На заседание были приглашены руководители горжилуправления и стройтрестов. В ходе обсуждения выяснилось, что они, а также руководители некоторых предприятий и организаций слабо интересуются жилищными вопросами трудящихся. В принятом постановлении исполком обязал начальника городского жилищного управления и управляющего трестом «Горжилкоммунстрой» построить и восстановить за счет средств капитального ремонта жилищного фонда в 1958 г.—800 кв. м, в 1959 г.—1000 кв. м и в 1960 г.—1400 кв. м жилой площади для переселения жильцов из аварийных домов.

Исполком обязал руководителей предприятий и организаций переселить из аварийных бараков и домов горжилуправления в течение 1958—1959 гг. семьи рабочих и служащих, работающих в руководимых ими предприятиях и учреждениях. Руководству горжилуправления и тресту «Горжилкоммунстрой» было предложено обеспечить капитальный ремонт жилых домов в следующем объеме: в 1958 году—32, в 1959—38, в 1960 году—42 жилых дома[39].

Местные Советы республики иногда использовали под жилье даже конторские помещения. Например, постоянная жилищно-коммунальная комиссия Саранского городского Совета установила, что многие учреждения города можно уплот-

нить, за счет чего освободится около 1 тыс. кв. м площадей, которую можно приспособить для жилья. Исполкомом Совета было принято по этому вопросу соответствующее решение[40].

В городе Темникове в 1957 году помещения райфо и инкубаторной станции горсоветом были отремонтированы и заселены нуждающимся в жилье семьями трудящихся[41].

Эксплуатацию жилого фонда местные Советы осуществляют через домоуправления, жилищные отделы (управления) городских Советов и городские отделы коммунального хозяйства.

В исследуемый период эти домоуправления были, как правило, мелкими. В РСФСР насчитывалось 8764 домоуправления, большинство из них обслуживало площадь от 1500 до 5000 кв. м[42] В Мордовской АССР имелось 12 домоуправлений: в Саранске—10 и Рузаевке—2.

В остальных городах эксплуатацией жилого фонда занимались конторы по благоустройству города[43]. В большинстве домоуправлений не было ни одного инженерно-технического работника. Возглавлялись они работниками, не имеющими специального образования. В мелких домоуправлениях такие специальности, как печники, электрики, водопроводчики, кровельщики и др., как правило, работали по совместительству, что приводило к частому переносу сроков ремонта и понижению ответственности за выполненные работы. Совершенно очевидно, что «мелкие домоуправления не имели возможности проводить грамотный технический надзор, не располагали квалифицированными рабочими для аварийного и технического ремонта, не имели мастерских и необходимого запаса материалов[44].

Местные Советы республики, используя положительный опыт городских Советов Москвы, Ленинграда, Горького и др., стали создавать укрупненные домоуправления или жилищно-эксплуатационные конторы, способные организовать правильную техническую эксплуатацию жилых домов. Так, исполком Саранского городского Совета создал из 10 домоуправлений 4, исполком Рузаевского горсовета из двух—1[45].

Большое внимание партийные и советские органы республики уделяли выполнению ноябрьского (1955 г.) постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Вскрытые ЦК КПСС и Советом Министров СССР недостатки, как отмечалось на заседании бюро Мордовского областного комитета КПСС 7 января 1956 года, имели место также в работе проектных и строительных организаций Мордовской АССР. Про-

ектные организации допускали технически необоснованные конструкции зданий, затягивали сроки составления технической документации, а ее качество продолжало оставаться низким. Строительные организации грубо нарушали технологию строительного производства. Вновь застроенные жилые кварталы не благоустраивались и не озеленялись, в частности строительным трестом № 13 и стройуправлением Саранской ТЭЦ-2. Качество выполненных работ оставляло желать лучшего. По городу Саранску из принятых в 1955 г. государственной комиссией 21 объекта получили оценку «хорошо» лишь 10 и удовлетворительно—11[46]. Бюро обкома партии, Совет Министров Мордовской АССР в принятом по этому поводу постановлении обязали руководителей министерств и ведомств Мордовской АССР, горрайисполкомы, пересмотреть проектно-сметную документацию на строящиеся объекты с целью решительного устранения в проектах излишеств в планировочных и конструктивных решениях. Исполкомы Саранского и Рузаевского городских Советов обязывались изучить проекты планировки и застройки городов и детальные проекты планировки жилых районов и внести в Совет Министров Мордовской АССР предложения о пересмотре и устранении имеющихся в них излишеств. Саранскому и Рузаевскому городским Советам было предложено широко практиковать общественное обсуждение проектов планировки и застройки городов[47].

Местные органы государственной власти республики стали шире привлекать трудящиеся массы, актив к участию в различных формах контроля за работой строительных организаций, жилищных управлений и домоуправлений.

Некоторый положительный опыт в этом отношении был накоплен Саранским городским Советом. В 1958 году при исполкоме горсовета была организована из числа депутатов и активистов комиссия по распределению и заселению жилплощади. В октябре комиссия проверила состояние рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся в городском жилищном управлении. Проверка показала, что жалобы и заявления в горжилуправлении и его домоуправлениях не регистрировались и не рассматривались. Из поступивших в 1958 году 254 жалоб и заявлений—83 не были зарегистрированы. В журнале регистрации не отражалось их краткое содержание, результаты рассмотрения и дата ответа. Многие ответы носили формальный характер, давались несвоевременно. Из поступивших в исполком горсовета 62 заявлений и жалоб, только по 42 дан ответ в установленные сроки. Были вскрыты факты,

когда по одному и тому же вопросу в горжилуправление трудящиеся были вынуждены обращаться по несколько раз. Вопрос о рассмотрении жалоб и заявлений в горжилуправлении был вынесен комиссией на заседание исполкома Совета в октябре 1958 года, где был заслушан отчет начальника горжилуправления. В принятом решении исполком потребовал от руководства немедленно ликвидировать отмеченные недостатки. Руководству горжилуправления было предложено установить часы приема трудящихся во всех городских домоуправлениях. Исполком рекомендовал комиссии по рассмотрению и заселению жилплощади установить повседневный контроль за рассмотрением жалоб и заявлений в домоуправлениях, а также за ходом проведения капитального и планово-предупредительного ремонта[48]. В результате работа строительных организаций, жилищных управлений и домоуправлений значительно улучшилась.

Таким образом, после XX съезда КПСС и июльского (1957 г.) Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» значительно улучшилась работа Советов, расширилось их участие в жилищном строительстве и благоустройстве своих территорий. Повысилась активность депутатов Советов, членов постоянных комиссий. Местные Советы стали шире привлекать трудящихся к осуществлению в различных формах контроля за сроком и качеством строительных и ремонтных работ, заботиться об организации и ритмичной работе предприятий, выпускающих строительные материалы. Советы всемерно способствовали развитию жилищного строительства методом народной стройки и индивидуального жилищного строительства, вели активную борьбу за сохранение и правильную эксплуатацию существующего жилого фонда.

Вместе с тем, некоторые Советы неполностью использовали свои права в области жилищного строительства, недостаточно вникали в работу строительных организаций, слабо вели борьбу за внедрение передовых методов труда. Принимаемые решения нередко не проверялись, недостаточно привлекали актив к решению жилищных вопросов[49].

XXV съезд КПСС в области жилищного строительства поставил перед партийными, советскими и хозяйственными органами новые грандиозные задачи. В десятой пятилетке на жилищное и коммунальное строительство будет направлено около 100 миллиардов рублей капитальных вложений.

Выступая на съезде с докладом «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»,

А. Н. Косыгин подчеркнул, что «Улучшение жилищных условий рабочего класса, крестьянства, интеллигенции партия считает одной из главных задач в деле повышения народного благосостояния. В течение этих лет будет введено в действие 545—550 миллионов квадратных метров общей площади жилых домов, повысится качество жилищного строительства, улучшится комфортабельность жилищ и их планировка»[50].

В осуществлении этой задачи местным Советам будет принадлежать важнейшая роль.

---

1. А. П. Брагин. Деятельность местных Советов депутатов трудящихся Мордовии накануне XXII съезда КПСС. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 38, Саранск, 1969, стр 37—58; его же. Дело партии, дело Советов. Саранск, 1971. О. И. Агапова. Роль областной партийной организации в повышении политической и культурной деятельности Советов Мордовии в послевоенные годы (1945—1955 гг.). Ученые записки ГГПИ вып. 127, серия общественных наук. Горький, 1971, стр. 65—80. И. И. Санаев. Из опыта партийной работы. Саранск, 1959; И. М. Еделькин. Единство демократии и дисциплины. По Ленину сверяя жизнь. Саранск, 1968; И. В. Вешуткин. О реконструкции г. Саранска. Записки МНИИЯЛИЭ № 8, Саранск, 1956, стр. 126—133.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 238.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7, М., 1971, стр. 161.
4. Здесь и далее данные приводятся в старом масштабе цен, действовавшем до 1 января 1961 г.
5. ЦГАНХ СССР, ф. 339, оп. 3, д. 74, л. 4.
6. Жилищно-коммунальное хозяйство, 1956, № 1, стр. 2.
7. КПСС в резолюциях и решениях... т. 7. М., 1971, стр. 283.
8. ЦГА МАССР, ф. р.—456, оп. 5, д. 204, лл. 3, 4.
9. ЦГА МАССР, ф. р.—348, оп. 5, д. 159, лл. 2—6.
10. ПАМО, ф. 629, оп. 1, д. 38, лл. 1—3.
11. ПАМО, ф. 629, оп. 1, д. 470, лл. 22, 23.
12. ПАМО, ф. 629, оп. 1, д. 38, лл. 1—3.
13. ЦГА МАССР, ф. р. 14, оп. 13, д. 29, л. 62.
14. ЦГА РСФСР, ф. 314, оп. 3, д. 2235, л. 27.
15. Там же, л. 26.
16. ЦГА МАССР, ф. р.—456, оп. 5, д. 174, л. 10.
17. Таблица составлена по данным ЦГА РСФСР, ф. 314, оп. 3, д. 2217, л. 3.
18. ПАМО, ф. 333, оп. 4, д. 15, лл. 43—45.
19. ПАМО, ф. 629, оп. 3, д. 113, л. 88.
20. ПАМО, ф. 333, оп. 4, д. 15, лл. 45, 46.
21. Там же, ф. 269, оп. 4, д. 75, лл. 51, 52.
22. ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 62, лл. 5, 41.
23. ПАМО, ф. 169, оп. 3, д. 36, лл. 29, 30.
24. ЦГАНХ СССР, ф. 339, оп. 3, т. II, д. 370, л. 32.
25. ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 75, лл. 51—52.
26. ПАМО, ф. 333, оп. 4, д. 3, л, 131.
27. Подсчитано автором. ЦГА МАССР, ф. 289, оп. 4, д. 30, лл. 9—57.
28. «Советская Мордовия» 1958 г., 4 июля.
29. ПАМО, ф. 333, оп. 4, д. 12, л. 1.
30. «Советская Мордовия», 1957 г. 18 января.

31 ЦГА МАССР, ф. р. 234, оп. 8, д. 156, л. 274.
32 Там же, д. 198, л.л. 58—59.
33 ЦГАНХ, СССР, ф. 339, оп. 3, д. 74, л. 33.
34 ПАМО, ф. 333, оп. 4, д. 12, л. 1.
35 Там же л. 107.
36 КПСС в резолюциях и решениях.... т. 7. Политиздат, М., 1971, стр. 162.
37 ЦГА РСФСР, ф. 314, оп. 3, д. 3159, л. 7.
38 Там же, д. 4008, л. 12.
39 ЦГА МАССР, ф. р.—14, оп. 13, д. 38, л. 4.
40 ЦГА МАССР, ф. р.—456, оп. 5, д. 138, л. 239.
41 ПАМО, ф. 179, оп. 3, д. 36, л. 36.
42 ЦГА РСФСР, ф. 314, оп. 3, д. 4008, л. 16.
43 ЦГА МАССР, ф. р.—456, оп. 5, д. 325, л. 223.
44 ЦГА РСФСР, ф. 314, оп. 3, д. 4008, л. 16.
45 ЦГА МАССР, ф. р.—465, оп. 5, д. 325, л. 225.
46 ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 29А, лл. 17, 18.
47 ПАМО, ф. 269, оп. 4, д. 29А, л. 18.
48 ЦГА МАССР, ф. р. 14, оп, 13, д. 38, лл. 285, 286.
49 ПАМО, ф. 609, оп. 3, д. 113, лл. 101—102.
50 А. Н. Косыгин. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы. Доклад XXV съезду КПСС 1 марта 1976 года. Политиздат. М., 1976, стр. 18—19.

В. Ф. ВАВИЛИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Типологическая классификация сельских поселений в достаточной степени не разработана. Это привело к тому, что в этнографической литературе до сих пор нет четкой, всеми принятой научной терминологии. Например, социально-экономические разновидности поселений (село, сельцо, деревня и т. п.) называются видами, формами, типами поселений; планировочные формы называют типами поселений, типами застройки, типами расселения и т. д.; рассматривая типы заселения, некоторые исследователи называют их типами расселения, видами поселения и т. п.[1] Отсутствие четкой типологической классификации существенно затрудняет как систематику сельских поселений, так и составление сводных этнографических атласов.

Остановимся коротко на истории вопроса.

Сельские поселения начали привлекать внимание исследователей уже в XVIII веке, тогда же возникли первые попытки их классификации. И. Г. Георги, основываясь преимущественно на внешних признаках, выделил следующие разновидности поселений: «...предместья, крепости, волости, местечки, села, деревни, погосты, сельцы, хуторы, усадьбы, колонии, или чужестранцев поселения, мызы, загородные дворы, дачи, остроги»[2]. А. И. Воейков предложил классифицировать поселения по признаку их населенности[3]. В. П. Семенов-Тян-Шанский, положив в основу географический фактор,

классифицировал их по типам заселения[4]. В работах Н. Н. Воронина дается классификация сельских поселений по социально-экономическим типам[5]. Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов, расширив понимание темы, классифицировали их по формам, стремясь охватить при этом и ряд других вопросов: «рельеф местности, связь с историей края, социально-экономическими условиями и сравнительное историческое развитие каждого типа селения»[6].

Не касаясь подробной характеристики перечисленных классификаций (иногда удачных, а иногда весьма спорных), следует отметить их основной недостаток в одностороннем изучении поселений.

Первую попытку свести воедино разные аспекты проблемы сделал М. В. Витов[7]. Считая необходимым всестороннее, комплексное изучение поселений, М. В. Витов разработал классификации типов поселений, форм поселений, типов заселения и типов расселения[8]. Однако он признавал, что предлагаемые им классификации не исчерпывают всех существенных сторон, характеризующих поселения[9].

После выхода в свет новых работ М. В. Витова[10], появилось много исследований, в которых описываются поселения различных этносов. Из последних работ выделяется статья В. А. Липинской о русских поселениях Алтайского края[11], выгодно отличающаяся от многих работ тем, что в ней использованы фотопланы. Автор принимает за основу планировочную структуру селений, включающую четыре основных элемента: 1) ориентировка построек и их положение на усадьбе; 2) взаимное расположение построек и усадеб; 3) фасадная линия, проекция передней грани усадеб; 4) форма планировки, схема расположения построек. При этом делается попытка «связать планировочную структуру селений с факторами социальными, географическими, этническими и воздействием времени»[12].

В этой классификации, прежде всего, заслуживает внимания дифференцированный подход к изучению формообразования поселений. Однако то, что автор свел изучение поселений лишь к анализу планировочной структуры, предопределило известную ограниченность статьи. Хотя для анализа привлекаются данные по социально-экономическим типам, величине, историческому возрасту поселений, особенностям местности и т. п., тем не менее все перечисленные характеристики рассматриваются лишь постольку, поскольку речь идет о планировочной структуре. Других аспектов изучения

поселений В. А. Липинская не предлагает, что объясняется, видимо, характером интерпретируемого материала.

Прежде чем изложить некоторые положения типологической классификации поселений, остановимся вкратце на вопросе изучения их такими науками как история, география, архитектура, демографическая статистика и этнография.

Каждая из перечисленных наук подходит к изучению поселений со своих позиций, не затрагивая в большинстве случаев других сторон вопроса. Если в этнографии этнический аспект изучения поселений стоит на первом плане, то другие науки изучают поселения почти в полном отрыве от этнической принадлежности их обитателей.

Историками более или менее детально изучены древние и средневековые поселения, прежде всего их социально-экономические типы (с выделением основных стадий развития, в связи с историей сельского населения, земледелием и землепользованием, заселением окраин Русского государства)[13]. Эти работы насыщены конкретным историческим материалом, но в них обычно отсутствует какая-либо классификация поселений.

Вклад географии в изучение сельских поселений заключается в анализе и классификации типов расположения поселений на местности,[14] типов поселений,[15] планировочных форм поселений,[16] типов производственного и внутрихозяйственного расселения[17] внешних форм расселения[18] и др.

Сельские поселения являются объектом изучения и сельской архитектуры. Изучая планировочную структуру, зонирование территории поселений, разрабатывая схемы районной планировки,[19] архитекторы занимаются также изучением планировочных традиций в народном зодчестве. В этом направлении сделано уже немало[20].

Демографическая статистика характеризует поселения с помощью методов массового статистического наблюдения. Она изучает состав, численность, структуру сельского населения и т. п. Однако статистики занимаются в основном изучением и сопоставлением средних показателей по республикам, краям и областям, редко—по административным районам.

Таким образом, каждая из перечисленных наук подходит к изучению сельских поселений односторонне, разрабатывая соответствующую лишь ее задачам типологическую классификацию поселений.

Этнография, основной задачей которой является исследование «культуры конкретных народов в ее становлении, в ее

историческом развитии, в ее нынешнем состоянии»,[21] отличается более широкой программой исследования поселений. Это и подробное исследование одного типичного поселения с характеристикой материальной и духовной культуры, быта жителей[22] и специальные исследования сельских поселений[23] и узко специализированные работы[24].

Однако большинство этнографических работ ограничивается рассмотрением лишь некоторых сторон изучения поселений (типов, форм, внешнего облика, типов заселения), почти не касаясь исторических, географических, архитектурных и демографических характеристик.

Чтобы получить полное и цельное представление о сельском поселении, необходимо привлечь весь комплекс данных о нем. В. И. Ленин подчеркивал, что при изучении любого явления «...необходимо брать не отдельные факты, а в с ю с о в о к у п н о с т ь относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, б е з е д и н о г о исключения»[25].

Хотя задача построения единой «универсальной» типологической классификации поселений представляется весьма заманчивой, но она чрезвычайно трудна и мы на данном этапе ограничимся разработкой классификации лишь современных сельских поселений и только для территории Мордовской АССР. При этом попытаемся соблюсти **качественный, количественный, морфологический, генетический** принципы типологии, особо выделив **классификацию сельских поселений и классификацию сельского расселения.**

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

А. Качественная типология

В практике этнографического изучения сельские поселения подразделяются обычно на следующие типы: село, деревня, поселок, выселок и т. д. Данная типология учитывает лишь различия в видовых названиях поселений, не раскрывая полностью их социально-экономической сущности. По нашему мнению, правильнее выявлять функциональные типы поселений, учитывающие не только административно-хозяйственное значение и роль поселений в организации общественного производства, но и их место в системе межселенных связей.

1. **Функциональные типы поселений** определяются структурой занятого трудоспособности населения[26].

Это население подразделяется на несколько групп: а) занятое в сельском хозяйстве; б) занятое в лесном хозяйстве;

в) занятое в промышленности; г) совмещающее занятия в сельском хозяйстве и в промышленности; д) занятое в административных, культурных, бытовых, медицинских и т. п. учреждениях, в значительной степени обслуживающих и другие поселения; е) занятое в учреждениях, главным образом обслуживающих временное население, прибывающее в данный пункт для отдыха, лечения и т. д.

Преобладание в составе трудоспособного населения группы «а» дает нам тип сельскохозяйственного поселения в двух его разновидностях — колхозной и совхозной, преобладание групп «б», «в» и «г» — тип несельскохозяйственного поселения. Сочетание групп «а», «в» и «г» дает тип агро-индустриального поселения. Значительная доля населения групп «д» и «е» отражает соответственно тип поселения с развитыми функциями местного центра и тип несельскохозяйственного служебного поселения.

Выделяются следующие типы поселений:

1. Административные центры районов.

2. Сельские населенные пункты с административно-управленческими функциями (центральные усадьбы колхозов, совхозов).

3. Мелкие сельскохозяйственные населенные пункты (отделения колхозов, совхозов).

4. Прочие сельскохозяйственные населенные пункты (бригадные поселки, не имеющие «собственной», обособленной производственной базы).

5. Агро-индустриальные поселения, соединяющие сельскохозяйственное и промышленное производство.

6. Сельские несельскохозяйственные населенные пункты (лесопромышленные, пристанционные поселки и т. п.).

7. Поселения учреждений здравоохранения, просвещения и т. п.

8. Поселения точечного типа (кордоны, сторожки и т. п.).

Качественная типология, понимаемая достаточно широко, должна включать в себя дополнительные признаки, которые хотя непосредственно и не касаются классификации поселений, но позволяют выявить некоторые важные отношения: поселение—уровень культурно-бытового обслуживания; поселение—физико-географические условия; поселение—территория и т. п. К ним относятся, прежде всего, такие признаки: 1) наличие учреждений просвещения, культуры и здравоохранения; 2) наличие учреждений бытового обслуживания; 3) перспективы развития поселения; 4) удаленность от райцентра или ближайшего города; 5) озеленение поселения; 6) уровень

стояния грунтовых вод; 7) тип почв на хозяйственной территории поселения и др.[27].

Б. Количественная типология

Этот вид типологии включает в себя количественные характеристики поселений по величине, людности и плотности населения. Такие показатели объективно отражают суммарное действие целой группы факторов на развитие поселений.

1. Людность поселения—количество постоянного населения. Людность поселения существенно влияет на организацию культурного и бытового обслуживания населения, поэтому подразделение поселений по данному признаку имеет не только научное, но и практическое значение. Классифицируя поселения по людности, необходимо соблюдать общие принципы статистических группировок[28], особо выделяя такие величины людности, которые связаны с существенными особенностями поселений.

Так, поселения точечного типа (кордоны, сторожки, одиночное обособленное жилье и т. п.) имеют людность до 10 человек. К категории малых населенных пунктов относятся селения с людностью до 200 человек. Это, как правило, бригадные поселки колхозов, имеющие ограниченный уровень обслуживания. При небольшой людности (201—500 чел.) поселения являются отделениями колхозов, совхозов и имеют минимальный набор учреждений, предоставляющих населению ограниченные возможности культурно-бытового обслуживания.

К категории крупных относятся поселения с людностью 501—1000 человек, являющиеся центральными усадьбами хозяйств. Значительная людность позволяет создавать в них более широкий набор учреждений обслуживания. По современным нормам проектирования в населенных пунктах с людностью 1000 человек могут быть созданы: детские ясли-сад на 70—90 мест; неполная средняя школа на 150—180 мест; клуб со зрительным залом на 250 мест и библиотекой; фельдшерско-акушерский пункт, магазины продовольственных и промышленных товаров на 3—4 рабочих места каждый; столовая—кафе и т. д.[29].

При людности 1001—2000 жителей поселения также являются центральными усадьбами хозяйств, но имеют большие возможности для расширения круга обслуживающих учреждений, увеличения их размеров и технической оснащенности.

Поселения с людностью более 2000 человек имеют благоприятные возможности для обеспечения населения высоким уровнем культурно-бытового обслуживания и благоустройст-

ва. Это, как правило, административные центры районов и сельские несельскохозяйственные населенные пункты.

Таким образом, группировка поселений по их людности примет следующий вид: до 10 жит., 11-100, 101-200, 201-500, 501-1000, 1001-2000, свыше 2000 жит.

II. Величина поселения—количество жилых построек. В типологическом отношении также важно выделять такие группы по величине, которые отражали бы качественные характеристики поселений. При этом необходимо делать подразделение всех жилых построек на две группы: 1) традиционного и; 2) нетрадиционного типов.

К первой группе относятся дома с традиционной архитектурно-планировочной структурой: трехкамерные—(изба-сени-клеть), двухкамерные —(изба-сени, изба-придел, изба-изба) и т. п. Ко второй группе относятся дома с нетрадиционной архитектурно-планировочной структурой: индивидуальные стандартные дома, возведенные по типовым проектам, дома барачного, квартирного типов и т. п.

Поселения по количеству домов традиционного сельского типа можно подразделить на несколько групп: мельчайшие—поселения точечного типа (кордоны, сторожки, обособленная селитьба и т. д.) насчитывающие 1 — 5 домов; мелкие — бригадные поселки колхозов (6—50 д.); средние—отделения колхозов, совхозов (51—200 д.); крупные — центральные усадьбы колхозов, совхозов (201—500 д.); очень крупные—административные центры районов (св. 500 д.).

Жилые дома нетрадиционного типа неодинаково распространены в поселениях различного социально-экономического и хозяйственного типов. В центральных усадьбах совхозов (реже колхозов) их обычно насчитывается до 10; в районных центрах—11—50, а в сельских несельскохозяйственных населенных пунктах—свыше 50.

Таким образом, для сельских поселений МАССР характерна следующая группировка по величине: 1) количество жилых построек традиционного типа: до 5, 6—50, 51—200, 201—500, свыше 500; 2) количество жилых построек нетрадиционного типа: до 10, 11—50, свыше 50.

III. Плотность населения — количество жителей, приходящихся на 1 км² территории поселения, занятой жилой застройкой, усадьбами, участками общественных зданий, дорогами, проездами и т. п.

Сельские поселения МАССР имеют плотность населения от 200 до 800 чел/км². Бригадные поселки имеют обычно низкую плотность — до 400 чел/км². Для отделений и централь-

ных усадеб колхозов, совхозов характерна средняя плотность —от 401 до 600 чел/км². Высокой плотностью (600 — 800 чел/км²) отличаются административные центры районов и сельские несельскохозяйственные населенные пункты.

Итак, группировка поселений по плотности населения такова: 201—400 чел/км², 401—600 чел/км², 601—800 чел/км².

В. Морфологическая типология

Для нее существенна внешняя характеристика поселений по формам, выраженности (формам) фасадных линий жилой застройки, ориентациям улиц, фасадных линий жилой застройки по странам света, типам зонирования территории, типам жилой застройки, типам заселения.

I. Формы поселений — общая конфигурация, планировочная структура населенных пунктов. Первую в советской этнографии классификацию поселений по формам разработали Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов[30]. Они выделили три «типа поселений»: I. Кучевые: 1) нескольких помещиков, 2) одно-дворческие с разросшимися семьями, 3) казенных крестьян. II. Круговые. III. Линейные: 1) прямолинейные, 2) дуговые, 3) концевые.

Не касаясь подробной характеристики выделенных типов, следует отметить отсутствие единого принципа классификации, на что указывал в свое время М. В. Витов. В частности, кучевые поселения определяются уже не по своей форме, а по способу группировки[31]. Кроме того, в нее включены различные признаки (форма, величина, социальные группы, сословная принадлежность населения).

М. В. Витов предложил свою классификацию форм поселений[32], в которой выделил пять типов: 1. Беспорядочные: 1) кучевые; 2) малодворные, беспорядочно разбросанные. II. Рядовые формы: 1) прибрежно-рядовые (однорядные, многорядные), 2) овражно-рядовые; 3) рядовые деревни, ориентированные на «лето», т. е. обращенные фасадом к югу. III. Замкнутые формы: 1) квадратные с центральной площадью; 2) круглые и овальные. IV. Уличные формы: 1) собственно уличные в трех вариантах: одноуличном, двухуличном, в том числе «вилочном» и многоуличном (квартальном). 2) радиальные, концевые и др. V. Деревни позднего происхождения, распланированные под влиянием администрации.

Эта классификация имеет стройный вид, так как в ней учитывается как морфологический, так и генетический принципы. Однако попытка объединить в одной схеме различные стороны вопроса (форму, дворность, ориентировку фасадов

и т. д.) привела к ее перегруженности. Не совсем удачно также отнесение к уличным радиальных, квартальных, концевых и других форм. Это—категории иного порядка, в действительности являющиеся лишь производными от рядовых и уличных форм.

Е. Э. Бломквист предложила свою систематизацию форм поселений, выделив кучевую, или гнездовую; круговую, или кольцевую; радиальную, или лучевую; линейную, или рядовую; и уличную деревни[33]. Эта классификация также имеет ряд недостатков, в частности, выше уже указывалось на неудачное выделение кучевых и сопоставление линейных и рядовых форм поселений.

Из современных следует особо выделить классификацию форм планировки, предложенную В. А. Липинской[34]. Автор выделяет шесть основных типов: I. Линейные: 1) параллельные ориентиру (дороге, реке), 2) перпендикулярные ориентиру. II. Дуговые: 1) округлые, 2) ломанные. III. Кольцевые: 1) округлые, 2) прямоугольные, 3) треугольные. IV. Вилочные. V. Радиальные. VI. Радиально-кольцевые: 1) внутрикольцевые, 2) наружно-кольцевые, 3) многокольцевые.

Эта классификация интересна дифференцированным подходом к изучению планировочной структуры селений. Однако исключение рядовых и уличных форм из классификации вряд ли правомерно. Ряды и улицы представляют собой основные планировочные элементы, их взаимное расположение и группировка (с учетом ориентаций фасадных линий) определяют планировку поселения и создают различные формы. Не совсем удачен подход к изучению формы поселения исходя из анализа первичного элемента—«организации занятого постройками участка». Такая тонкая дифференциация не только усложняет классификацию, но и уводит ее от основной цели.

Учитывая приведенные выше и предложенные другими исследователями классификации[35], используя данные нашего исследования[36], можно наметить следующую систематизацию форм сельских поселений:

Тип. I. **Беспорядочные формы.** Подтипы: 1) кучевые, 2) гнездовые.

Тип II. **Рядовые формы.** Подтипы: 1) изогнутые, 2) прерывистые, 3) линейные. Варианты: а) однорядные, б) многорядные.

Тип III. **Уличные формы.** Подтипы: 1) изогнутые, подковообразные, 2) линейные. Варианты: а) одноуличные, б) многоуличные.

Тип IV. **Замкнутые формы.** Подтипы: 1) центрические, 2) эксцентрические.

Тип V. **Концевые формы.** Подтипы: 1) линейно-лучевые, 2) радиальные, диагональные. Варианты: а) рядовые, б) уличные.

Тип VI. **Квартально-уличные** формы. Подтипы: 1) полуквартальные, 2) квартальные.

Тип VII. **Плановые, проектные формы.**

Тип VIII. **Смешанные, переходные формы.**

При разработке классификации форм поселений мы стремились избежать как излишней дробности, так и объединения под одним типом внешне близких, но разных по происхождению форм (рис. 1).

II. Формы фасадных линий жилой застройки. Термин «фасадная линия» вводит в научный оборот В. А. Липинская при анализе фотопланов поселений Алтайского края, понимая под ним переднюю грань, границу усадеб. Учитывая, что форма поселения больше связана с видами расположения жилых домов в уличной застройке, мы под фасадной линией понимаем проекцию передних фасадов жилых домов.

Формы фасадных линий соответствуют формам рядов или порядков жилой застройки. При беспорядочных формах поселений фасадные линии практически отсутствуют. Более или менее четкие фасадные линии создаются лишь при упорядоченных формах поселений—рядовых, уличных и т. п. В соответствии с этим фасадные линии могут быть различными: 1) **прямыми** (четкими), 2) **ломаными** (нечеткими) и 3) **невыраженными** (при беспорядочных формах).

III. Ориентации фасадных линий жилой застройки по странам света: С, Ю, В, З, СВ, ЮЗ, ЮВ, СЗ.

IV. Ориентации улиц (рядов застройки) по странам света: С—Ю, В—З, СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ.

V. Типы жилой застройки выделяются по характеру взаимной группировки жилых и хозяйственных построек в уличной застройке. Можно выделить следующие типы: 1) гнездовой, 2) сомкнутый, 3) разобщенный, 4) рассредоточенный, поселковый тип застройки (рис. 2).

Под **гнездовым** понимается такой тип застройки, при котором на одной усадьбе размещаются несколько жилых и хозяйственных построек. В целом по селению жилая застройка представляет совокупность усадеб-гнезд.

При **сомкнутом** типе застройки жилые и хозяйственные постройки располагаются близко друг к другу (6,0—10,0 м).

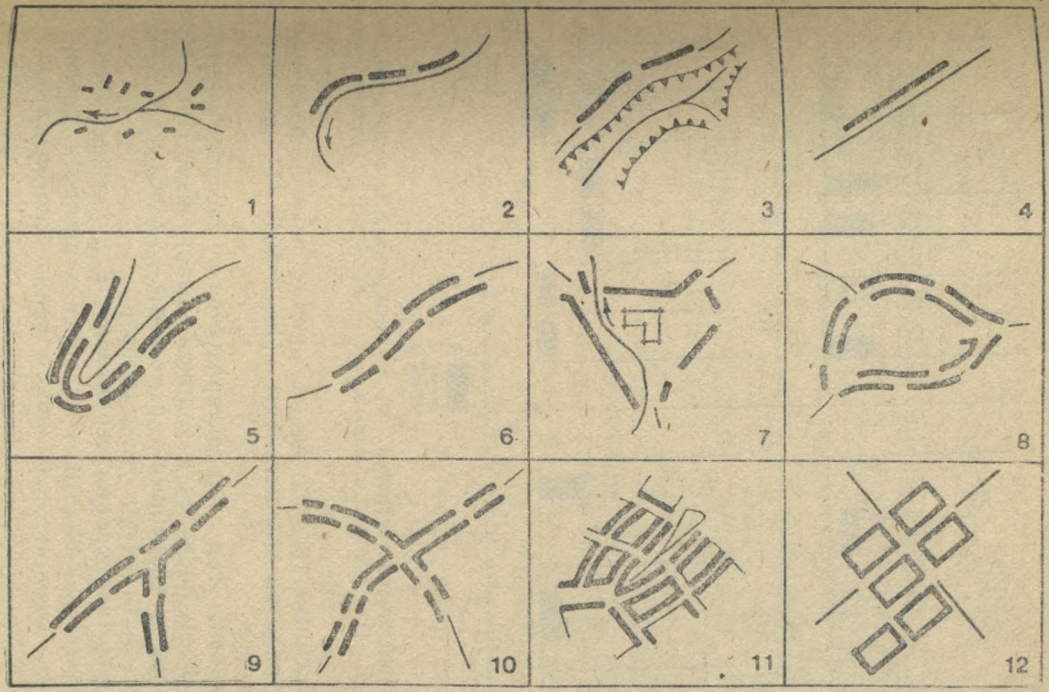


Рис. 1. Формы поселений. Беспорядочная: 1—кучевая. Рядовая: 2—изогнутая, 3—прерывистая, 4—линейная. Замкнутая: 7—центрическая, 8—эксцентрическая. Концевая: 9—линейно-лучевая, 10—радиальная, диагональная. Квартально-уличная: 11—полуквартальная, 12—квартальная.

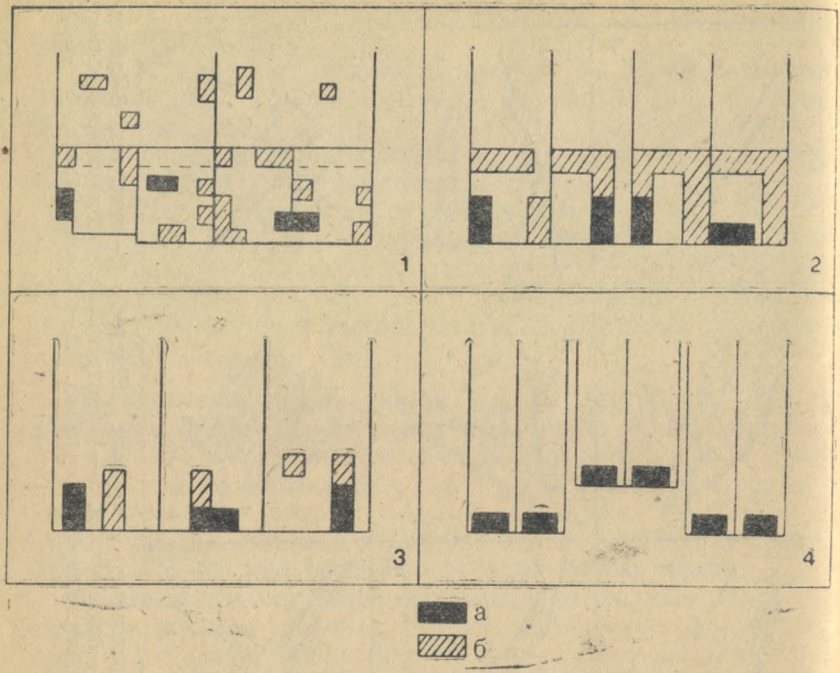


Рис. 2. Типы жилой застройки. 1 — гнездовой, 2 — сомкнутый, 3 — разобщенный, 4 — рассредоточенный; а — жилые, б — хозяйственные постройки.

Разобщенный тип застройки характеризуется расположением построек на значительном (10,1—50,0 м) расстоянии друг от друга.

Поселковый тип характеризуется рассредоточенным расположением построек в уличной застройке. При этом типе застройки усадебные земельные наделы в пределах жилой зоны могут отсутствовать.

VI. Типы зонирования территории. Если старые поселения складывались лишь из крестьянских построек, усадеб и в некоторых случаях—небольшого количества зданий общественного и культового назначения, то современные населенные пункты подразделяются обычно на несколько функциональных зон: а) **жилую зону,** где размещается жилая застройка, улицы и площади, парки, спортивные площадки и т. п.; б) **общественный центр,** в котором сосредоточены административно-общественные, культурно-просветительные и торговые учреждения; в) **производственную зону,** на которой располагаются производственные комплексы.

По их соотношению можно выделить следующие типы зонирования территории поселений:

1. Жилая зона—общественный центр—производственная зона.

2. Жилая зона—неярко выраженный общественный центр—производственная зона.

3. Жилая зона с неполным составом общественных, административных и культурно-бытовых учреждений, расположенных в разных местах поселения—производственная зона.

VII. **Типы заселения**—расположение поселений по отношению к речной сети, берегам естественных водоемов, овражно-балочной сети, лесным массивам и т. п. (рис. 3).

В этнографической литературе пользуются следующей классификацией поселений народов Поволжья по типам заселения: 1) речные, береговые; 2) овражно-речные, овражно-балочные, долинные; 3) водораздельные, сыртовые[37]. Данная классификация, по нашему мнению, нуждается в некотором уточнении и доработке, так как выделенные типы не в полной мере отражают различные стадии в заселении и освоении территории. Так, например, речной тип заселения бытовал у мордвы на значительном историческом этапе (с первого тысячелетия н. э. до наших дней) и, естественно, выделение его как типа мало что дает исследователю в познавательном плане. Поэтому для обеспечения исторического подхода мы предлагаем ввести в типологию заселения дополнительные генетические признаки.

В речном типе заселения следует выделять четыре подтипа: 1) **мысовой,** при котором поселения располагаются с внутренней стороны излучины реки, занимая мысы с широкими речными террасами, 2) **устьевой,** когда поселения приурочены к устьям притоков рек и располагаются или у самого устья, или на противоположной стороне реки—напротив устья, 3) **линейный,** при котором селения вытягиваются вдоль реки, причем последняя является как бы планообразующим элементом: изгибы рядов застройки или улиц повторяют изгибы, излучины реки, 4) **«парный»,** при котором селения располагаются на противоположных берегах реки.

Наряду с речным типом заселения следует выделять хронологически более поздний **приречный** тип, подразделяемый на два подтипа: 1) **долинный,** когда долины рек хорошо выработаны и поселения, расположенные в них, находятся на сравнительно большом расстоянии от реки, 2) **придолинный,** когда долины рек слабо выражены или затопляются водами

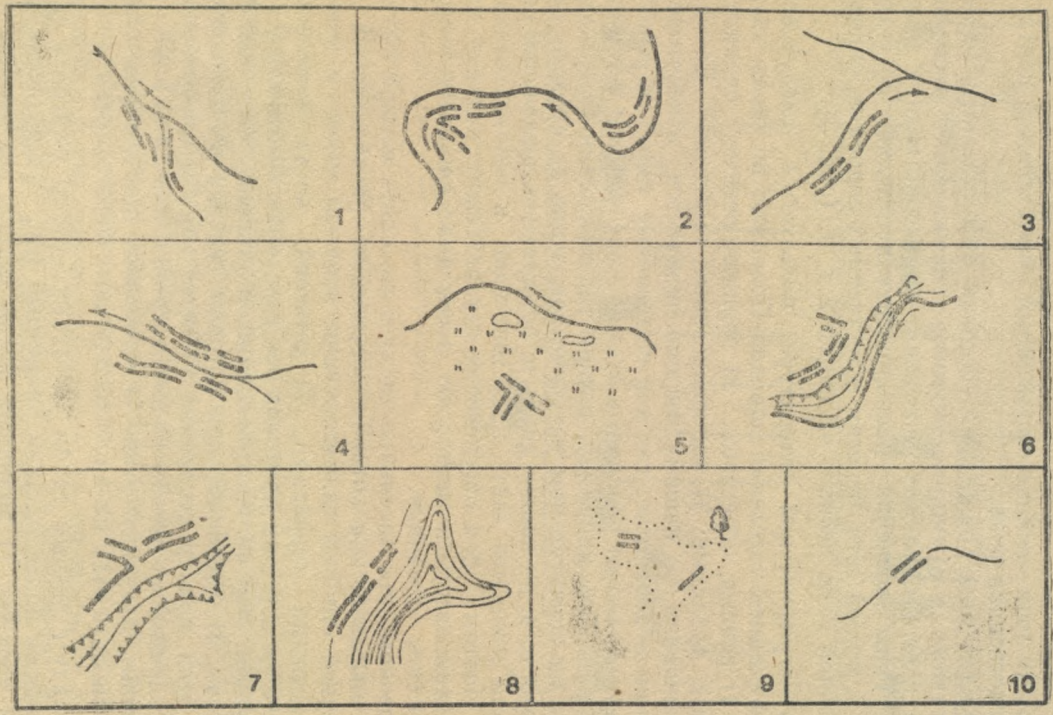


Рис. 3. Типы заселения. Речной: 1—устьевой, 2—мысовой, 3—линейный, 4— «парный». Приречный: 5—долинный, 6—придолинный. Овражно--балочный: 7—овражно-речной, 8—балочный. Водораздельный: 9—лесной, 10—безлесный.

весеннего паводка, и поселения расположены на высоких бортах речных долин, на ярах.

Овражно-балочный тип заселения также требует уточнения. В одних местах преобладает **овражно-речной** подтип, характеризующийся расположением поселений по краю оврага, по которому протекает небольшая речка или ручей, в других—**балочный,** когда поселения располагаются на пологом днище, склонах, отвершках крупных балок, особенно близ выхода родников.

Следующим типом заселения является **водораздельный** (точнее приводораздельный), подразделяемый на **водораздельный лесной** (поселения расположены на полянах) и **водораздельный безлесный** (поселения расположены на ровных местных повышениях, на сухих, хорошо дренированных участках по линии водораздела бассейнов рек).

Таким образом классификация поселений по типам заселения примет следующий вид:

Тип I. Речной

Подтипы: 1) мысовой, 2) устьевой, 3) линейный, 4) «парный».

Тип II. Приречный

Подтипы: 1) долинный, 2) придолинный.

Тип III. Овражно-балочный

Подтипы: 1) овражно-речной, 2) балочный.

Тип IV. Водораздельный

Подтипы: 1) лесной, 2) безлесный.

Г. Генетическая типология

Этот вид типологии призван выявлять исторические типы поселений в период их возникновения с указанием этого периода. Он должен отражать также функциональные типы поселений, предшествующие современным.

I. Исторические типы поселений: село, сельцо, деревня, выселок, выставка, починок, хутор, колхозный (совхозный) поселок, кордон, фабрично-заводской, лесопромышленный, пристанционный поселок и др.

II. Функциональные типы поселений, предшествующие современным:

1) административные центры районов, 2) сельские населенные пункты с административно-управленческими функциями (центральные усадьбы колхозов, совхозов), 3) мелкие сель-

скохозяйственные населенные пункты (отделения колхозов, совхозов), 4) прочие сельскохозяйственные населенные пункты (бригадные поселки, не имеющие собственной, обособленной производственной базы), 5) агро-индустриальные поселения, соединяющие сельскохозяйственное и промышленное производство, 6) сельские несельскохозяйственные населенные пункты (лесопромышленные, пристанционные поселки и т. п.), 7) поселения учреждений здравоохранения и просвещения, 8) поселения точечного типа (кордоны, сторожки и т. п.).

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Особенности расселения указывают на связь поселений с общественным строем, с уровнем и направленностью развития производительных сил. В этнографической литературе анализу сельского расселения уделялось мало внимания. Для разработки типологической классификации расселения мы можем воспользоваться лишь схемой, намеченной М. В. Витовым[38], с некоторой корректировкой и дополнением ее.
М. В. Витов, понимая под типом расселения, особенность взаимной группировки поселений, выделил следующие типы: 1) гнездовой, 2) скученный, 3) скученно-гнездовой[39].

Нам кажется, что классификация должна быть более широкой и выявлять: 1) **социально-экономические типы расселения** (для прошлого—типы социальной организации населения: родовая община, соседская община, патронимия; для настоящего — типы территориально-хозяйственной организации, т. е. типы внутрихозяйственного расселения); 2) **внешние формы расселения** соответствующие выделенным выше типам и их ареалам.

А. Качественная типология

I. Типы внутрихозяйственного расселения. Под внутрихозяйственным расселением понимается система взаимосвязанных хозяйственными отношениями поселений в пределах одного хозяйства (колхоза, совхоза, лесхоза и т. п.). Тип расселения зависит от типа хозяйства, унаследованных от прошлого форм расселения, размеров и состава закрепленной за ним территории и характера ее использования.

В качестве основных можно выделить пять типов:

1) на территории хозяйства расположен один населенный пункт, являющийся центральной усадьбой, где находятся все основные административно-управленческие, культурно-про-

светительные, медицинские, бытовые учреждения и производственные сооружения;

2) кроме центральной усадьбы хозяйства имеются более мелкие селения, выполняющие функции отделений;

3) кроме названных выше поселений имеются бригадные поселки, которые связаны с центральной усадьбой или отделениями;

4) центральная усадьба хозяйства расположена в районном центре или рабочем поселке;

5) кроме центральной усадьбы хозяйства, расположенной в районном центре или рабочем поселке, имеются более мелкие селения, являющиеся центрами бригад или отделений.

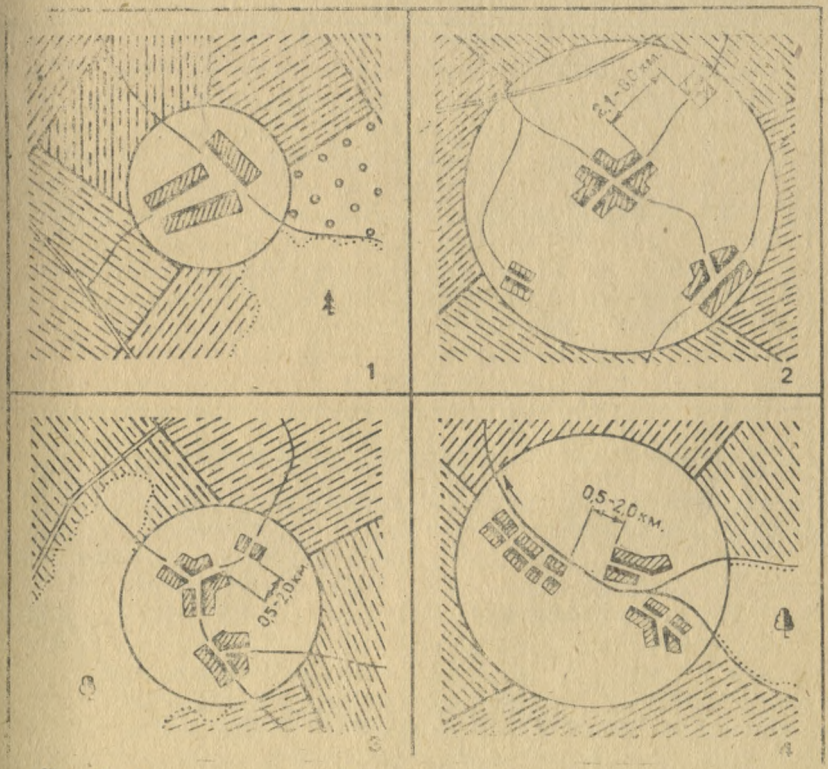


Рис. 4. Формы внутрихозяйственного расселения. 1 — очаговая, 2 — гнездовая, 3 — кучевая, 4 — линейная.

Б. Морфологическая типология

I. Формы внутрихозяйственного расселения. «Рисунок» расселения в пределах хозяйства (колхоза, совхоза и т. п.) определяются по сочетанию двух признаков: а) равномерность или неравномерность размещения поселений в пределах хозяйственно используемой территории; б) степень концентрации или дисперсности селитьбы (рис. 4.)

II. Формы ареалов расселения определяются по степени равномерности или неравномерности размещения поселений в пределах ареала. Форму ареала расселения удобнее выявлять, используя **модуль расселения.** Последний охватывает все поселения, локализованные на территории, описанной окружностью с радиусом 6,0 км. (рис. 5).

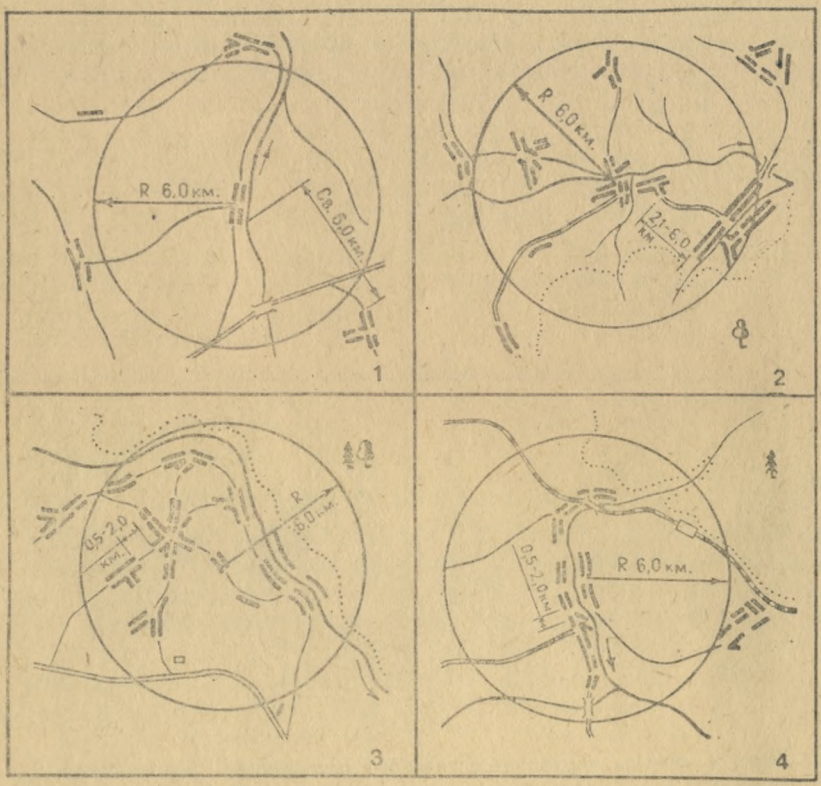


Рис. 5. **Формы ареала расселения.** 1 — очаговая, 2 — гнездовая, 3 — кучевая, 4 — линейная.

В качестве основных выделяются следующие четыре формы:

1) **очаговая** — расселение в виде разреженной сети одиночных, обособленных поселений (расстояние между селениями более 6,0 км).

2) **гнездовая** — группа селений, расположенных на расстоянии от 2,1 до 6,0 км друг от друга, иногда с выделением «ядра» в виде наиболее крупного селения, являющегося или генетическим ядром группы поселений, образовавшихся в прошлом как выселки из него, или местом концентрации селитьбы, куда постепенно переходит население соседних небольших селений;

3) **кучевая** — сгущение группы селений, расположенных на расстоянии 0,5—2,0 км друг от друга, а также более компактные образования, которые, однако, еще не могут рассматриваться как единое поселение;

4) **линейная** — сгущение группы селений, расположенных на расстоянии 0,5—2,0 км друг от друга в виде пунктирных цепочек поселений вдоль дорог, рек, по речным долинам.

Предлагаемая типологическая классификация, охватывая широкий круг признаков и свойств, является стержнем для характеристики этнических особенностей сельских поселений. Она была использована нами при обследовании поселений, проведенном в июле-августе 1974 года во всех сельских районах Мордовской АССР[4]. В данной статье мы имеем возможность поделиться методикой исследования сельских поселений, общими принципами организации выборки объекта исследования, методикой сбора и анализа полученной информации. Эта работа делилась на четыре основных этапа:

I. СОСТАВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Программа исследования включает как определение объекта исследования, так и общие методологические разработки средств сбора и анализа информации.

Объектом исследования являлись сельские поселения Мордовской АССР: райцентры; центральные усадьбы, отделения колхозов, совхозов; бригадные поселки; сельские несельскохозяйственные поселения и др. С учетом реальных возможностей исследования, требований получения репрезентативных данных необходимо было свести к допустимому минимуму число населенных пунктов, подлежащих обследованию. Из 1836 сельских поселений МАССР могли быть обследованы лишь 40—45. Условно можно пренебречь селениями с людностью менее 100 человек, которые, хотя и составляют

почти 1/3 численности поселений, но в них проживает лишь 4 проц. населения. Таким образом, генеральную совокупность можно ограничить 1075 сельскими поселениями с людностью свыше 100 человек, в том числе 261 поселением мордвы-мокши, 132—мордвы-эрзи, 682—русских и 51 селением татар.

Хотя непосредственным объектом изучения являлись сельские поселения мордвы, нельзя было ограничиться изучением только этой категории, так как отсутствие данных о поселениях этнических партнеров существенно затруднило бы интерпретацию сведений по самому мордовскому населению. Основным этническим партнером, с которым в условиях данного исследования можно проводить сравнения, являются русские (на долю других национальностей приходится 5,6 проц., в том числе 4,5 проц. составляют татары).

В программе сформулированы также основные цели и задачи исследования: 1) выяснение этноопределяющей ценности современных сельских поселений; 2) определение влияния на них социально-экономических, физико-географических условий, этнического окружения, уровня урбанизации региона; 3) выявление ориентаций сельского населения на наиболее предпочитаемые типы поселений и некоторые другие.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫБОРКИ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

На этом этапе исследования был выработан научно-обоснованный метод вычленения той части объекта (выборочной совокупности), которая подлежала обследованию и данные которой было бы правомерно распространить на весь изучаемый объект (генеральную совокупность). В данном случае можно было использовать и метод таксономии[41] и выборочный метод[42]. Нами использовался последний как более надежный. Выборочный метод, основанный на математической теории вероятности, позволяет получить не только представительные данные о генеральной совокупности, но и заранее произвести как расчет необходимого объема выборки, так и определить величину ожидаемой ошибки репрезентативности, исходя из конкретных условий выборки.

Требования, предъявляемые к выборке, сводились к тому, чтобы: 1) свести к минимуму объем выборочной совокупности; 2) осуществить выборку таким образом, чтобы репрезентативность данных была бы по возможности полной; 3) в выборочную совокупность вошли бы как мордовские, так и русские поселения, 4) в выборочную совокупность не вошли бы поселения с числом жителей менее 100.

Объем выборочной совокупности был определен нами в 41 единицу (20 мордовских поселений, 20 русских и 1 сме-

шанное). Малый объем выборки и низкая доля отбора, неоднородность поселений по величине, людности, хозяйственному и функциональному типам, национальному составу и т. п. крайне осложнили выборку. Отбор поселений производился посредством районированной механической выборки[43]. В основу районирования были положены: национальный состав населения, географическое положение и социально-экономическое развитие региона. Исходя из этих критериев территория Мордовской АССР была разделена на 4 зоны: **западную** — мокшанскую, преимущественно сельскохозяйственную, **южную** — мокшанскую, индустриализированную, **серединную** — русскую, индустриализированную и **восточную**—эрзянскую, преимущественно сельскохозяйственную. По списку населенных пунктов в каждой зоне был произведен механический отбор селений. Выборочная совокупность, полученная путем механического отбора, сравнивалась по ряду показателей с данными по генеральной совокупности. Обнаруженные несоответствия между данными по выборочной и генеральной совокупностям корректировались по целому ряду важных признаков: людности населенных пунктов, этническому составу, хозяйственным и функциональным типам и др.

Сравнение данных выборочной и генеральной совокупностей по таким показателям, как типы поселений, людность поселений и др., позволяет утверждать, что даже сравнительно небольшой объем ее при принятых принципах формирования выборки удовлетворительно представляет сельские поселения республики.

III. РАЗРАБОТКА МЕТОДОВ СБОРА ИНФОРМАЦИИ

Для облегчения сбора и обработки информации о сельских поселениях нами был использован стандартизированный вопросник (журнал обследования) [44].

Вопросник включает группы вопросов о сельском поселении: его форме, величине, людности, планировочной структуре, типе заселения; социально-классовой структуре, естественном и механическом движении населения, а также ряд вопросов о физико-географических условиях, природном окружении исследуемого населенного пункта и др.

Он заполнялся по данным колхозно-совхозной отчетности, похозяйственных книг сельского Совета, инспектуры государственной статистики района, материалам районной планировки и землеустройства, а также путем натурного наблюдения и опроса старожилов.

Вопросы в журнале обследования составлены таким образом, что заключают в себе однозначный ответ «да» или «нет» и фиксируются путем простого подчеркивания соответствующего признака. Для обеспечения обработки полученной информации на ЭВМ признаки зашифрованы в восьмиричной системе счисления. Для облегчения получения ответов на трудные вопросы была разработана специальная «Инструкция» по заполнению вопросников с приложением различных графических схем, рисунков, таблиц и т. п., позволяющих простым методом сравнения фиксировать наличие определенных признаков и особенностей объекта исследования.[45]

IV. АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Поселения представляют собой сложные объекты, которые находятся в процессе изменения, развития. Сложны и многообразны связи поселений с социально-экономическими, хозяйственными, физико-географическими и прочими характеристиками.

Правильно понять эту сложную систему явлений, разобраться в условиях и закономерностях развития можно только исходя из системного анализа сельских поселений как единого целого со всеми их признаками и свойствами. Он может быть произведен при помощи методов математической статистики—корреляционного или регрессионного анализа с применением ЭВМ.[46] Размеры статьи не позволяют остановиться на подробной характеристике этого анализа, поэтому в данном случае мы ограничимся лишь рассмотрением его основных аспектов.

Во-первых, особому рассмотрению подлежит последовательный анализ взаимосвязей между всеми элементами поселений: величиной, людностью, формами поселений и типами заселения, плотностью населения и типами жилой застройки и т. п.

Во-вторых, необходим сравнительный анализ взаимосвязей между элементами поселений и типами, формами расселения; плотностью населения и типами внутрихозяйственного расселения, людностью поселений и формами внутрихозяйственного расселения и т. д.

В-третьих, необходим анализ взаимосвязей признаков поселений, типов и форм расселения с составом населения, элементами хозяйства, природного окружения и др.

Значение системного анализа заключается прежде всего в установлении закономерностей развития сельских поселений, выявлении этнической специфики и национальных

особенностей в этой области материальной культуры. Это даст возможность не только показать, но и объяснить наличие характерных черт поселений. В то же время мы можем решить и ряд насущных, практических задач, разработать различного рода предложения и рекомендации в зависимости от запросов практики и требований жизни.

---

[1] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области. (СЭ, 1950, № 4, стр. 107—132); Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 136—143; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 105—108; Н. И. Воробьев и др. Чуваши. Чебоксары, 1956, стр. 165—176; Татары Среднего Поволжья и Приуралья, под общей редакцией Н. И. Воробьева и Г. М. Хисамутдинова. М., 1967, стр. 86—89; Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья (середина XIX—нач. XX вв.). Казань, 1966, стр. 185—212.

[2] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Т. IV, СПб., 1799, стр. 132—133.

[3] А. И. Воейков. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. (Известия РГО, т. XIV, вып. I—III, СПб., 1909).

[4] В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.

[5] Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. (Известия ГАИМК, вып. 138, Л., 1935); его же. Поселение. (История культуры древней Руси. Т. 1, 1948).

[6] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. раб., стр. 112.

[7] М. В. Витов. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. как предмет этнографического изучения. (КСИЭ, вып. XIX, 1953, стр. 74—84).

[8] М. В. Витов. О классификации поселений. (СЭ, 1953, № 3, стр. 27—37).

[9] Там же, стр. 34.

[10] М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. (СЭ, 1955, № 1, стр. 27—40); его же. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения. (КСИЭ, вып. XXIX, 1958, стр. 30—37); его же. Историко-географические очерки Заонежья XVI — XVII веков. М., 1962.

[11] В. А. Липинская. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений. (Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974, стр. 236—280).

[12] Там же, стр. 245.

[13] С. В. Киселев. Поселение. (Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствознания. РАНИОН, т. II, М., 1928); Н. Н. Воронин. Указ. раб.; С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М—Л., 1936; Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке. (Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси). М., 1937; Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ. вып. 32, М., 1956); А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. М., 1966.

[14] В. П. Семенов - Тян - Шанский. Указ раб.

[15] И. И. Сорочинская-Горюнова. Типы населенных пунктов Восточного Приладожья. (Известия ВГО, т. 78., вып. 2, 1946); С. А. Ковалев. Типы сельских поселений СССР. (Вопросы географии. Сборник

статей для XVIII Международного географического конгресса. М.—Л., 1956).

[16] В. И. Сухов. Основные формы населенных пунктов СССР. (Известия ВГО, вып. 6, 1944).

[17] Н. И. Ляликов. Типы сельского расселения СССР. (География в школе. 1948, № 3, 5, 1949, №2, 3); В. С. Валов. Образная карта сельского расселения СССР. (Вопросы географии, сб. 45, 1954); С. А. Ковалев. Сельское расселение. М., 1963.

[18] В. В. Варанкин, В. В. Покшишевский. Формы расселения и типы населенных пунктов в районе средней Ангары—верхней Лены. (Вопросы географии, сб. 14, 1949); В. Г. Давидович. Формы расселения в угольных бассейнах СССР. (Вопросы географии, сб. 14, 1949); В. Н. Сементовский. Развитие форм расселения в Татарии. (Ученые записки Казанского государственного университета, т. 120, кн. 2. Казань, 1960).

[19] В. С. Рязанов и др. Планировка сельских населенных мест. М., 1955.

[20] А. В. Иконников. О планировочных традициях русского народного зодчества. Автореферат канд. дисс. Л., 1954: Г. А. Делеур. Основные черты планировки и застройки населенных мест юга УССР. Автореферат канд. дисс. Киев, 1956.

[21] С. П. Толстов. Основные задачи и пути развития советской этнографии. (КСИЭ АН СССР, вып. 12. М.—Л. 1950, стр. 6).,

22 Прошлое и настоящее селения Айкыран. Монографическое исследование. Институт истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент, 1955; Рязанское село Кораблино. (Ученые записки Рязанского педагогического института, т. 18, Рязань, 1957); Село Вирятино в прошлом и настоящем. (ТИЭ АН СССР, т. 41, М., 1958).

[23] Н. П. Макушин. Поселения и жилища мордвы-эрзи Мордовской АССР. Автореферат канд. дисс. М., 1954; М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962; Г. Е. Стельмах. Историческое развитие сельских поселений на Украине. (Историко-географическое исследование). Автореферат канд. дисс. Киев, 1969.

[24] А. Г. Введенская. К истории планировки и застройки русской деревни конца XVIII—первой половины XIX вв. (Труды ГИМ, вып. 15, М., 1941); А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселений в Сванетии. (КСИЭ АН СССР, вып. 29, М., 1958); А. Г. Симонов. Планировка русских поселений северных районов Среднего Поволжья (XVIII—нач. XX вв.). Автореферат канд. дисс. Казань, 1971.

[25] В. И. Ленин. ПСС. т. 30, стр. 351.

[26] С. А. Ковалев. Сельское расселение, стр. 37—51.

[27] В. Ф. Вавилин. Этносоциологическое исследование сельского поселения. Вопросник-1. Саранск, 1974.

[28] Вестник статистики. М., 1962, стр. 83—90.

[29] Планировка и застройка населенных мест. (СНИП II—К. 2—62. М. 1962).

[30] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. раб., стр. 112.

[31] М. В. Витов. О классификации поселений, стр. 33.

[32] Там же, стр. 36—37.

[33] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. (ТИЭ, т. 31, М., 1956, стр. 41—59).

[34] В. А. Липинская. Указ раб., стр. 274.

[35] В. И. Сухов. Указ. раб., М. В. Витов. О классификации поселений, стр. 36—37; П. Н. Першин. Общие вопросы экономики планировки хозяйственных центров колхозов и МТС. (Экономические

вопросы планировки хозяйственных центров МТС и колхозов. М., 1957); С. А. Ковалев. Сельское расселение, стр. 59.

[36] В. Ф. Вавилин. Этносоциологическое исследование сельских поселений и жилища Мордовской АССР. (РФ МНИИЯЛИЭ, дд. И—857—И—869).

[37] Н. П. Макушин. Поселения мордвы на территории Мордовской АССР. (Исследования по материальной культуре мордовского народа. Вып. II., М., 1963, стр. 150—152); Е. П. Бусыгин. Указ. раб., стр. 188—191; А. Г. Симонов. Указ. раб.

[38] М. В. Витов. О классификации поселений, стр. 35—37.

[39] Там же, стр. 37.

[40] В. Ф. Вавилин. О проведении в Мордовской АССР массового этносоциологического исследования сельских поселений и комплексов жилища. (Тезисы доклада на Первом Поволжском археолого-этнографическом совещании. Казань, 1974).

[41] Ю. П. Воронов. Применение методов таксономии в планировании выборочного социологического исследования. (Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск, 1968, стр. 34—45); его же. Активный отбор объектов наблюдения при планировании выборочных социологических исследований. (Доклады Всесоюзному симпозиуму по социологическим проблемам села. Новосибирск, 1968, стр. 170—180); его же. Проблемы построения районированных выборок в исследовании трудовых ресурсов. Автореферат канд. дисс. Новосибирск, 1969.

[42] А. А. Чупров. Выборочное исследование (из области новых течений теоретической мысли в статистике. М., 1910; А. Г. Волков. Вопросы применения выборочного метода при обследовании населения. (Применение математических и статистических методов в изучении проблем народного потребления. Вып. II., М., 1962); его же. Выборочный метод в изучении населения. (Основные проблемы демографической науки. М., 1969); его же. О единице отбора при выборочном изучении населения. (Вопросы демографии. М., 1970); его же. Выборочное наблюдение населения. Автореферат канд. дисс. М., 1971.

[43] Использовались данные выборки, сделанной доктором экономических наук Э. К. Васильевой, для Объединенной этносоциологической экспедиции 1973—1974 гг. Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Руководитель экспедиции—старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, кандидат исторических наук В. В. Пименов.

[44] В. Ф. Вавилин. Этносоциологическое исследование сельского поселения. Вопросник-1. Саранск, 1974.

[45] В. Ф. Вавилин. Инструкция по заполнению «Вопросников» для этносоциологического исследования сельского поселения и жилища. Саранск, 1974.

[46] В. Ф. Вавилин. Этносоциологическое исследование сельских поселений и жилища Мордовской АССР. Методика исследования. (РФ МНИИЯЛИЭ, д. И—869).

Н. С. ШАЛЯЕВ

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ МОРДОВИИ

Для понимания закономерностей развития этнолингвистических процессов важное значение имеет изучение взаимодействия между социально-экономическими, культурно-историческими, биопсихологическими и собственно языковыми процессами. Выделение внелингвистического аспекта в этнолингвистических процессах позволяет не только проанализировать влияние целого комплекса социальных факторов на языковую деятельность, которая протекает в различных речевых ситуациях, но и определить основные направления функционального развития языков и понять результаты языковых взаимодействий.

Поэтому выяснение ряда факторов языковых процессов было включено в программу этносоциологического исследования, проведенного в 1973 году Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР под руководством и при участии Института этнографии АН СССР.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы современных этноязыковых процессов в Мордовской АССР, в частности вопрос о масштабах распространения двуязычия.

Для написания статьи нами использовались главным образом материалы этносоциологического исследования мордвы (1973 г.), а также материалы текущих архивов Мордовского

книжного издательства, газет («Советская Мордовия», «Молодой ленинец», «Эрзянь правда», «Мокшень правда») и материалы Всесоюзной переписи населения 1970 года.

В «Мордовском этнографическом вопроснике» языковым процессам посвящено 9 вопросов, которые можно разделить на две группы:

1) вопросы, отражающие владение языками; фактический уровень владения мордовскими и русским языками (от свободного владения до полного незнания), вопросы о языке раннего детства, языке, который является у опрашиваемого родным;

2) вопросы, отражающие использование языка в семье, на производстве, в публичных выступлениях и в некоторых сферах духовной жизни.

Перейдем к рассмотрению этноязыковых процессов по отдельным группам.

Мера владения теми или иными языками (языком) выяснялась у информатора с помощью следующего вопроса: «Насколько хорошо Вы владеете языками: эрзянским? мокшанским? русским?». Полученные ответы говорят о том, что мордва в своем большинстве свободно владеет русским языком. Основная доля лиц не владеющих русским языком падает на людей в возрасте 60 лет и старше (таблица 1).

Таблица 1

Знание мордвой в сельской местности русского и мордовских языков
(в процентах)

В какой степени владеют	Русским языком	Эрзя-мордовским	Мокша-мордовским
Свободно говорят, читают и пишут	62,6	26,2	33,8
Свободно говорят, но не читают и не пишут	13,4	16,6	23,5
Понимают и могут объясниться	21,2	14,4	4,2
Не владеют	2,8	42,8	38,5

Знание языка противоположной этнической группы среди мордвы слабое.

Родной язык и язык раннего детства выяснились у информаторов с помощью двух вопросов:

1) «Какой язык Вы считаете родным?» и 2) «На каком

языке Вы впервые научились говорить?». Полученные данные говорят о том, что 96,3 проц. мордвы в селе считают родным мордовские языки, 1,8 проц.—один из мордовских и русский, 1,8 проц. родным считают русский язык. (См. таблицу 2).

Таблица 2

Родной язык у мордвы (село)

Язык	Процент лиц, считающих родным языком
Эрзя-мордовский	41,8
Мокша-мордовский	54,5
Два мордовских языка: мокшанский и эрзянский	0,1
Два языка (один из мордовских и русский)	1,8
Русский	1,8

Языками раннего детства у 98,5 проц. мордвы были мордовские языки и только 1,2 проц. в детстве начали говорить на русском языке. (Таблица 3).

Таблица 3

Язык раннего детства (село)

Язык	Процент лиц, говоривших в детстве
На эрзя-мордовском	42,4
На мокша-мордовском	56,1
На двух языках (каком-либо мордовском и русском)	0,3
На русском	1,2

Исследование языковых процессов в селах Мордовии показало, что вместе с процессом распространения двуязычия вширь происходит распространение двуязычия вглубь; русский язык постоянно становится у отдельных групп мордвы языком внутринационального общения. Этот процесс наблюдается и по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 года, согласно которым 65,7 проц. мордвы свободно владеют русским языком и 22,1 проц. считают его родным[1].

Перейдем к рассмотрению вопросов второй группы. В ходе исследования получены интересные данные о речевом поведении мордвы в семейно-бытовой жизни и на работе (см. таблицу 4).

Таблица 4

Родной язык и речевое поведение мордовского и русского населения в сфере семейно-бытовой жизни и на работе (в процентах к числу опрошенных)

Национальность и число опрошенных	На каком языке говорят							
	дома				на работе			
	на русском	на мордовских	на русском и каком-либо мордовском	на других	на русском	на мордовских	на русском и каком-либо мордовском	на других
Русские (800 чел.)	98,0	—	2,0	—	99,3	0,2	0,5	—
Мордва (эрзя и мокша 1600 чел.)	3,5	91,4	5,1	—	6,0	61,6	32,4	—

Из таблицы видно, что 91,4 проц. мордвы в селах говорят в семейно-бытовой сфере на мордовских языках, 5,1 проц. на русском и каком-либо мордовском и 3,5 проц. на русском языке. В этой сфере зона взаимодействия мордовских и русского языков расширяется за счет применения русского языка наиболее квалифицированными работниками. Чем больше доля этих групп, тем шире границы проникновения русского языка в домашнее общение мордвы.

Степень употребления мордовских языков в семейно-бытовой жизни и на работе неодинакова. Это объясняется, видимо, тем, что рабочие коллективы имеют более смешанную этническую среду и частота контактов представителей разных национальностей здесь выше, чем в семейно-бытовой жизни. Таким образом, существенное влияние на направление этнических процессов (в том числе и языковых) оказывает этническая среда[2].

Данное предположение подтверждается показателями о языке публичных выступлений информатора (см. таблицу 5).

Таблица 5

Язык публичных выступлений

Предпочитают выступать	Процент лиц, выступающих на данном языке
На эрзя-мордовском языке	17,0
На мокша-мордовском —»—	14,6
На двух мордовских языках (мокша-и эрзя-мордовском)	0,2
На двух языках (каком-либо мордовском и русском)	26,1
На русском языке	42,1

Из таблицы видно, что там, где этническая среда более однородна, предпочтение отдается «своему» языку, а там, где смешанная, — русскому языку.

Последний вопрос в языковом блоке: «Хорошо ли Вы понимаете передачи Саранского радио и телевидения, когда они ведутся на эрзянском (мокшанском) языке?»—позволяет выяснить у информатора степень понимания разговорных форм литературных мордовских языков. Исследованием установлено, что 84,6 проц. хорошо понимают язык этих передач и с удовольствием слушают, 3,5 проц. с трудом понимают эти передачи и 1,8 проц. плохо понимают язык передач, слушают и смотрят потому, что других по-мордовски не передают.

Небезынтересно отметить, что передачи на мордовских языках ориентированы на освещение событий, связанных с Мордовией, ее историей, поскольку интерес проявляется прež-

де всего к жизни и деятельности своей этнической общности, поэтому, видимо, большинство мордвы с удовольствием слушают эти передачи.

Особую роль в приобщении мордвы к русскому языку играет школа и особенно язык, на котором ведется преподавание.

В развитии школьного образования проявляется история одной из наиболее важных функций любого языка—функция языка школьного обучения. В настоящее время в республике 391 школа, где преподавание ведется на мордовских языках. Из них мокшанских 235, эрзянских — 156. В них свыше 77 тысяч учащихся, или 36,9 проц. к общему числу школьников, в том числе: мокши—41 тысяча, эрзи—36 тысяч[3]. Преподавание всех предметов в мордовских восьмилетних и средних школах ведется на русском языке, начиная с 4-го класса. Родные языки преподаются как отдельные учебные предметы. Такой порядок установился с 1959/60 учебного года, а в ряде школ и раньше. С этого же времени начался переход к обучению на русском языке и в начальных классах. К 1973/74 учебному году 34,2 проц. учащихся мордовской национальности в 1—3 классах обучались на русском языке.

Данные этносоциологического исследования показывают, что 15,8 проц. детей учатся в русской школе, 7,4 проц.— в русской (с преподаванием мордовских языков и литературы как предметов) и 9,7 процента в национальной (с преподаванием на мордовских языках в начальной школе).

Желание родителей обучать своих детей на родном или русском языке есть одно из условий перевода учащихся мордовской национальности на русский язык обучения. Для того чтобы выяснить мнение родителей, в какой школе они хотели бы обучать своих детей, в инструментарий исследования был включен вопрос:

«В какую школу Вы охотнее послали бы учиться своих детей?». Выяснилось, что 45,4 проц. хотели бы обучать в русской школе, 40,6 проц. в русской с преподаванием мордовских языков и литературы как предметов, 9,2 проц. в национальной, с преподаванием на мордовских языках в начальных классах и 1,4 проц. в национальной школе-десятилетке, с преподаванием на мордовских языках и изучением русского языка, как предмета и 3,4 проц. лиц не ответили на данный вопрос.

Следует отметить, что обучение на русском языке в школах расширяется. В то же время сохраняется и тенденция к изучению мордовских языков.

Подводя некоторый итог, следует особо подчеркнуть, что в сельской местности Мордовии в последние годы в сфере просвещения идет процесс перехода на русский язык обучения как наиболее эффективному средству межнационального общения и повышения культурного уровня. Однако переход на русский язык обучения следует проводить при наличии желания большинства родителей. Переход на русский язык обучения, видимо, следует проводить в первую очередь в районных центрах, рабочих поселках, т. е. там, где мордва находит условия для широкого общения с русскими. В этих случаях переход на русский язык обучения вполне оправдывает себя и дает положительные результаты, так как большинство мордовского населения здесь хорошо владеет русским языком, и дети, придя в первый класс, могут не только понимать, но и вести разговор на русском языке, практически не испытывая особых затруднений в процессе обучения.

В том случае, когда мордва расселена более компактно и пришедшие в первый класс знают всего лишь несколько русских слов, очевидно, не надо спешить с переводом учащихся на русский язык обучения, а следует предварительно подготовить детей.

Историческое развитие мордовского народа представляет собой сложный процесс изменения целого комплекса социально-этнических характеристик, поэтому современные этнокультурные (в том числе и языковые) особенности несут в себе следы прошлых экономических, политических, культурных взаимодействий мордвы в самых разнообразных сферах национальной жизни. Длительное и мощное влияние русской культуры на мордовскую не ограничивалось структурными изменениями в мордовских языках. Культурные достижения русского народа становились достоянием мордвы именно благодаря широкому распространению русского языка.

Весьма показательно, что в результате интенсивных культурных связей в настоящее время наблюдается полный или частичный переход с мордовских языков на русский язык в процессе речевой коммуникации, которая развивается у обеих этнических групп мордвы.

Расширение двуязычия мордовского сельского населения открывает возможности для восприятия им более широкой информации о жизни в СССР и за рубежом. Об этом говорят более высокие темпы роста поступающих в Мордовию тиражей центральной периодической печати по сравнению с увеличением тиражности печати Мордовской АССР. Из года в год увеличивается доля мордвы, читающей преимущественно на русском языке или попеременно на русском и одном из мордовских языков. Статистические подсчеты позволили сделать вывод о более интенсивном расширении функций русского языка по сравнению с функциями мордовских в периодической печати.

Эта тенденция проявляется не только при сопоставлении роста тиражей центральных и республиканских газет и журналов, но также и при анализе динамики тиражей газет и журналов, издаваемых в самой Мордовии на мордовских и русском языках (см. таблицу 6).

Таблица 6

Выпуск газет и журналов на мордовских и русском языках (по итогам подписки 1969—1973 гг.; в процентах к 1969 году)

	Общий тираж в 1969	1970	1971	1972	1973
Газеты					
На русском языке	156696	107,1	112,4	114,4	117,4
На мордовских языках	12240	102,9	107,1	102,1	112,7
Журналы					
На русском языке	12250	108,9	106,5	120,8	123,5
На мордовских языках	4300	102,3	98,8	108,4	107,3

Как видно из таблицы, при обоюдном расширении применения мордовских и русского языков в печати между 1969 и 1973 гг. масштабы функциональной нагрузки русского языка расширялись более быстрыми темпами.

Мордва в сельской местности в отличие от русских выписывает газеты и журналы на обоих языках. Выписывают и читают газеты и журналы на русском языке 70,6 проц. мордвы, еще 26,3 проц. читают прессу на русском и мордовском языках и лишь 3,1 проц. мордвы читают прессу только на мордовских языках.

Распространение двуязычия и дальнейшее расширение сфер действия русского языка, с помощью которого осу-

ществляется приобщение к культурным ценностям других народов, способствует интернационализации речевого поведения мордвы. Этносоциологическое исследование показало, что 10,3 проц. мордвы в сельской местности читают художественную литературу на русском языке, еще одна группа—13,2 проц.—на обоих языках и 4,9 проц.—только на родных мордовских языках.

Художественную литературу на мордовских языках русские не читают, тогда как мордва читает не только на своих родных языках, но и на русском. Следовательно, в сфере литературы на уровне «читаемости» функциональная нагрузка мордовских и русского языков неодинакова. Материалы исследования показывают, что 52,4 проц. мордвы читают художественную литературу и периодическую печать только на русском языке, еще одна группа мордвы—25,1 проц. читают на русском и мордовских языках и только 6,6 проц. читают преимущественно на мордовских языках. Остальная часть мордвы (сюда относятся в основном люди пожилого возраста) совсем не читает художественную литературу и периодическую печать.

Среди факторов, определяющих чтение на том или ином языке, одно из первых мест принадлежит этнолингвистической ситуации. В мордовских однонациональных селах функции мордовских языков по читаемости печатной продукции являются более устойчивыми. Однако следует отметить, что на уровне «спроса», как в отношении периодической печати, так и в отношении всякого рода литературы, существует большое тяготение мордвы к русскому языку.

Можно предположить, что характер «спроса» на язык периодической печати и литературы должен определять и «предложение», т. е. ее выпуск (тиражность), и тем самым играть решающую роль в реализации тенденции функционального развития мордовских и русского языков в указанных языковых сферах.

Приобщение мордвы к русскому языку и широкое распространение двуязычия увеличивают спрос на печатную продукцию на русском языке, одновременно ведут к изменению соотношения русского и мордовских языков в области литературы и периодической печати.

Рассмотрим взаимодействия языков в сфере издания (деятельность издательства), реализации литературы (деятельность торговой сети) и читаемости.

В дореволюционный период взаимодействие мордовских и русского языков в печатной продукции только начиналось.

В XIX в. осуществлялись переводы религиозных текстов с русского на мордовские языки и в небольшом количестве печаталась литература для учебных целей. Эти языки не были единообразными языками, пользующимися общепризнанными средствами словаря и грамматики, составляющими норму литературного языка, а распадались на ряд групповых диалектов[4]. Литературные языки у мордвы начинают складываться с появлением письменности. Обслуживая более сложные культурные потребности, главным образом в письменном (печатном) виде, литературный язык пользуется общепринятым для всех языковых групп национального коллектива средствами лексики грамматики и графики и тем самым противопоставляется диалектам языка.

Одним из первых мероприятий Советской власти после Октябрьской революции было введение родного языка в практику школьной и культурно-просветительной работы, издание на родных языках газет и журналов, политической, научной и технической литературы.

Таким образом, бесписьменный до революции мордовский народ в числе многих других народов царской России после Октябрьской революции получил право на свою письменность, на свой литературный язык.

Наряду с изданием учебников на мордовских языках в 20-е годы начала развиваться и периодическая печать. В 1920 году в городе Ульяновске стала выходить первая мордовская газета «Чинь стямо» («Восход солнца»)[5], а в 1921 году были созданы еще два периодических органа на мордовских языках: «Якстере теште («Красная звезда»), — издававшаяся в Москве, «Якстерь сокиця» («Красный пахарь») — в Саратове[6].

К 1930 году и в особенности к концу первой пятилетки рост всех видов литературы, издаваемой на мордовских языках, был весьма значителен. Тираж всей издаваемой литературы к концу 1932 года вырос до 250,7 тысячи экземпляров[7].

Введение мордовских языков в практику школьной и культурно-просветительной работы поставило перед органами народного образования задачу создания учебников на мордовских языках и выдвинуло проблему разработки грамматики мордовских языков. В годы второй пятилетки шла дальнейшая научная разработка грамматики мордовских языков и развитие литературных языков во всем многообразии их общественного использования.

Образование Мордовской АССР (декабрь 1934 год) спо-

собствовало дальнейшему расширению функции мордовских языков в сфере литературы и периодической печати. К этому времени значительно возросла и печатная продукция, издаваемая на мордовских языках. Только в 1934 году в республике издано более 70 названий литературы общим тиражом 237,5 тысячи экземпляров[8]. Именно к этому времени функциональная нагрузка мордовских языков достигла высокого уровня. Это произошло за счет того, что в нашей стране успехи строительства национальных культур и разработка вопросов нормализации языков были обеспечены проведением ленинской национальной политики, в результате которой мордовский народ получил свою национальную государственность, создал свою национальную культуру и научные центры; появилось Мордовское государственное издательство, мордовская периодическая печать, открылся педагогический институт, научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики, национальный театр и другие учреждения.

В последующие годы идет рост литературы, издаваемой на мордовских языках, как по тиражности, так и по объему. Одновременно (начиная с 1941) в МАССР начала издаваться литература на русском языке, темпы роста которой с каждым годом также увеличивались.

К 1960-м годам тиражность и объем в печатных листах литературы на мордовских языках сократились, в то время как на русском значительно возросли. В последующие годы мордовские языки по объему печатной продукции и темпам роста изданий уступали русскому языку. В настоящее время только в учебно-педагогической и художественной литературе темпы издательской деятельности на мордовских языках превосходят количество изданий на русском языке.

В 1970-е годы наблюдается рост изданий на русском языке при одновременном сохранении по отдельным отраслям знаний объема печатной продукции на мордовских языках.

Некоторые суждения о взаимодействии мордовского и русского языков в печати позволяют сделать данные о переводах с одного языка на другой. Со времени создания письменности на мордовских языках и вплоть до конца 50-х годов с русского языка на мордовские переводилась литература самых различных видов. Обратных переводов в то время почти не делалось. Особенно большая работа была проведена по переводу на мордовские языки политической литературы в 1930—40-е годы. Это в определенной мере отвечало объективным потребностям мордовского населения, которое

могло шире познакомиться с этой литературой, читая ее на родных языках. Однако в дальнейшем практика выявила, что многие из переведенных на мордовские языки книг (за исключением художественных произведений) не пользовались спросом, потому что появление и расширение двуязычия обеспечило мордве возможность читать переводимую литературу по-русски.

Деятельность Мордовского книжного издательства в самые последние годы показывает, что увеличение публикаций на мордовских языках в оригинале сопровождается некоторым сокращением переводов с русского языка на мордовские. Ниже приведены данные о темпах роста оригинальной и переводной литературы за 1970—1973 годы (в проц. к 1970 г.), составленные по материалам текущего архива Мордовкнигоиздата.

Таблица 7.

Издание оригинальной и переводной литературы в МАССР

Издания	1970	1971	1972	1973
Оригинальная литература на мордовских языках.				
Число названий	63	88,8	73,1	71,4
Объем (в печатных листах)	487,6	88,1	89,8	75,5
Тираж (в тыс. экз.)	136	102,1	71,2	78,1
Выпуск литературы в переводе с русского языка на мордовские				
Число названий	6	133	16,6	116,6
Объем (в печатных листах)	13,5	251,0	696	86,6
Тираж (в тыс. экз.)	6	166,0	16,6	108,3
Выпуск литературы в переводе с мордовских языков на русский				
Число названий	24	8	108,3	95,8
Объем (в печатных листах)	111,8	114,0	150,0	201,1
Тираж (в тыс. экз.)	140,0	56,4	101,4	76,0

С другой стороны, действует тенденция увеличения переводов с мордовских языков на русский. В этом проявляется коренное отличие в соотношении коммуникативных нагрузок мордовских и русского языков в первые годы Советской власти и в настоящее время.

Благодаря осуществлению ленинской национальной политики, обеспечившей развитие мордовской литературы на мордовских языках, в настоящее время культура мордовского народа достигла такого уровня, когда она может стать достоянием всех народов советского общества. Об этом говорит следующий факт: с 1958 по 1972 год на языки народов

СССР (украинский, туркменский, эстонский, молдавский, латвийский, узбекский, армянский, казахский, азербайджанский, чувашский, удмуртский, марийский, татарский, башкирский) переведено 101 произведение 37 мордовских писателей. А некоторые мордовские писатели приобрели ныне не только всесоюзную известность, но их произведения переведены за пределами нашей страны. Так, произведения Я. Пинясова изданы на 12 языках народов СССР и переведены на болгарский и английский языки. Повесть Н. Эркая «Алешка» выпущена в 7 республиках нашей страны. Массовыми тиражами вышли в свет в Москве трилогии К. Абрамова[9].

Регулирующим механизмом планирования выпуска книжной продукции является возможность ее продажи на книжном рынке и оборот книг в библиотеке. В том и другом случае конкретные данные реализации книжной продукции на том или другом языке не всегда удается получить, так как эти сведения не фиксируются ведомственной статистикой в нужном языковом разрезе.

Разумеется, следует учитывать интерес той части мордвы, которая проживает в других районах страны, вдали от Мордовии. О том, что мордва, проживающая за пределами республики, проявляет интерес к мордовской литературе (и этот интерес растет), говорят следующие данные отдела «Книга-почтой» за 1969—1972 годы (см. таблицу 8).

Спрос на литературу, выпущенную на мордовских языках, а также переведенную с мордовского на русский растет, по сравнению с 1969 годом число заказов увеличилось в 12 раз, а их выполнение в 36 раз. Впрочем, эти и другие проблемы выпуска литературы на мордовских языках и ее реализации по отдельным отраслям знаний требуют дополнительного исследования.

Таблица 8

*** Продажа книг на мордовских языках через магазин «Книга-почтой»**

Годы	Поступило заказов в тыс. экземпляров	Выполнено заказов в тыс. экземпляров
1969	1834	1236
1970	2886	2486
1971	8000	7206
1972	23519	44810

Распространение периодической печати—процесс более

динамичный, чем реализация книжной продукции. Издание газет и журналов на том или другом языке четко реагирует на спрос населения. За последние 5 лет (1969—1973 гг.) распространение центральных газет и журналов увеличилось в 4,5 раза, тогда как изданий МАССР — в 1,5 раза.

Таким образом, широкое распространение двуязычья в сельской местности Мордовской АССР ведет к известному сокращению функций мордовских языков в сфере школьного обучения, в издании научной и научно-технической литературы и в периодической печати.

Основная тенденция в языковой жизни мордвы — распространение двуязычия. Как показывают конкретные этносоциологические исследования, эта тенденция характерна не только для мордвы, но и для других народов нашей страны. Она нисколько не ущемляет возможностей развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры народов СССР, а наоборот, усиливает взаимообогащение культур.

---

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4. М., 1973, стр. 17.
2. Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР (СЭ, 1972, № 2, стр. 38).
3. В. В. Кирдяшкин. Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию. Саранск, 1973, стр. 72.
4. А. П. Феоктистов. Истоки мордовской письменности. М., 1968, стр. 3.
5. Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955, стр. 69.
6. Там же, стр. 70.
7. Там же, стр. 71.
8. Библиографические бюллетени Мордовского книжного издательства за 1930—1974 годы, стр. 193.
9. На пути роста (сборник литературно-критических статей). Саранск, 1969, стр. 49. История мордовской советской литературы, т. 3. Саранск, 1974.

Н. В. ЗАВАРЮХИН,
А. С. ЛУЗГИН

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ САРАНСКОГО УЕЗДА РУССКИМИ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В предлагаемой статье сделана попытка определить численность и этнический состав населения Саранского уезда в XVII—начале XVIII века, а также показать процесс заселения его русскими. При разработке данного вопроса в нашем распоряжении имелись материалы ландратской (военной) переписи 1716—1717 годов, в которых содержатся и сведения по переписям 1678, 1704, 1710 годов[1]. В переписные книги 1704 года заносилось только ясачное население, а крепостные крестьяне и бывшие служилые татары и мордва учитывались по переписи 1710 года. Частые учеты населения в начале XVIII столетия были вызваны большими передвижениями населения. Беспощадное угнетение заставляло крестьян и жителей городов бросать свои дворы и переселяться на новые места. Одна из причин организации переписи 1716—1717 годов, в которой учитывались все категории податного населения, состояла в том, что по переписи 1710 года осталось много неучтенных дворов и беглых крестьян. Характерно в этой связи сообщение о том, что «саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых людей и крестьян у себя укрывают и таят, а к распросу и к записке к ним (сыщикам) на съезжий двор не приводят».[2]

Ландратская перепись более полно отразила действительность. Она явилась основой для сбора податей до первой ревизии.

Ландратские книги 1716—1717 годов, составленные по Саранскому уезду Львом Аристовым, находятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в фонде № 350 «Ландратские книги и ревизские сказки». Нами частично извлечены материалы писцовой книги № 441, находящиеся в том же архиве в фонде 1209 «Поместный приказ», извлечены также материалы, относящиеся к Саранскому уезду, из рукописного фонда А. А. Гераклитова (архив Ленинградского отделения истории АН СССР) и из рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд № 218 «Музейные собрания».

Из перечисленных документов наиболее важными для нас являются переписные книги 1716—1717 годов, содержащие богатые и всесторонние сведения по истории рассматриваемого уезда. Первые две книги (№№ 355—356) включают крепостное и монастырское население, третья — (№ 357) — служилое татарское и мордовское, русских и мордовских ясачных крестьян, а также русское и мордовское население, приписанное к Починковской поташной конторе и казенным Куваевским и Штырменским винокуренным заводам.

Из одного только перечня переписываемого в этих книгах населения видна их большая ценность. Итоги ландратской переписи тщательно сверялись по каждому населенному пункту для всех категорий населения с итогами прежних переписей.

Не анализируя подробно привлеченные для написания статьи архивные и опубликованные материалы, укажем, что в них содержатся сведения о заселении мордвой, русскими, татарами территории Саранского уезда и уходе мордвы с части этих земель, о распространении поместно-крепостной системы, о занятиях населения и т. д.

* * *

Рассматривая продвижение русских на земли мордвы в середине XVI и начале XVIII в., на наш взгляд, следует выделить несколько этапов.

Первый этап связан с падением во второй половине XVI в. Казанского ханства и включением мордовских земель в состав Русского государства. В этот период на землях мордвы в районе современных Саранска, Посопа и Атемара возникают небольшие поселения русских станичников и дозорников. Однако территория мордовских земель заселялась неравномерно. Южные районы из-за угрозы набегов ногайских и крымских татар русскими заселялись слабо.

Второй этап связан с постройкой в 1571 году Большой засечной черты, которая протянулась от города Алатыря по реке Алатырь, на Темников и далее на Шацк[3]. Огражденные области сделались внутренними районами Русского государства, в них начинает развиваться феодальное землевладение. Темников и Алатырь заняли важное стратегическое положение в борьбе с ногайцами и крымскими татарами, а также стали центрами продвижения русских на территорию современной Мордовской АССР.

Третий этап связи со строительством Симбирской сторожевой черты в 1648—1654 годах. В это время здесь возникают новые города-крепости: Краснослободск (1622), Саранск (1641), Инсар (1647), остроги: Атемарский, Шишкеевский, Троицкий.

Внутренняя сторона за Симбирской чертой получила название Русской и была причислена вместе с Саранском и Инсаром к Руси, а сторона, оставшаяся вне черты, стала называться Ногайской, Крымской или Степной[4]. С постройкой этой укрепленной линии наблюдается резкое увеличение русского населения, которое начинает превышать мордовское.

В XVII в. коренным образом было пересмотрено административное деление этого края. Возникшие города и остроги стали уездными и волостными центрами. За счет территории «дикого поля» и части Алатырского, Темниковского и Арзамасского уездов образовались Саранский и Инсарский уезды, Краснослободский, Троицкий, Наровчатский дворцовые волости. Из них наибольшее значение имел Саранский уезд, начало которому положил основанный в 1640 году Атемарский острог. В этом году Темниковский воевода Сергей Левашов дает «Отдельную выпись», согласно которой выделяются из Темниковского уезда и переходят к Атемару «земли и луговые угодья», что в 20—25 км северо-западнее Атемара[5]. Саранск был подчинен Атемару, но по занимаемой территории и по количеству гарнизона он был не меньше Атемара. В 1653 году управление сторожевой чертой было переведено из Атемара в Саранск, который быстро разрастался за счет увеличения гарнизона служилых людей. Во второй половине XVII в. город имел уже 5 слобод: Казачью, Стрелецкую, Нагорную, Стрелецкую Переведенную, Пушкарскую и Посадскую. С 1651 года Саранск—уездный центр, в котором были сосредоточены все административные учреждения. Возникновение между старыми городами-крепостями Алатырем и Темниковом — нового Саранского уезда свидетельст-

вует о больших переменах, происшедших в Мордовском крае к середине XVII века. С постройкой засечной черты к несению службы на ней было переведено значительное количество русских и татар, а также приписано местное мордовское население. Основную массу русского служилого населения составляли казаки, стрельцы, пушкари.

Из рапорта Пензенской провинциальной канцелярии в Сенат о количестве земли за служилыми людьми по писцовым и строевым книгам XVII столетия видно, что из Пензенского, Инсарского и Саранского уездов больше всех земли было роздано служилым людям Саранского уезда. В 1666 году 44 пушкарям, 785 стрельцам, 283 конным и 250 пешим казакам Саранского, Атемарского и Шишкеевского острогов было дано 29,1 тыс. десятин земли, в том числе—27,0 тыс. десятин пашни и 2,1 тыс. сенокосов[6]. В Инсарском уезде служилых людей было значительно меньше: 40 конных казаков и 100 человек стрельцов, которые владели 1,9 тыс. десятин пашни, 0,3 тыс. десятин сенокоса[7].

Служилые люди переводились в Саранский уезд из центральных городов. Так, в 1647 году царь Алексей Михайлович приказал прибыть на службу в Атемар из Нижнего Новгорода «со стольником и воеводою Богданом Хитрово нижегородским стрельцам 150 человек, а для той нашей службы тем стрельцам дать в дорогу по фунту зелья, да по фунту свинцу»[8]. Поселенцами города Саранска, которые заняли «покидные» казачьи земли, были выходцы из Владимира, Нижнего Новгорода, Ядринска, Арзамаса, Алатыря, Темникова и т. д[9]. Выходцы из русских населенных пунктов Нижегородского края основывали села, деревни, выселки с одноименными названиями на мордовских землях: Резоватово (ныне Ичалковский район), Безводное (ныне Ардатовский район) и др.

Мордва, несшая службу на Симбирской засечной черте, наделялась землей и денежным окладом. Так, в 1647 году служилым мордовским мурзам на мордовской земле деревни Вечкиняр было дано двум десятникам по 45 десятин земли каждому, а 23 рядовым—по 30 десятин[10]. Во второй половине XVII в. мордва сошла с этой земли, а их угодьями завладели татары и русские помещики Ольферьевы, Бекетовы, Болотниковы[11]. В Саранском уезде деревня Алзя, по атемарским писцовым книгам 1640—1641 годов, указана как мордовская, жители которой несли «станишную службу». В 1643 году мордва оставляет эту деревню и «уходит неведомо куды»[12].

Покидные мордовские земли попадали в руки русских

помещиков. Политика царизма по отношению к родовой и феодальной знати из нерусских народов Поволжья общеизвестна. Она сводилась к ее вытеснению или уничтожению и замене русскими помещиками. Ликвидация местной знати проводилась двумя путями: христианизацией и переводом мурз, «князьков» на новые места. Как правило, принявшие христианство быстро обрусевали, частично пополняли ряды русских помещиков. Привилегированная часть мордвы иногда бежала, оставляя данные им за службу земли. Вместе с ними бежала зависимая от них мордва, «бросая свои тяглые жеребьи»[13].

С продвижением границы Русского государства в сторону степей и под давлением помещиков мордовское население в XVI и главным образом в середине XVII в. отступала в область «дикого поля», осваивая новые земли на территории современных Пензенской и Ульяновской областей. К концу века в Симбирском уезде было 11 мордовских деревень, в том числе 7—служилой, 4—ясачной и посопной мордвы[14].

В писцовой книге письма и меры стольника Емельянова и подъячего Афонасья Андреева отмечается, что посопная и ясачная мордва пришла в Симбирский уезд из разных уездов, в том числе и из Саранского. В числе служилых мурз этого уезда были помещики из рода мордовских князей: Ромодановских, Издебергских, Кижедеевых, Павловых[15]. В деревнях служилой мордвы жили и посопные мордовские крестьяне. Например, в деревне Верхней Мордовской Туворме на землях служилых мурз жила «припущенная» ими ясачная мордва[16].

В деревне Чюварле еще в 1654 году ясачная мордва пришла жить с Корсунского, Алатырского, Темниковского, Саранского уездов «посопных деревень отовсюды»[17]. Особенно много посопной мордвы, переселилось из Алатырского уезда[18]. Отсюда была переведена и служилая мордва, земли которой заняли русские. По переписи 1710 года, там было 24 деревни русских ясачных крестьян. Они образовались на «покидных» мордовских и буртасских землях[19]. В Симбирском уезде, как видно из дела о переписи служилого нерусского населения Казанской губернии за 1715 год, основное население составляли татары. Татарских дворов было 1157, мордовских—828 и чувашских — 224. Следовательно, одними из первых в освоении Симбирского края наряду с русскими принимало участие и мордовское крестьянство, значительно превышающее долю служилого чувашского населения и мало уступающее татарскому[20].

Служилая мордва Саранского уезда была переведена, а частично переселилась без «указу» в Пензенский уезд. Об этом свидетельствуют косвенные данные из документов более позднего времени. В первой половине XVIII в. в деревне Сабаново Засурского стана Пензенского уезда проживали мордовские мурзы Аркай Арасланов и Матвей Маскаев из рода мордовских князей Мокшубеевых. Их отцы и деды раньше жили в Саранском уезде в деревне Сабаново. Получив значительные земельные пожалования на новом месте, эти мурзы распродали свои земельные участки в Саранском уезде. Их новокрещенный родственник Александр Петров приобрел около 56 десятин земель указанных мурз[21].

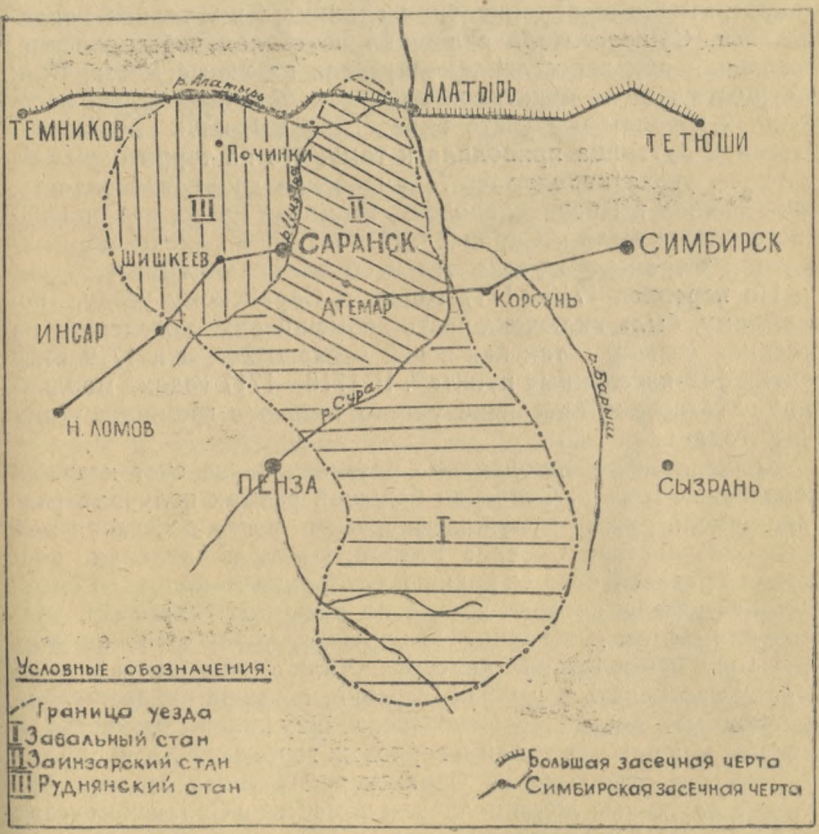
В деле «об отводе в Саранском уезде порозшие земли пустоши» бывших мордовских деревень Азрапино и Мочкас царевичу В. А. Симбирскому содержатся сведения по их истории[22]. В деревне Азрапино в XVII в. жила служилая и посопная мордва, а в деревне Мочкас — посопная, но после составления писцовых книг 1687 года между 1688 и 1695 годами мордва отсюда бежала в Пензенский уезд[23]. При отводе земель выше указанных деревень 22 сентября 1700 года присутствовали наряду со свидетелями из соседних мордовских и русских деревень и свидетели из Пензенского уезда, «станишные мордовские мурзы» Живайка Яковлев, Артюшка Салтанов[24]. Однако закрепить за собой земельные угодия беглой мордвы царевичу Вахтангу не удалось. В ноябре того же года они были переданы Макару Полянскому, подъячему Саранской воеводской канцелярии.

По неполным данным, в XVII в. служилая мордва ушла из восьми деревень Саранского уезда[25]. Уходила и тягловая мордва. Беглой, в основном тягловой мордвы, только живущей в мордовских деревнях Саранского уезда, в 1693 году насчитывалось 264 человека. Большая часть переселенцев, как отмечает А. А. Гераклитов, была из того же Саранского уезда. Примечательно то, что остальное мордовское население пришло из Арзамасского—15, Троицкого—7, Алатырского—8, Нижегородского—8, Темниковского—7, Краснослободского—9, Ломовского—6, Керенского—2 человека и ни одного из Пензенского и Симбирского уездов. Этот факт подчеркивает, что мордовское население переселялось в пределы этих уездов[26].

В конце XVII — начале XVIII в. Саранский уезд занимал значительную часть территории современной Мордовской АССР, включая Растиславку (Большеигнатовский р-н), Полое (Ардатовский р-н), Капасово (Атяшевский р-н), Камаево

(Ичалковский р-н), Симкино (Большеберезниковский р-н), Шишкеево (Рузаевский), Старое Шайгово, ряд населенных пунктов современной Горьковской области, например, Починки, Василев Майдан, Пузская Слобода, Криуши, Никитино, Ждамерово Ульяновской области и значительную территорию на юге почти до современного села Мокшан Пензенской области[27].

Карта Саранского уезда конца XVII—начала XVIII веков и схемы засечных черт.



Уезд делился на станы. Восточную часть, вдоль сторожевой черты до границы Алатырского уезда, занимал Заинзарский стан, южную и юго-западную—Завальный, северную и северо-западную—Рудненский (см. рис.). В дальнейшем, в связи с увеличением населения в Завальном стане, самом боль-

шом по площади, он разделился на Саранский Завальный и Пензенский Завальный. Названия станов означают части уезда по отношению к городу Саранску. Два стана свои названия получили от речек, и один—от сторожевой укрепленной линии. По переписной книге первой ревизии 1721 года, количество станов увеличилось до четырех, прибавился Засурский стан, где указано в трех селах и двух деревнях 18 владений помещиков[28].

В XVII и даже в начале XVIII в. уезд, как основная административно-территориальная единица, еще только складывался. Существовала сплошная поуездная чересполосица, вызванная как переселением деревень на новые места, так и существующей практикой приписки податных групп населения к городам без учета близости территории. Административная путаница приводила к тому, что на территории Саранского уезда находилась Макуловская дворцовая волость, приписанная к Краснослободску, несмотря на то, что она намного ближе была к Саранску. Поэтому при определении населения Саранского уезда это необходимо учитывать.

По переписи 1716—1717 годов, к Саранскому уезду, по-видимому, была включена часть помещичьих поселений из соседних уездов, так как в ней указано 264, а в 1719 году только 232 населенных пункта[29]. В 1716—1717 годах мордовское и татарское население учтено только в границах уезда 1719 года.

Землевладение помещиков развивалось за счет ясачных мордовских земель. Особенно большой размах получила раздача земель русским служилым людям после восстания под предводительством Степана Разина. После подавления восстания правительство «с крайней осторожностью» стало смотреть на мордву, которая совместно с другими народами участвовала в этом восстании. По царскому указу от 30 августа 1681 года в мордовских деревнях стали селить русских, а мордву переселять в русские деревни, а также «разрешалось по-прежнему давать московского чину людям поместья и вотчины и порожние земли в верховых городах»[30]. К числу таких городов относился и Саранск. Из указа следует, что русские служилые люди получали поместья в Саранском уезде и раньше. За помещиками по указу 1683 года «справлялись» захваченные ранее ясачные земли, на которых они строили себе дворы и селили своих крепостных крестьян[31]. В 1710 году из Капасова на пустую Сырятинскую землю сначала были переведены ясачные русские крестьяне, а на следующий год она отдана в поместье дьяку Данилу Никитину[32]. В руки по-

мещиков переходили не только ясачные, но и земли «переведенцев» в Астрахань и на Терек[33].

В конце XVII в. с увеличением раздач земель русским помещикам одновременно принимались меры по ограничению землевладения служилых людей из местных народов Поволжья. По царскому указу от 28 января 1698 года большинство тархан и мурзов из чувашей, мордвы и марийцев было переведено в число ясачных крестьян[34]. В связи с созданием в 1699—1700 годах регулярной русской армии отпала надобность в татарских служилых людях, владевших землей на территории Саранского уезда, главным образом в той его части, которая ранее входила в состав Темниковского уезда. В западных районах современной Мордовии татарское землевладение развивалось наряду с русским и сохранилось вплоть до второй ревизии 1745—1747 годов[35]. В Саранском уезде оно было ликвидировано раньше. В ландратских переписных книгах по Саранскому уезду отмечаются некрещеные помещики из татар, всего лишь единицы. Ко времени первой ревизии они были лишены русских крепостных крестьян в селах Рузаевка, Тепловка, деревнях Шебдас и Быковка, в которых на императора было отписано 307 душ мужского пола[36].

На конец XVII в. в нашем распоряжении по русскому населению имеются только итоговые цифры дворов помещичьих и монастырских крестьян. В 1678 году по Саранскому уезду монастырских крестьян было 21, помещичьих и вотчинниковых—3005 дворов[37]. Из расчета 8—10 человек на двор, получается за помещиками 24—30 тыс., за монастырями—160—210 человек[38].

Для сравнения приведем сведения о мордовском населении. Попытку определить численность мордвы для последней трети XVII века сделал А. А. Гераклитов[39]. Он указывает для 80-х годов XVII столетия 78 мордовских деревень, т. е. намного больше, чем мы имеем по ландратской переписи 1716—1717 годов—41[40]. В деле росписи беглой тягловой мордвы по Саранскому уезду за 1693 год указано 44 мордовские деревни. Кроме того, на территории уезда находились мордовские населенные пункты, приписанные к Краснослободскому уезду. Их было 9, а отдельные мордовские поселения запустели. Количество одновременно существовавших деревень в указанное Гераклитовым время, по нашим данным, не превышало 60[41]. А. А. Гераклитов допускал по Саранскому уезду на конец XVII в. 25—30 тыс. человек обоего пола[42]. Исходя из его расчетов о количестве

дворов на деревню и населения на двор, все мордовское население по нашим подсчетам составило около 10,5—13,0 тыс. человек. Следует также учесть, что на территории данного уезда проживали и татары, численность которых была примерно вдвое меньше мордвы. Следовательно, население Саранского уезда в 80-х годах XVII столетия распределялось так: русские составляли 63,8 проц., мордва—22,9 проц., татары—13,3 проц. всего населения уезда.

По переписным книгам 1716—1717 годов, численный и национальный состав Саранского уезда выглядел: русских было 49850 чел., или 79,4 проц. всего населения уезда; мордвы —7235, или 11,5 проц.; татар—5712, или 9,1 проц. С начала XVIII века и до этой переписи русских прибыло 20107 чел., мордвы—1035, татар—3194[43].

Русское население по своему социальному положению было неоднородным: помещичьи крестьяне в 1710 году составили 90 проц., монастырские—0,6 проц., ясачные—3,2 проц., приписанные к Починковской поташной конторе—2,6 проц., к государственным казенным Штырменским и Куваевским винокуренным заводам—3,6 проц.

Крепостные помещиков и вотчинников Саранского уезда делились, по переписям 1710, 1716—1717 годов, на следующие категории: дворовые, задворные и деловые люди, скотники, крестьяне (табл 1).

Из таблицы видно, что значительное количество крепостного населения группировалось в помещичьих и вотчинных дворах, которые составляли более 10 проц. общего их количества[44]. Близко от усадьбы помещик селил так называемых задворных и деловых людей, скотников, которые обслуживали нужды хозяйства помещиков. Их по уезду было не более одного процента от всех крепостных.

Происходило увеличение всех категорий крестьян, за исключением русского ясачного, часть которого была приписана к производству поташа, другая часть роздана помещикам[45].

Такое резкое увеличение русского населения по уезду на первый взгляд, произошло за счет включения части помещичьих населенных пунктов из соседних уездов. Главной же причиной этого явления было массовое переселение помещиками крепостных крестьян из центральных уездов. О быстром росте их числа говорит следующий факт. Если в 1710 году было 338 помещичьих дворов, то к 1717 году их стало 381, а с учетом всех категорий крепостного крестьянства за помещиками количество дворов увеличилось на 494 с населе-

Таблица № 1

Категории крепостного населения	1710 г.				1716—1717 гг.				Прибыло	
	кол. дворов	проц.	кол. людей	проц.	кол. дворов	проц.	кол. людей	проц.	дворов	людей
1. Дворовых людей в помещичьих и вотчинных дворах	338	10,6	3383	12,4	381	12	7003	14,6	43	3620
2 Задворных и деловых людей	10	0,3	302	1,1	20	0,4	413	0,6	10	111
3 Скотников	22	0,7	122	0,4	25	0,6	181	0,4	3	59
4. Крестьян	2798	88,4	22963	86,1	3236	87	39280	84,4	438	16317
ИТОГО:	3168	100	26770	100	3662	100	46877	100	494	20107

нием 20107 душ обоего пола. Не все «прибылое» население переведено со стороны, часть выявлена при переписи на месте.

Указанное переписью русское население проживало в 264 населенных пунктах, в число которых входило 107 сел, 15 селец, 142 деревни.

В них насчитывалось, по переписи 1710 года, 3617 дворов, в 1716-1717 годах 4044 двора. На один населенный пункт в ландратскую перепись приходилось в среднем 15,3 двора с населением около 194 человека. На один двор, находившийся за помещиком, падало в 1710 году 8,4, а в 1717—12,7 человека. Большая населенность крестьянского двора вызывалась подворной системой налогообложения, установившейся после переписи 1678 года. Помещики нередко сводили в один двор несколько крестьянских семей. Поэтому отдельные населенные пункты имели только один двор помещика и один-два крестьянских двора. Так, например, в деревне Карсаковке по переписной книге показан за помещиком С. Т. Исаевым один двор помещичий и один двор крестьянский. В деревне Антоновке за И. К. Алашеевым и И. Р. Алашеевым только по одному помещичьему двору[46]. Наличие в Саранском уезде большого количества деревень с небольшим числом дворов и населением свидетельствует о том, что они возникли незадолго до составления переписных книг. Большая часть населенных пунктов принадлежала мелким помещикам. Крупные феодалы предпочитали держать своих крепостных компактно. Так, стольник Д. П. Протасьев владел селом Богородским, Протасьевым тож, где в 35 дворах проживало 465 человек.[47]. Крупным помещикам принадлежали также деревни, образованные выселками из сел—центров помещичьих владений. Выходцы из вотчины стольника князя Черкасского села Ждамерово основали деревню Пораней.[48].

Из выше приведенной таблицы № 1 видим достаточно большую заселенность уезда русскими людьми. Территория уезда была освоена русскими главным образом путем поместной колонизации и лишь незначительная ее часть путем вольного переселения. Несмотря на большое количество русского населения в уезде, мордовские и татарские населенные пункты оставались, как правило, однонациональными.

Однако, факты совместного проживания русских и мордвы, характерные для других уездов с русским и мордовским населением, имели место и на территории Саранского уезда. Села Макулово, Начиналы в начале XVIII века имели зна-

чительный процент русских. Саранский пушкарь Антип Понкратов 6 ноября 1714 г. в приказную канцелярию привел из мордовской деревни Паракины ясачных русских пришлых людей Д. И. Тадалина, А. Н. Дунаева и еще 13 человек, которые там жили уже несколько лет. Как видно из распросных речей, они «беглые люди, патриаршие крестьяне Нижегородского уезда»[49]. Русское население, по-видимому, проживало и в татарских деревнях. Это можно утверждать из того, что названия двух татарских и русских населенных пунктов дублируются. О большой заселенности уезда в начале XVIII в. русскими людьми свидетельствует преобладание русских поселений, составляющих 87,7 проц. поселений уезда. В дальнейшем рост новых русских поселений в таком количестве не наблюдается. Последующие переписи дают также высокий удельный вес русского населения, достигшего по первой и второй ревизии 82 проц. всего населения уезда. Подобную картину мы наблюдаем и в середине XIX века[50].

Итак, проникновение русского населения на территорию мордвы, начавшееся еще в глубокой древности, активизировалось после падения Казани. В связи с проведением в 70-х годах XVI в. большой засечной черты русским служилым людям были розданы мордовские земли на территории Арзамасского уезда. Под натиском помещиков в конце XVI в. мордва отступает в пределы Темниковского, Алатырского и других уездов, а в XVII в. переселяется еще дальше в районы Симбирска, Пензы, Саратова. Совместно с мордвой в Завальной стороне оседает и часть русского населения. К этому времени следует отнести и начало нового этапа освоения этих земель русскими. С постройкой второй Засечной черты вольное переселение уступает место поместной колонизации. Церковно-монастырская колонизация в указанное время для Саранского уезда не играла большой роли. Интенсивный приток русского населения продолжается в течение всего XVII столетия. Во второй половине века русские уже превышали здесь мордву и татар. Основное количество русского населения осело на территории Саранского уезда в конце XVII в. В дальнейшем оно уходит или переводится помещиками главным образом в Симбирский и Пензенский уезды. В это же время началось хозяйственное освоение земельных ресурсов уезда русскими людьми. Получают большое развитие землепашество, скотоводство. На новую ступень поднялось развитие производительных сил мордовского и татарского населения, которое перенимало от-

дельные элементы хозяйствования и культуры у русских.

В совместном труде крепла дружба русского, мордовского и татарского крестьянства, росла ненависть к феодалам-крепостникам. Наиболее ярко это проявилось в крестьянских войнах XVII—XVIII вв.

---

1. ЦГАДА, ф. 350, оп. I, дд. 355, 356, 357.
2. Г. Перетяткович. Поволжье в XVII—начале XVIII века. Одесса, 1882, стр. 2.
3. В. В. Каргалов. На степной границе. М., 1974, стр. 173.
4. Г. Пертяткович. Указ. раб., стр. 76.
5. И. Д. Воронин. Саранск. Саранск, 1961, стр. 20.
6. ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 714, лл. 326, 461—461 об.
7. Там же, л. 462.
8. А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900, стр. 16.
9. И. Д. Воронин. Первые поселенцы Саранска (Очерки и статьи). Саранск, 1957, стр. 110—111.
10. ЦГАДА, ф. 896, оп. I, д. 14, лл. 283 об—284 об.
11 Там же, лл. 299—300.
12 Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2. Саранск, 1953, стр. 317—320.
13. Там же, стр. 317—320.
14 ЦГАДА, ф. 1209, оп. I, д. 441, лл. 6—348.
15 Там же, лл. 9 об., 96 об, 272—276.
16 Там же, л. 325.
17 Там же, л. 347 об.
18 Там же, лл. 324, 347.
19 АЛОИИ АН СССР. Коллекция рукописных книг. 115, № 602.
20 ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 103, л. 451.
21 Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, стр. 344. В документе указаны четверти.
22 ОРГБ СССР им. В. И. Ленина, ф. 218, кар. 1297, д. 5, лл. 2—7 об.
23 В 1687 г. мордва жила еще в этих деревнях, а в 1695 году царевич подал челобитную на эти земли, значит, она бежала между этими годами. Там же, л. 2 об.
24 Там же, л. 7 об.
25 АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. I, д. 8, стр. 154—161.
26 Там же.
27 И. Д. Воронин. Саранск, стр. 55.
28 ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 355, лл. 329—349.
29 Там же, оп. I, дд. 355, 356, 357; оп. 2, д. 2916.
30 РФ МНИИЯЛИЭ, д. 7, стр. 58—60.
31 Документы и материалы по Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, стр. 315.
32 Там же, стр. 72.
33 Там же, стр. 287.
34. В. Д. Димитриев. История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959, стр. 36.
35 ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3561.
36 Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, стр. 95.
37 ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 356, л. 955 об.

38 Столько же примерно человек крепостных на двор показывают переписные книги 1678 года по Темниковскому уезду. См. ЦГАДА, ф. 1209 оп. 1, д. 6457 (подсчитано нами).

39 АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 37, стр. 60, 258—260.

40 ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 357, лл. 138—141, 174—335.

41 АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, лл. 154—161; ЦГАДА, ф. 1091 оп. 3, д. 105, лл. 60 об—61; Записки № 6, МНИИЯЛИЭ, Саранск, 1946, стр. 56; ОРГБ СССР им. В. И. Ленина, ф. 218, кар. 1297, д. 5, л. 2.

42 АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 37, стр. 258—260.

43 ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 355, лл. 955—962, д. 357, лл. 141—143, 166—167, 335—336 об, 391—392.

44 Таблица составлена по материалам этого же фонда, д. 355, лл. 954—962.

45 Там же, д. 357, лл. 166—167.

46 Там же, д. 355, лл. 198—198 об.

47 Там же, д. 356, лл. 286 об—299.

48 Там же, д. 355, лл. 224—228 об.

49 РФ МНИИЯЛИЭ, д. 68, стр. 10—12.

50 Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, стр. 105.

П. М. МЕЗИН

МОРДОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение традиционной одежды как исторического источника проливает свет не только на развитие культуры этноса, но и на межэтнические связи. Одежда является одним из признаков, который указывает на различия в этнических и социальных группах. В межэтнических связях она служит показателем культурных взаимовлияний, отражает основные этнические процессы. Это находит выражение в появлении общих черт и сходства в одежде, украшениях с другими народами в процессе замены традиционной одежды костюмом «городского» типа и т. д.

При рассмотрении изменений в одежде через призму этнических процессов открывается широкое поле для изучения взаимосвязи костюма с другими этническими признаками, которые либо способствуют сохранению традиционного, либо внедрению нового. Если в прошлом ношение традиционной одежды обуславливалось главным образом преемственностью, то в настоящее время — целесообразностью. В свете этого важное значение имеет проблема изучения соотношения между традиционным и современным.

Цель статьи — показать степень изученности народного костюма мордвы, основные направления в его изучении как в дореволюционной, так и советской историографии, а также взаимосвязи его с другими этническими признаками.

Мордовская женская одежда привлекала внимание многих исследователей. Наиболее ранними и ценными по мордов-

ской женской одежде являются труды ученых-путешественников XVIII в. И. И. Лепехина (1742—1802), П. С. Палласа (1741—1811), И. Г. Георги (1729—1802).

В этнографической литературе первым исследователем народов Поволжья и, в частности, мордвы, считается П. С. Паллас, что, на наш взгляд, несколько противоречит действительности. Маршруты экспедиций И. И. Лепехина и П. С. Палласа первоначально были почти одни и те же. При этом первым следовал И. И. Лепехин, как это отмечается в его работе «Жребий пал на меня открыть нашему сообществу путь»[1]. И. И. Лепехин дал описание костюма мокши и эрзи в сравнительном плане. По И. И. Лепехину, костюм эрзянки состоит: из портов — «поиксь», рубахи — «панарь», долгорукавного распашного балахона — «шуптань», нагрудного украшения «перль», назадника — «сурлакь», на бедрах висит «гись», или медными трубочками увитая шерстяная пряжа с кистями. Рубашка застегивается сюлгамой. В ушах носят украшения, состоящие из серьг «пилескь», снизок — «пилескь каряуксь» и подвесок — «пилескь ергя». На руках имеются поручни из меди и бисера — «кексь». Пальцы украшают перстнями. На голове носят холщовую сороку. Обувью служат лапти — «корь» с онучами — «пракстат» и оборками «карькь».

Костюм мокшанки состоит из рубахи, долгорукавного распашного балахона — «руця», холщового четвероугольного нагрудника с украшениями, шею украшают ожерельем — «карча», к которым прицепляют брыжи — «каргаужна». Назадник — «сюрлакь» состоит из многих косъ, сплетенныхъ въ одиннадцать пасемъ, и привязывается къ шее такъ, чтобы природные ее волосы были закрыты, и отпускается даже до подколенок. Кроме пасемъ по бокам привешивают деревянною медною проволокою обвитую трубку «пулукерь», в которую продевают метелку пула, сделанную изъ длинных человеческихъ волосовъ равной длины съ назадником».[2] Рубашка у мокши застегивается пряжкою — «шурка». В ушах носят большие серьги — «пилескъ и продевают в мочки пух с грузиком, на руках носят «кексъ» поручни из бисера и медной жести. На голове холщовую сороку. Обувь в основном—лапти — «корь» с онучами — «серьгя», оборы носят ременные—«карькъ».

Используя при описании одежды мокшанскую и эрзянскую терминологию, автор допускает неточность, относя термин «руця» к мокше, а «шуптань» к эрзе. В переводе с мокшанского языка на русский «руця» — платок, а не верхняя

одежда, «шуптань» же является верхней одеждой не эрзи, а мокши. «Эрзянки,—указывает И. И. Лепехин,—ходят только в портах «поиксъ», рубахах «панаръ»[3]. В последующих этнографических работах порты — «понкс» характеризуют специфику мокшанского костюма, а «руця»—характерная особенность эрзянской одежды.

В работе И. И. Лепехина есть упоминание о каратаях, но одежду этой этнической группы он не описывает.

В трудах П. С. Палласа несколько уточняются сведения по костюму мордвы. Особую ценность представляют рисунки женского костюма мокши и эрзи. По рисункам можно проследить большинство элементов костюма. В отличие от И. И. Лепехина он дает описание повседневного и праздничного костюма замужней женщины и девушки, дополняет описание эрзянского костюма праздничным передником. Особенно большие уточнения вводятся в описание женского головного убора. Если И. И. Лепехин головным убором для мокши и эрзи считает «сороку», то П. С. Паллас выделяет совершенно своеобразные головные уборы для обеих этнических групп. Так, автор считает специфическим головным убором мокши «панго». Он упоминает также и о полотенчатых повязках, как наиболее распространенном головном уборе у мокши.

Головному убору эрзи автор дает характеристику, как «высоко набитой и пестро вышитой шапке»[4], у мокши такая шапка «не высоко набита и не обвешена гремушками»[5]. У мокши встречается и волосной хохл—«сюка»[6] (большой хохол с короткими деревянными спицами, вплетенными в волосы), который, по мнению П. С. Палласа, употреблялся только старухами и выходил из бытования. Вопрос о принадлежности портов П. С. Паллас оставляет открытым, хотя в эрзянском костюме он упоминает о нижней одежде.

В работах И. И. Лепехина и П. С. Палласа находим также описания некоторых архаичных черт мордовской народной одежды: «пулакерь», который встречается в мордовских археологических памятниках, передников эрзянского и мокшанского (с. орне—зарне), волосяных хохлов—«сюка» и довольно своеобразного покроя одежды с широкими в пол-аршина рукавами. Архаичные черты подмечены и в работе И. Г. Георги[7], давшего описание мокшанской и эрзянскэй одежды в сравнительном плане. Но, как подчеркивают В. Н. Майнов[8] и И. Н. Смирнов[9], описание это дается по «Лепехину, Палласу и Миллеру».

В последующее время многие исследователи продолжали характеризовать женский народный костюм по описаниям

ученых-путешественников. Так, в исследовании А. Леопольдова[10] о мордве Саратовской губернии характеристика костюма дана по работам И. И. Лепехина и П. С. Палласа. Автором упоминаются два головных убора «кичка» и «панго», но на этой территории довольно широко бытовал «шлыган», а местный исследователь не дает его описания.

Во второй половине XIX века много внимания уделили изучению мордовской одежды В. Н. Майнов и И. Н. Смирнов.

В. Н. Майнову принадлежит первый историографический обзор по одежде мордвы. Основное внимание в нем он обращает на анализ литературы по отдельным губерниям, при этом уделяет особую роль правильности и полноте описания костюма, его элементов, а также терминологии. Например, анализируя работу Н. Прозина[11], В. Н. Майнов указывает, что он «не описывал в подробности весь костюм, касается скорее украшений и общих черт одежды; так у него описана женская рубаха, запона, шейные украшения, серьги из гусиного пера, поясъ украшенный белыми жуковками и теньками, бисерные украшения, штаны женские и головной убор»[12]. Хорошее знание языков мокши и эрзи давало автору широкие возможности точного терминологического определения элементов одежды и установления их значения в структуре костюма. Кроме знания литературы В. Н. Майнов в своем распоряжении имел богатый материал, собранный им во время экспедиций 1878 года. Особый интерес представляет описанный В. Н. Майновым мокшанский женский костюм. В научный оборот вводятся новые элементы и терминология по мокшанскому костюму и украшениям, например, «палъ» — рубаха, «ашкинэ»—пронизки из бус, «туланъ», или сгуст, «кемежъ»—украшения к сгусту[13] и т. д. Довольно подробно описаны качественные различия в сфере повседневной, праздничной и обрядовой одежды. Характеристика В. Н. Майновым традиционного костюма мокши остается образцом в изучении одежды. Им рассматриваются покрой, последовательность надевания элементов одежды и способы ношения костюма. В последующих работах В. Н. Майнова[14] изучаются вопросы юридического быта мордвы, женская одежда рассматривается как собственность и делается попытка взаимосвязать ее с семьей.

В работе В. Н. Майнова имеются и некоторые неточности. Например, объясняя термин «онучи», он искажает его и называет «пакстра» [15] вместо «пракста»; эта неточность приводит автора к объяснению происхождения данного термина

от слова «пакся» — поле (для хождения по полю), что совершенно не верно.

Мало внимания уделяется В. Н. Майновым характеристике эрзянской одежды. На основании антропологических исследований терюхан он отождествляет эту группу с эрзей и поэтому их одежду не описывает. В то же время историографический обзор по мордовской женской одежде был не совсем полный. Он совершенно не упоминает о работах С. Архангельского[16], Н. Барминского[17], А. Леопольдова и других.

Наиболее сложным является вопрос о классификации мордовской женской одежды. В работе И. Н. Смирнова «Мордва» проблема классификации была поставлена впервые. К этому времени женская одежда довольно обстоятельно была изучена у мордвы Нижегородской, Пензенской, Саратовской, а наиболее слабо—в Тамбовской и Казанской губерниях. И. Н. Смирновым выделяются группы коренного и некоренного расселения мордвы. В основу типологии положены территориально-качественные отличия в нательной, поясной, верхней одежде и в головных уборах, различия в форме и способе ношения одежды и в украшениях. Типологизация одежды дана по трем этническим группам: эрзи, мокши и терюхан; последнюю он относит к группе обрусевшей мордвы. В костюме терюхан подчеркиваются специфические черты: «венец с плетнями», распашной кафтан—«шушпань», «сермяга»—кафтан из белого самотканого сукна и украшения[18].

В одежде эрзи автором выделяются три варианта (группы). «Первая группа охватывает на коренной территории Арзамасский и Ардатовский уезды Нижегородской губернии, а на новых заволжских местах Ставропольский уезд Самарской губернии (вероятно, и другие) смежные с ним Стерлитамакский Уфимской губернии»[19]. Она характеризуется круглым кокошником в форме полуцилиндра с лопастью, спускающейся на спину, а также своеобразным передником и наздником. Вторая группа — восточная эрзя расселялась на коренной территории в Лукояновском и Сергачском уездах Нижегородской губернии, Саранском, Пензенском и примыкающих уездах Симбирской губернии. Своеобразие этой группы—головной убор в виде рога, толстый пулай, украшенный бахромой и бисером. Третья группа — эрзя Тамбовской губернии отличается кокошником, бисерной накладкой на пулае и шубейкой.

При характеристике костюма мокши И. Н. Смирнов использует различия в праздничном головном уборе и выделяет три группы: северо-западную, юго-западную и восточную.

Для первой группы характерно «панго», для второй «панго» лопатообразного типа, для третьей — «панго» формы, описанной П. С. Палласом и И. Г. Георги. При группировке материала по женскому костюму наряду с показом качественных различий обращается внимание на общую специфику материальной культуры. Довольно широко используется И. Н. Смирновым языковой материал, который проливает свет на этническую историю и культуру народа.

Автор приходит к выводу о консерватизме одежды мордвы. «Чем глуше край, чем слабее его сношения с центрами, где фабрикуются модные новинки,—пишет И. Н. Смирнов, — тем дольше держится в нем раз попавшийся фасон, тем в большей массе он распространяется»[20].

Консерватизм в одежде автор подчеркивает близостью эрзянской женской рубахи «панар» с византийским мужским одеянием «далматиком», «дивитисием», «саккосом»[21]. С другой стороны, вышивки мокшанского «панар», по мнению И. Н. Смирнова, близки с изображениями на старых церковных фресках г. Киева. Такие общие черты в одежде дали возможность сделать автору предположение о том, что мордва могла заимствовать какие-то элементы своего костюма от «торговцев-греков»[22], либо через русские племена «днепровского» бассейна. Вместе с тем несомненно, что основной костяк мордовской одежды с его национальным колоритом формировался на месте.

Несмотря на то, что И. Н. Смирновым довольно тщательно изучена одежда мордвы на основании богатого материала, все же работа имеет слабые стороны. Так, выделенные границы классифицируемых групп, по мнению самого автора, сделаны «самым приблизительным образом»[23], им совершенно не упоминается одежда мордвы Саратовской губернии и Заволжья, при типологии одежды слабо привлечен языковый материал.

Исследователь увлекается идеей о консерватизме костюма и делает предположение, что мордва является «хранительницей древнерусских форм костюма»[24]. При рассмотрении основных форм одежды этнических групп мордвы не описывается одежда каратаев, хотя автор располагал по ней некоторым материалом.

Наиболее полно одежда каратаев описана в работе Гурия Филиппова[25]. Одежду этой этнической группы автор считает мокшанской[26]. В состав костюма входили: белая рубашка «Ак кульмяк, головной убор сорока—«сурука», украшенная ожерельями и лентами.

Нагрудные украшения—«танкярляр» и кисти из монет — «тянкали суюк». Рубаха имела ряд разновидностей: «жуллы кульмяк» — белая холщовая рубаха, «чибяр кульмяк», «ике каймалы» — красивое платье богато орнаментировано вышивкой, «урыс кульмяк» — русская рубашка[27].

В изучение мордовской одежды большой вклад внес А. О. Гейкель. Он дал комплексы костюмов по этническим группам мокши, эрзи, терюхан и каратаев. Им же выделяется и локальный вариант одежды села Каргашина. Автором обращается особое внимание на головные уборы, которые, по его мнению, отражают этническую специфику. Довольно удачно отмечаются различия в украшениях и, в частности сюлгамах. Так, мокшанская «сюлгамо» имеет в основании трапециевидную форму, а эрзянская — овальную.

Особенно увлекает исследователя мордовская вышивка, тщательное изучение которой дало возможность выявить множество орнаментальных мотивов, характерных для мордвы. Наиболее полно автором рассматриваются орнамент и техника вышивания. Довольно ценным в работе является альбом (цветные таблицы), который содержит большой фактический материал. В работе А. О. Гейкеля имеются и серьезные, недостатки. Наиболее существенны из них—нечеткость типологизации (что автор признает и сам)[28]. К примеру, в группе шесть оказалась объединенной одежда мордвы из с. Ментисова Казанской губернии, сел Болдова, Сузгарье и Дракина Пензенской губернии, с. Козловка и окрестностей Темникова Тамбовской губернии[29], т. е. одежда мокши, эрзи и каратаев. Автор придерживается теории И. Н. Смирнова о заимствованиях с юга; в Темниковском уезде он искал верхнюю холщовую одежду наподобие римской «того», но так и не сумел найти ее.

В этнографической литературе конца XIX в. все чаще появляются высказывания о замене традиционной одежды костюмом «городского» типа, но по существу вопрос не рассматривался. Примером может служить работа Н. Масленникова, в которой он при описывании традиционной одежды мордвы пишет: «Некоторые из девиц пробуют надевать «городской» костюм, но это бывает редко и не поощряется. Часто такая модница, надевшая «городской костюм, желая выйти замуж, принуждена бывает снять его и надеть свой национальный»[30]. Исследователем подчеркивается, что ношение городского костюма характерно в основном для молодого поколения.

После победы Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции начинается новый этап в этнографическом изучении мордовского женского костюма. Наряду с дальнейшими исследованиями комплексов женской одежды по всем этническим группам особое внимание обращается на разработку научно обоснованной типологии, проблеме традиционного и современного, взаимосвязи одежды с другими социально-этническими признаками и межэтническими связями. Проводится ряд научных экспедиций по комплексному изучению культуры и быта мордовского народа. Большое место в работе экспедиций занимало исследование мордовского женского костюма, изучением которого занимались ученые — этнографы М. Е. Евсевьев, М. Т. Маркелов, А. П. Ручьева, Н. И. Спрыгина, К. И. Козлова, В. Н. Белицер, В. А. Балашов, В. П. Ежова и другие.

Большая работа по сбору и описанию костюма мордвы проделана М. Е. Евсевьевым. В своем письме академику А. А. Шахматову он ссылался на важность этой работы, вызванной тем, что «мордва стала упрощать свой костюм, а местами совсем оставлять его, меняя на русский»[31]. Исследователь впервые рассматривает одежду в фольклорном жанре, уделяя основное внимание свадебно-обрядовой одежде, приводит сведения о ее изготовлении и указывает на функциональную роль рубашек в жизни женщин. Большая доля его работ посвящена изучению одежды мордвы на территории Татарской АССР. Автор указывает, что на этой территории у основных этнических групп мордвы бытует эрзянский костюм, который, на наш взгляд, описан им довольно полно.

Основные различия в костюмах между мордвой левобережья и правобережья Волги М. Е. Евсевьев отмечает в головных уборах и украшениях. «На правой стороне как мокшанки, так и эрзянки очень любят различные нагрудные украшения и поэтому носят их в изобилии, тогда как на левой стороне те и другие менее пристрастны к ним»[32].

Особенно ценными являются описания коллекций по мордовскому женскому костюму, сделанные М. Е. Евсевьевым для музея этнографии народов СССР. В 1968 году перечень этих коллекций опубликован в трудах исследователя[33].

В начале 20-х годов продолжается сбор материала по одежде мордвы в Саратовской[34], Пензенской[35], Нижегородской[36], Тамбовской[37] губерниях. Наиболее ценными являются работы М. Т. Маркелова. В 1922 году вышел в свет сборник «Саратовская мордва», в котором большое место уделено описанию одежды. Автором четко выделяется кос-

тюм саратовской мордвы как локальный вариант. Дается подробное описание повседневного, праздничного обрядового (свадебного и похоронного) женского костюма мордвы. В 1926 году вышла его другая работа «Мокшэрзятнень эрямо пиньгест» (история мордвы). В ней подробно описывается костюм двух этнических групп—мокши и эрзи. Особую ценность в работе представляет типологизация головных уборов эрзи, которые он подразделяет на лапотообразные (Арзамасский и Ардатовский уезды и несколько видоизмененный — у Саратовской и Нижегородской мордвы), высокие (для Пензенской, Ульяновской и Нижегородской губерний по форме цилиндра сверху покрывается платком), рогообразные[38] (Тамбовская губерния). В мокшанских головных уборах отмечается некоторое своеобразие — мягкие, повязочные, каркасные. В одежде мокши обращается внимание на фартук, в частности, на материал его изготовления, терминологию, районы распространения. Отмечено, что в Рузаевском и Саранском районах мордовский фартук схож с русским, а в Инсарском и Краснослободском он называется «сапоня» и шьется из ситца[39]. Русский костюм того времени М. Т. Маркелов считает переходной формой от традиционного к городскому.

Заслуживает внимания и совместная работа М. Т. Маркелова и С. П. Толстова «К истории терюханской народной культуры»[40]. Авторами описывается костюм мордовки-терюханки и указывается на этническую ассимиляцию последних русскими. Наиболее полно (с изменениями традиций и в сравнении с другими локальными вариантами мордовской одежды) рассмотрен костюм терюханки в работе С. П. Толстова «Нацмены ЦПО»[41]. У терюханок отмечаются следующие изменения в одежде: исчезли украшения на шушпане, сгуст, венец с плетнями, «писаная шуба» представлены довольно слабо»[42]. Переходные формы одежды—юбка, кофта и сарафан представлены довольно четко. Автор особо останавливается на восприятии терюханами языка и некоторых других элементов культуры и быта русского народа. Косвенно подчеркивается, что ассимиляционные процессы в языке уже совершились, но часть терюхан сохранила народный костюм, через который проявляется и национальное самосознание. «Характерно», что население связывает понятие о «мордовском» и «русском», именно прежде всего с костюмом, и «мордовкой» называется терюханка, носящая национальный костюм, а не менее чистокровная терюханка, ходящая в сарафане и юбке, называется уже русской»[43]. Ав-

тором описывается одежда эрзи Лукояновского уезда Нижегородской губернии и шокшинской эрзи (бывший Темниковский уезд Тамбовской губернии). Сообщаются некоторые изменения для эрзи Лукояновского уезда, и кофта сочетается с сохранением традиционной рубахи, представленной как нижнее белье. «Шокшинская мордва,— по мнению С. П. Толстова,—сохранила язык и костюм, хотя и несколько упрощенный»[44].

В 1929 году этнографическая литература по одежде мордвы пополнилась работой Н. И. Спрыгиной «Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии». Она написана на основе материала экспедиций, которые проводились в 1924—1925 годах по специальной программе, опубликованной в местных газетах «Од веле» и «Сабанче». Н. И. Спрыгиной, кроме материалов экспедиций, привлечен богатый и музейный материал. В целом материалы исследователя дали возможность более широко выявить специфику в бытовании традиционной одежды и архаичных форм. Автором на основании тщательного анализа описывается поэлементно традиционная одежда мордвы Пензенской губернии, основное внимание уделяется ее изменениям в традиционном костюме. Вышивка заменена нашивками из лент, а сложные нагрудные украшения заменены снизками из белых и позолоченных бус. Отмечена при этом преемственность, которая связана с видоизменением. Так, например, вышли из бытования «золотной», «понитка»[45], видоизменилась рубаха—«панар», на смену ей идет «кафтонь-грда»[46], одежда соединившая в себе традиции старого и нового, что особенно наглядно проявляется в материале и в покрое. В работе предложены варианты мордовского костюма Пензенской губернии. Для одежды эрзи в классификационной схеме выделяются три варианта (Саранский, Городищенский, Краснослободский уезды) и пять вариантов для мокши (Чембарский, Беднодемьяновский, Краснослободский—северный и южный и Рузаевский). Данная классификация дополняет работу И. Н. Смирнова рядом локальных вариантов в костюмах эрзи Городищенским и Краснослободским, а у мокши — Беднодемьяновским и Чембарским уездами[47].

С 30-х годов XX в. центром исследований мордовской культуры становится Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Однако почти 15 лет изучение мордовской женской одежды не проводилось. С 1949 по 1968 год

по одежде мордвы опубликовано ряд работ Т. А. Крюковой. В работе «Современная женская одежда народов Поволжья» исследуются переходные формы от традиционной одежды к городскому костюму. «Мокшанская современная одежда в отличие от эрзянской,—указывает Т. А. Крюкова,—содержит в себе элементы творческой переработки национального костюма. Если у эрзи в значительной степени он уже отмирает, то у мокши можно наблюдать процесс развития формирования, создания новых деталей и форм, известную динамичность мокшанского национального костюма»[48].

Автором ставится вопрос о многообразии форм в мокшанской одежде, которое связано с изменениями традиций в отдельных элементах одежды. «Даже при полной замене зачастую наблюдается сохранение традиций, опирающихся на веками выработанный вкус, а также навыки населения»[49]. Об этом довольно ярко свидетельствует сохранение традиций в повязке платка фабричного производства. В головном уборе эрзи появились своеобразные переходные формы «косинка» и кокола», а традиционные головные уборы вышли из бытования и сохранились лишь в обрядовой сфере. У мокши выходит из бытования рогообразный головной убор, довольно широко распространенный в Зубово-Полянском районе Мордовской АССР. Замена традиционной одежды мордвы, по мнению автора, идет по трем направлениям: а) с полной заменой мордовского костюма русским, б) частичной замены отдельных элементов и в) творческой переработкой элементов костюма с появлением новых национальных черт. В работе указывается на выход из бытования «руця»—верхней холщовой праздничной одежды. В другой статье—«Женская рубаха «Покай» и ее связь с праздником «Пивань кудо» у мордвы» — одежда рассматривается автором во взаимосвязи с духовной культурой, подчеркиваются обрядовые функции мордовской одежды.

В 60-е годы в исследованиях по одежде мордвы К. И. Козловой, Н. И. Гаген-Торн и др[50]. усиливается сравнительная характеристика ее с костюмами других народов Поволжья. В работе Н. И. Гаген-Торн «Женская одежда народов Поволжья» дается поэлементный анализ костюма мордвы. Обращено внимание на процесс изменения в покрое и элементах одежды. Автор использует типологизацию Б. А. Куфтина, суть которой состоит в том, что рубаха рассматривается в распластанном состоянии, обращая внимание на покрой. На основании последнего выделяются типы и подтипы.

Н. И. Гаген-Торн дополняет эту классификацию положением полотнищ[51], а также следующими характеристиками: устройством ворота, оформлением украшений рубахи, а также формой ношения. «Классификацию для истории одежды следует установить,—пишет она,—взяв покрой не в распластанном виде, а в сочетании со способом ношения и связанными с ним украшениями: только при таком рассмотрении станет понятен смысл развития одежды на данном историческом отрезке времени, ее связь с условиями жизни и культурной традицией населения»[52].

Н. И. Гаген-Торн подчеркивает единство процесса эволюции одежды у народов Поволжья, указывая на нивелировку национальных особенностей в одежде и основные факторы «нивелированного слоя»[53]. В народном костюме, по мнению Н. И. Гаген-Торн, очень хорошо прослеживается локальная специфика. «В 20-е годы XX века, — пишет автор,—нам приходилось наблюдать одежду населения на больших ярмарках в с. Рузаевка бывшей Пензенской губернии, куда сходился народ «из мордвы», «из мещеры», «из терюхан», «из мишарей». Жители совершенно безошибочно указывали, из какой деревни любая женщина, узнавая это по головному убору, расцветке, расположению и характеру вышивки на ее одежде»[54]. Из работ, посвященных описанию локальных вариантов мордовского женского костюма, следует указать на работу В. П. Ежовой[55] и В. А. Балашова[56].

Особое место в разработке теории и практики этнографического изучения мордовской одежды принадлежит известному советскому этнографу В. Н. Белицер[57]. Уже более 40 лет ее научный интерес связан с изучением материальной и духовной культуры мордвы, в частности,—мордовской одежды. Наиболее важное значение имеет в этом отношении ее монография «Народная одежда мордвы», вышедшая в свет в 1973 году. Доктора исторических наук Е. П. Бусыгин и А. Х. Халиков в своей рецензии отметили, что «этот капитальный труд открывает новую страницу в изучении этнографии и этнической истории мордовского народа. Исследование В. Н. Белицер будет полезно не только этнографам, но и археологам, языковедам, историкам, занимающимся изучением сложной истории многонационального Поволжья»[58].

В названной выше монографии В. Н. Белицер творчески обобщила весь литературный, музейный и экспедиционный материал по одежде мордвы. Основное место в этой работе принадлежит исследованию традиционного мордовского женского костюма, который рассматривается по всем этническим

группам и составным элементам. Одежда в целом по сравнению с другими компонентами этноса рассматривается В. Н. Белицер как один из устойчивых признаков в национальной культуре. Традиционная одежда исследуется ею в тесной связи с историей мордвы и межэтническими контактами. По мнению автора, основные черты одежды мордовских племен сформировались еще в домонгольский период. Во время господства татаро-монголов в мордовской одежде отразились черты их влияния, а после вхождения мордвы в состав Русского государства в ней отразились некоторые черты русского костюма. С проникновением капиталистических отношений в деревню традиционный костюм мордвы изменяется, в нем появляются новые черты.

По мнению автора, эволюция мордовского костюма в послеоктябрьский период характеризуется заменой традиционной одежды костюмом «городского» типа и довольно сильным развитием переходных форм. В 30—40-е годы под влиянием социально-экономических преобразований на селе происходит отказ от традиционных головных уборов. Этому способствовал и массовый процесс перехода к современным формам одежды. В годы Великой Отечественной войны, по мнению автора, в связи с недостатком тканей фабричного производства традиционный костюм вновь получает распространение. В послевоенный период процесс перехода к городскому костюму ускоряется: «Если в 50-е годы, указывает В. Н. Белицер,—в Кочкуровском и Атяшевском районах еще можно встретить изредка эрзянок в белых рубахах и руцях, то в 1970 году даже отдельные части национального костюма стали большой редкостью. Мокшанский женский костюм в своих старых формах к 70-м годам также почти полностью вышел из быта»[59].

Отметим, что в 1973 году в ряде районов Мордовской АССР было проведено этносоциологическое обследование Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики и Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Данные, полученные этой экспедицией, показывают, что традиционный женский костюм хотя и видоизменился, но продолжает бытовать. Из общего числа обследованного женского сельского населения 21,7 проц. сохранили традиционный костюм, из них повседневно носят 14,8 проц., по праздникам 11,5 проц. и около 1 проц. в будни. Это не только характерно для женщин старших возрастов, но и для девушек 16—19 лет. Впрочем, последнее характерно лишь для мокши, среди которой та-

кой костюм носят 24,2 проц.; из них 22 проц. носят видоизмененные формы традиционной одежды как в будни, так и праздники, а 1,2 проц.—только в будни, а по праздникам носят городской костюм.

Основной переходной формой в процессе замены традиционного костюма городским В. Н. Белицер считает русский костюм, который наиболее характерен для эрзи, у мокши он встречается реже[60]. По этому вопросу имеется и другая точка зрения Т. А. Крюковой и К. И. Козловой, они считают, что отдельные переходные формы были выработаны из элементов народного костюма. Так, фартук, по мнению К. И. Козловой, сформировался из сильно развитых поясных украшений[61]. В целом в этнографической литературе наиболее широкое распространение получила первая точка зрения.

Одной из важных проблем анализа костюма является описание комплексов одежды. В. Н. Белицер тщательно проанализировала предыдущие классификации, предложенные И. Н. Смирновым, Б. А. Куфтиным, Н. И. Спрыгиной и другими исследователями. На основе анализов ею выделяются шесть региональных комплексов одежды эрзи: восточный (Кочкуровский, Большеберезниковский, Чамзинский, Ардатовский районы Мордовской АССР и некоторые другие сопредельные с ним районы Ульяновской области и Чувашской АССР); северный (Лукояновский район Горьковской области и Большеигнатовский район Мордовской АССР); северо-восточный (бывший Городищенский уезд Пензенской губернии); комплекс мордва-эрзя Куйбышевской, часть районов Пензенской и Ульяновской областей, заволжская и саратовская группа эрзянского костюма. По одежде мокши выделяются пять комплексов: центральный (Старошайговский район); западный (Краснослободский, Атюрьевский и Торбеевский районы); северо-западный (Темниковский и Ельниковский); юго-западный (Зубово-Полянский район) Мордовской АССР и Белинский район Пензенской области; южный (Ковылкинский, Инсарский и Рузаевский районы Мордовской АССР и прилегающие районы Пензенской области).

В данной классификации кроме качественных различий в костюме находят отражение и межэтнические влияния. Так, в северном комплексе эрзянской женской одежды отражается влияние русского костюма. Саратовский комплекс костюма, в котором преобладают эрзянские элементы над мокшанскими, отражает консолидационный процесс. Это довольно четко выражается и у эрзи северо-восточных районов, где

указанный костюм стал единой формой одежды. В комплексах одежды выделены отдельно костюм каратаев и терюхан. Работа как бы подводит итоги изучения одежды этих групп, которая вышла полностью из бытования, а сами группы растворились в среде русского и татарского народов.

Одним из наиболее сложных вопросов является выявление общих черт одежды мордвы с другими народами. Эту проблему затрагивали в своих работах большинство исследователей. Более подробно этот вопрос анализируется и в работе В. Н. Белицер. Ею используется принцип поэлементного анализа общих черт в костюме мордвы с другими народами Поволжья. Они наблюдаются в изготовлении тканей, в покрое, в верхней одежде, головных уборах, украшениях и т. д.

Анализ общих черт в мордовском костюме с другими народами Поволжья дал возможность выявить три культурных пласта:—«первый, более ранний, который можно назвать северным, лесным, связывает мордовский костюм с одеждой других финоязычных народов. Второй связан с культурой кочевых степных народов более южного происхождения, в основном тюркоязычных древних и современных (в частности казанских татар). Третий пласт, который мы условно называем лесостепным, связан с русской культурой. В нем прослеживаются разновременные (более ранние и более поздние) заимствования[62].

Анализируя межэтнические влияния, Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков подчеркивают, что, характеризуя третий «поздний», «лесостепной» пласт, В. Н. Белицер нечетко определяет ареалы влияния на мордовский костюм типов русского костюма северно-и южнорусского комплекса. При этом автор допускает «неточности»[63]. Авторами рецензии отмечается терминологический словарь, составленный В. Н. Белицер на основе полевых материалов и литературных источников. «Он дан,—указывают авторы,—на языках мокши, эрзи, каратаев и терюхан. Значение его, как своеобразного источника, трудно переоценить. Словарь дает возможность судить и об общих путях развития народа, и культурно-бытовых особенностях развития его отдельных групп, и о различных этнокультурных взаимоотношениях и т. п.»[64].

Итак, подведем некоторые итоги. Мордовская женская одежда получила освещение как в дореволюционной, так и в советской этнографической литературе. Собран обширный фактический материал, который подвергнут тщательной обработке.

В дореволюционной литературе исследование мордовского женского костюма носило научно-описательный характер, в основе которого был территориальный принцип. Изучалась в основном одежда двух этнических групп мордвы—мокши и эрзи. Социальные различия в традиционной мордовской одежде прослеживались довольно слабо.

В годы Советской власти изучение одежды мордвы получило дальнейшее развитие на новой методологической основе. Был исследован народный костюм всех этнических групп, его основные формы: архаичные, традиционные, современные, а также переходные формы. Большая работа проделана по типологизации женской одежды, выявлены основные комплексы костюма мордвы и общие черты в нем с другими народами Поволжья. Однако до сих пор слабо разработан вопрос о соотношении традиционного и современного в одежде мордвы, отражение в ней этнических процессов, характеристика городской одежды и многие другие сложные проблемы, связанные с одеждой мордвы.

---

[1] Полн. собр. ученых путешествий по России, т. 3. Спб., 1821, стр. 1.
[2] Там же, стр. 166—169.
[3] Там же, стр. 166.
[4] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1803, стр. 81.
[5] Там же, стр. 109.
[6] Там же, стр. 110.
[7] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежды, жилищ, учреждений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1899.
[8] В. Н. Майнов. Предварительный очерк имеющихся в литературе сведений о мордве. (Известия РГО, т. 13. Вып. 2. Отд. 2. СПб., 1877, стр. 17).
[9] И. Н. Смирнов. Мордва. (Историко-этнографический очерк. Казань, 1895, стр. 264.
[10] А. Леопольдов. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1834, стр. 46—47.
[11] Н. Прозин. Картины мордовского быта.—«Пензенские губернские ведомости», 1864, №№ 89—90; 1865, №№ 39—40.
[12] В. Н. Майнов. Указ. раб., стр. 17.
[13] В. Н. Майнов. Один день среди мокши. (Древняя и новая Россия). СПб., 1878, № 10, стр. 126.
[14] В. Н. Майнов. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885.
[15] В. Н. Майнов. Один день среди мокши, стр. 125.
[16] С. Архангельский. Одежда, пища и питье мордвы.—«Саратовские губ. ведомости», 1844, № 34.
[17] Н. Барминский. Об одежде.—«Казанские губ. ведомости»,

1853, №№ 1—4, 6.

[18] И. Н. Смирнов. Указ. раб., стр. 133—134.

[19] Там же, стр. 134.

[20] И. Н. Смирнов. Задачи и значение местной этнографии, Казань, 1893, (ИОАИЭ, отд. оттиск, стр. 5).

[21] И. Н. Смирнов. Мордва, стр. 136.

[22] Там же, стр. 137.

[23] Там же, стр. 134.

[24] Там же, стр. 137.

[25] Гурий Филиппов. Мордва-христиане. (Православный собеседник, 1914, стр. 1—15. Отд. оттиск.)

[26] Там же, стр. 4.

[27] Там же, стр. 3—4.

[28] А. О. Гейкель. Одежда и вышивка мордвы. Пер. с нем. А. М. Дербеневой. РФ МНИИЯЛИЭ, стр. 7.

[29] Там же, стр. 8.

[30] Н. Масленников. Из быта мордвы с. Кучеряева. Алатырского уезда Симбирской губ. (ИОАИЭ, т. 29, вып. 4. Казань, 1916, стр. 190).

[31] М. Е. Евсевьев. Избранные труды, т. 5. Саранск, 1966, стр. 190.

[32] Там же, стр. 394.

[33] Перечень этнографических предметов по мордве-эрзе и мокше, а также терюханам, каратаям и татарам приобретенных М. Е. Евсевьевым в 1881—1931 гг., которые хранятся в Мордовском краеведческом, Татарском Центральном и Ленинградском русском этнографическом музеях. (М. Е. Евсевьев. Избранные труды, т. 5, стр. 523—544).

[34] М. Т. Маркелов. Саратовская мордва (этнографические материалы из «Саратовского этнографического сборника, вып. I. Саратов, 1922); его же, Мордва, М., 1928; его же: Мокшэрзятнень эрямон пиньгест (История мордвы). М., 1928; П. Д. Степанов. Головные уборы мордовских замужних женщин. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения, вып. 35, (ч. 5. Саратов, 1928).

[35] Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1929.

[36] С. П. Толстов. Нацмены ЦПО (1-я отчетная выставка работ этнологического подотдела государственного музея центрально-промышленной области. М., 1928, стр. 10—13, 15—18).

[37] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. (Труды государственного музея центрально-промышленной области М., 1928).

[38] М. Т. Маркелов. Указ. раб., стр. 14.

[39] Там же, стр. 152.

[40] М. Т. Маркелов, С. П. Толстов. К истории терюханской народной культуры. (Этнография, М.-Л., 1928, № 2).

[41] С. П. Толстов. Указ. раб., стр. 6—18.

[42] Там же, стр. 17.

[43] Там же, стр. 15.

[44] Там же, стр. 14.

[45] Н. И. Спрыгина. Указ. раб., стр. 33.

[46] Там же, стр. 42.

[47] Таж же, стр. 36.

[48] Т. А. Крюкова. Современная женская одежда. СЭ, 1950, № 2, стр. 91.

[49] Там же, стр. 92.

[50] К. И. Козлова. Этнография народов Поволжья. М., 1964; В. Н. Белицер. Мордва. (Народы европейской части СССР, ч. II. М., 1964, стр. 548—597).

[51] Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары. 1960, стр. 9—12.

[52] Там же, стр. 7.

[53] Там же, стр. 221—222.

[54] Там же, стр. 17.

[55] В. П. Ежова. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР. (Ученые записки Мордовского госпединститута, вып. 4, 1956). Ее же. О некоторых этнических особенностях мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР. (Вопросы этнической истории Мордовского народа, т. I, М., 1960).

[56] В. А. Балашов. Традиционная одежда мордвы-мокши Зубово-Полянского района и изменения, происшедшие в ней за годы Советской власти. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 34, Саранск, 1968; его же. Современный культурный облик села Новые Выселки. (Исследования по истории, этнографии и археологии. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 30, Саранск, 1968).

[57] В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. М., 1973, стр. 199. Подробнее список трудов автора см: Библиография трудов института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1967, стр. 237.

[58] Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков. Рецензия на книгу В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. (СЭ, 1974, № 4, стр. 178).

[59] В. Н. Белицер. Указ раб., стр. 199.

[60] Там же, стр. 6.

[61] К. И. Козлова. Указ. раб., стр. 77.

[62] В. Н. Белицер. Указ. раб., стр. 197.

[63] Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков. Указ. раб., стр. 177.

[64] Там же.

В. Ф. РАЗЖИВИН

НЕКОТОРЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОРОДОВ МОРДОВСКОЙ АССР

На территории Мордовской АССР находятся семь городов, из которых три республиканского и четыре районного подчинения, различающиеся как по функциональным признакам, так и по времени их образования. Ряд городов был основан в XVI—XVII вв. как пограничные крепости и остроги, преобразованные в конце XVIII века в уездные города. Другие города возникли уже в советское время[1].

В предлагаемой статье рассматриваются динамика и половозрастная структура населения городов Ардатова, Инсара, Ковылкина, Краснослободска, Рузаевки, Саранска и Темникова.

При работе были использованы материалы Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970 годов.

* * *

Численность населения, характеристика состояния демографических сдвигов в его составе по полу и возрасту являются важными факторами в определении потенциала трудовых ресурсов, распределения населения по сферам деятельности, планирования развития народного хозяйства, систем народного образования, здравоохранения и культурно-бытового обслуживания.

Дореволюционная Мордовия характеризуется малым удельным весом городского населения. По данным переписи

1897 г. в ее пяти городах проживало 36,5 тыс. человек, или 3,4 проц. общей численности населения уездов, из которых впоследствии составилась республика; даже с учетом двух заштатных городов (Троицк, Шишкеево)[2] процент городского населения был равен 4,3.

Слабым ростом городского населения характеризуется Мордовия и в последующий период с 1897 по 1926 годы. За 29 лет население городов Пензенской губернии, часть из которых вошла позднее в Мордовию, периодически увеличивало и снижало свою численность. В комментариях заведующего Пензенским губстатотделом А. М. Потапова к переписи 1926 г. дается анализ изменения темпов роста населения уездных и бывших уездных городов губернии[3]. При анализе прироста населения период с 1897 по 1926 годы им был разбит на четыре составных части, включая данные за 1917, 1920, 1923 гг., которые на каждую дату сравнивались с последующими.

Период с 1897 по 1917 годы характеризуется приростом общей численности населения городов. Но, если прирост населения г. Инсара составил 51,5 проц., Темникова—38,3., Саранска—23,9 проц., то Краснослободска—всего лишь 1,9 проц. Очень быстрыми темпами шел прирост населения в поселке Рузаевка, что объясняется его выгодным положением как железнодорожного узла. Число его жителей возросло более чем в 5 раз. Такие темпы прироста населения для Рузаевки характерны и в последующие годы. К 1920 году—664,1 проц., 1923—529,9 проц., а к 1926—739,2 проц. в сравнении с 1897 годом. Несколько ниже темпы роста населения в эти годы были в городах Саранске и Инсаре и составляли в 1920 г. в г. Саранске 18,5 проц., в 1923 г.—24,2 проц. и в 1926 г.—34,3 проц., в г. Инсаре соответственно 22,3, 30,8 и 8,8 проц. С 1920 г. отмечается отток населения из городов Краснослободска и Темникова. Население г. Краснослободска к 1920 г. уменьшилось на 7,1 проц., г. Темникова—на 3,9 к 1926 г. этот процент увеличился соответственно до 10 и 16,3 проц.

Незначительный рост населения по г. Инсару и сокращение численности жителей в городах Краснослободске, Темникове, а затем—Инсаре и Ардатове объясняется тем, что эти города слабо развивались в промышленном отношении, а с «проведением жел. дор. остались в стороне, потеряв тем самым присущее им ранее экономическое значение центров»[4]. Наиболее существенное влияние на сокращение численности населения городов оказала первая мировая война и вызван-

ная ею хозяйственная разруха.

Увеличение численности городского населения республики с 1926 по 1970 год обусловлено широким развитием социалистической индустриализации. С реконструкцией старых и строительством новых промышленных предприятий, размещаемых, в основном, в городах, увеличивается приток в города сельского населения, являвшегося основным источником пополнения и роста рабочего класса.

Наивысшие темпы роста численности городского населения приходятся на годы социалистической реконструкции народного хозяйства: «С развертыванием индустриализации страны в годы первых пятилеток процесс урбанизации стал набирать темпы; благоприятное влияние на его развитие оказали коллективизация и механизация сельского хозяйства, сделавшие возможным переход значительной части сельского населения в города»[5].

С 1926 по 1939 год численность населения городов Мордовии увеличилась почти вдвое. Значительный прирост населения отмечен в городах Саранске (25,7 тыс. чел., или в 1,7 раза) и Рузаевке (10,3 тыс. чел., или в 1,5 раза). Увеличилась численность населения и других городов. Так, прирост населения Ардатова составил 25,1 проц. (1480 чел.), Инсара — 21,7 (1006 чел.) и Темникова — 20,8 проц. (942 чел.). Характерно, что численность населения г. Краснослободска за этот же период сократилась на 15,7 проц. (1130 чел.). Это объясняется прежде всего недостаточным развитием в нем промышленности, удаленностью от железной дороги, большим миграционным оттоком населения в трудоспособном и семьеобразующем возрасте.

Более чем на 74 проц. увеличилась численность населения городов за период с 1939 по 1959 год. Наибольший процент прироста населения отмечен в городах Саранске (121,2 проц.), Рузаевке (45,3 проц.), а также в рабочем поселке Ковылкино (105,6 проц.). Несколько ниже темпы роста населения были в городах Ардатове (14,5 проц), Темникове (12,7 проц), Краснослободске (7,1 проц.), Инсаре (3,4 проц.).

Рост населения городов отмечен и в последующий межпереписной период (1959—1970 гг). На 109,3 проц. увеличилась численность населения г. Саранска, на 64,9 проц. г. Рузаевки и на 39,4 проц. г. Ковылкина. По сравнению с предшествующим периодом несколько возросли темпы прироста населения городов Инсара (40,1 проц.) и Краснослободска (33,2 проц.). От переписи к переписи идет снижение прирос-

та населения городов Ардатова и Темникова. В целом, за период с 1926 по 1970 год численность населения рассматриваемых городов республики увеличилась более чем в 6 раз.

Таким образом, анализ темпов роста городов Мордовии показывает, что при интенсивном процессе концентрации населения быстрее всего росли города, получившие усиленное промышленное развитие только в послевоенное время (Саранск, Рузаевка, Ковылкино). В городах Ардатове, Инсаре, Краснослободске и Темникове темпы роста населения остаются значительно пониженными.

Увеличивающееся промышленное развитие городов сказалось на более активных миграциях основных национальностей (мордвы, русских, татар) республики из сельской местности в города.

Так, за два межпереписных периода с 1926 по 1959 годы численность мордовского населения в городах возросла более чем в 16 раз, татарского в 23, русского в 1,9 раза. Еще внушительнее эти цифры выглядят при сравнении данных переписей 1926 и 1970 гг. За этот период число мордвы и татар возросло более чем в 40 раз. В то же время удельный вес русского населения с 96,1 проц. в 1926 году снизился до 78,7 проц.

Сопоставляя данные переписей 1926 и 1970 годов, можно судить о высокой интенсивности движения коренной национальности в отдельные города. В г. Саранске численность мордовского населения увеличилась более чем в 85 раз, почти в 40 раз в г. Рузаевке, в 27 раз в Темникове, в 10 раз в Инсаре и Ардатове. Только в г. Краснослободске абсолютная численность мордвы увеличилась с 234 до 1155 человек, т. е. почти в 5 раз. Возросла в городах численность и татарского населения.

По сравнению с мордовским и татарским населением темпы роста числа русских в городах значительно ниже и продолжают сокращаться. Однако русское население в городах остается преобладающим.

Рассмотрев динамику населения городов по национальностям, следует сказать, что подвижность населения, обусловленная развитием современной промышленности, коренным образом влияет на национальный состав населения городов, способствует развитию межэтнических связей, «также миграции приводили и в ближайшем будущем должны привести к усилению процессов взаимодействия мигрантов с другими этносами»[6], к ускорению процесса ассимиляции и консолидации.

Миграционная подвижность населения оказывает существенное влияние и на половую структуру населения, относящуюся к числу важных демографических характеристик.

Перепись 1926 г. показала численное преобладание в городах женщин над мужчинами: на 100 мужчин приходилось 109 женщин. В предвоенные годы удельный вес мужчин в общей численности населения городов составлял 48,9 проц., женщин—51,1 проц. На 100 мужчин приходилось 104 женщины. Состав населения по полу резко изменился в межпереписной период 1939—1959 годы. После войны (1941—1945 гг.) женский перевес по сравнению с 1939 г. возрос на 12,1 проц., на 100 мужчин, по переписи 1959 г., приходилось 126,1 женщин. В последующие годы шел процесс улучшения половой структуры населения. По данным переписи 1970 г., удельный вес мужчин во всем населении городов составил 45,4 проц., женщин—54,6 проц. На 100 мужчин приходилось 120,1 женщин. В настоящее время разрыв в соотношении мужского и женского пола отражается в основном в увеличении числа женщин в старших возрастных группах. Принимая во внимание (условно) три типа возрастной структуры населения—прогрессивный, стационарный и регрессивный — для определения возможностей роста населения[7] на примере городов Мордовии, можно отметить, что ее население относится к прогрессивному типу, характеризующемуся невысокой долей лиц старше 50 лет. Удельный вес возраста 0—14 лет в населении городов (по переписи 1970 года) составляет 23,0 проц., в группе 15—49—61,0 проц, 50 лет и старше — 16,0 проц.

С 1926 по 1970 годы отмечается увеличение доли населения в возрасте от 15 до 49 лет и группы в возрасте 50 лет и старше, тогда как удельный вес населения возраста 0—14 лет сокращается.

На сдвиги в соотношении лиц разных возрастов оказали существенное влияние войны 1914—1918 гг. и 1941—1945 гг. Гибель многих тысяч мужчин молодого и среднего возрастов, а также косвенные потери от эпидемий и голода, вызванные войнами, сказались на формировании семей, на уровне рождаемости во время и после войн. Это и сейчас находит отражение в половозрастной структуре населения. Так, в период между переписями 1926 и 1959 гг. доля населения в возрасте до 14 лет уменьшилась на 6,2 проц. К 1970 году население городов этой возрастной группы сократилось еще на 3,5 проц.

Доля населения возрастной группы 15—49 лет в городах с

1926 по 1959 гг. имеет свои изменения. Увеличение доли этого возраста в общей численности населения городов на 4,2 проц. обуславливается переходом в указанную возрастную группу населения в возрасте 0—14 лет, т. е. рождения до Великой Отечественной войны. Рост населения этой возрастной группы отмечен в г. Саранске с 54,2 проц. до 61,2 проц., Ардатове—с 51,0 проц. до 54,0 проц. и незначительный прирост в городах Темникове и Краснослободске (0,3; 0,4), тогда как в городах Рузаевке и Инсаре доля вышеназванной возрастной группы сократилась соответственно на 4,5 и 3,2 проц.

С 1959 по 1970 годы доля населения в этой возрастной группе увеличилась на 4 проц. Прирост населения данного возраста по городам был не одинаков: в г. Ковылкино—на 7,1 проц. в Инсаре—на 5,9 проц., Рузаевке—4,1 проц., Саранске и Темникове соответственно на 2,9 и 2,2 проц. Только в г. Ардатове численность населения этой возрастной группы сократилась на 2,6 проц.

Что же касается возрастной группы населения 50 лет и старше, то отмечено незначительное увеличение удельного веса ее в общей численности населения городов республики с 14,5 проц. в 1926 году до 16,5 проц. в 1959 году и снижением на 0,5 проц. между переписью 1959 и 1970 годов.

Обращает на себя то обстоятельство, что из семи рассматриваемых городов население Ардатова и Темникова склонно в силу ряда факторов к процессу постарения. Так, если в г. Ардатове в 1959 году население в возрасте 50 лет и старше составляло 19,1 проц., что на 3 проц. выше 1926 г. то в 1970 г. доля населения этой возрастной группы возросла до 24,7 проц. В городе Темникове удельный вес этой возрастной группы в 1970 г. составляет 24,4 проц. что на 3,8 проц. выше 1959 г. и на 6,5 проц. выше, чем в 1926 г.

На наш взгляд, к тенденции постарения населения в большей степени в ближайшие 10—15 лет склонны и такие города, как Инсар и Краснослободск. «Демографическое постарение—объективная реальность, факт, с которым нельзя не считаться и который нельзя не учитывать при перспективном планировании социального развития... Процесс постарения населения имеет тенденцию к дальнейшему усилению»[8].

Следует отметить, что изменению процентного соотношения в каждой из указанных возрастных групп в значительной степени подвержено мужское население.

При общем сокращении населения с 1926 по 1970 годы в возрастной группе до 14 лет, соотношение мальчиков и дево-

чек по всем городам распределяется более равномерно. В возрасте 15—49 лет мужское население в 1970 г. на 2,8 проц. превысило уровень 1926 г., в то время как женское население за этот же период возросло на 5,4 проц. Наибольший разрыв между долей мужчин и женщин отмечен в возрасте 50 лет и старше, по данным переписей 1959 и 1970 годов (разность соответственно—5,6 проц. и 5,7 проц.).

Существенные различия в определении величины удельного веса женского населения в возрастных группах 0—14, 50 лет и старше обнаруживаются во всех городах. В распределении соответствующих возрастных групп в шести городах из семи (Ардатов, Инсар, Ковылкино, Краснослободск, Рузаевка, Темников), по данным переписи 1970 года, демографическая эволюция женского населения выражается в сокращении возрастной группы 0—14 лет и увеличением доли женщин возрастных групп старше 50 лет, т. е. демографическим постарением.

Что же касается населения мужского пола, то его развитие по всем переписям и во всех городах относится к прогрессивному типу.

Для выявления количественных и качественных изменений в половозрастной структуре населения городов Мордовии нами была принята следующая возрастная группировка: 0—9, 10—14, 15—19, 20—24, 25—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60 лет и старше. По данным переписи 1926 года, заметное снижение численности населения отмечается в возрастной группе 10—14 лет. Это объясняется снижением рождаемости в период первой мировой и гражданской войн. Вызванная ими хозяйственная разруха, голод и эпидемии, несомненно оказали существенное влияние на половозрастную структуру населения 25—29, и 50—59-летних возрастов. Наиболее сильное влияние на распределение населения по возрасту в 1959 году оказала Великая Отечественная война. В значительной степени это отразилось на рождаемости в военные и послевоенные годы.

На половозрастную структуру населения Мордовии в целом в значительной степени влияют миграционные процессы, особенно возросшие за последние годы. Большой миграционный отток населения из села в город для городов республики имеет прогрессивное значение. Однако интенсивность перемещения сельского населения в города приводит к отрицательным последствиям, нарушению половозрастной структуры, к ухудшению качественного состава трудовых ресурсов села, поскольку из села выбывает преимущественно на-

селение трудоспособных возрастов наиболее квалифицированная рабочая сила.

Особую тревогу в условиях Мордовии вызывает миграция населения в другие области и республики страны. Изучение миграционных процессов, выявление причин, порождающих миграцию населения, как внутри республики, так и за ее пределы, представляют собой самостоятельную проблему и заслуживают быстрейшего их решения.

---

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 42.

[2] Заштатный город (офиц. устар.)—безуездный, переставший быть административным центром уезда. Толковый словарь русского языка. Т 1. М., 1935, столбец 1076.

[3] Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитный списки населенных мест Пензенской губ. Пенза, 1928, стр. 10.

[4] Там же, стр. 11.

[5] В. И. Козлов. Изменения в расселении и урбанизация народов СССР как условия и факторы этнических процессов.—Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, стр. 141.

[6] В. И. Козлов. Указ. раб., стр. 139.

[7] Б. Ц. Урланис. Статистика населения. М., 1971, стр. 39.

[8] Н. Н. Сачук. Старение населения и вопросы демографической политики.— Демографическая политика. М., 1974, стр. 149.

В. Н. ШИТОВ

ДРЕВНЕМОРДОВСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ III—начала XI в.

Копье являлось одним из основных видов оружия древней мордвы. В музеях Москвы, Рязани, Саранска, Моршанска и других городов хранится огромное количество наконечников копий, обнаруженных при раскопках древнемордовских могильников и поселений. Из них нами учтено около 500 экземпляров. Обилие материала позволяет выявить большие серии копий, характерных для того или иного периода, и вместе с этим проследить эволюцию этого вида оружия.

Во второй четверти I тысячелетия н. э. ведущими являлись три формы наконечников: 1) с коротким пером и удлиненной втулкой, 2) с длинным лезвием, имеющим низко опущенные плечики и 3) с двушипным пером.

У наконечников с удлиненной втулкой плечики пера обычно приподняты, угол перехода к верхней части выражен слабо, поперечное сечение пера линзовидное. На конце втулки многих копий этого типа имеется кольцо (рис. 1—1.2)[1]. Большое количество таких наконечников обнаружено в погребениях IV—V вв. Абрамовского могильника (раскопки М. Ф. Жиганова 1970—1975 гг.) и рязано-окских могильников: Шатрищенском, Кузьминском, Борковском, Гавердовском, Курманском. Наконечники этого типа во второй четверти I тысячелетия н. э. использовались и соседними финно-угорскими племенами. Они были найдены в памятниках азелинской культуры III—V вв.[2], в культурном слое городища Ножа-Вар в Чувашии[3], в погребениях Безводнинского

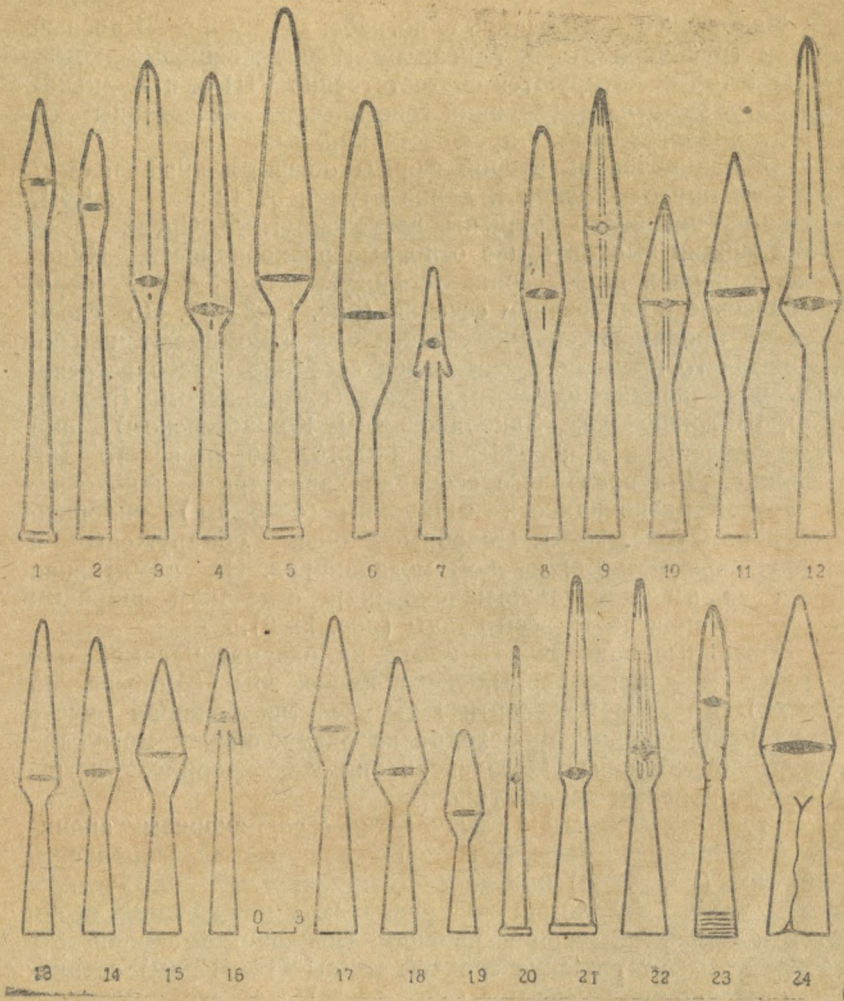


Рис. 1

могильника (раскопки Ю. А. Краснова 1972 г.). Ближайшие прототипы рассматриваемых копий мы находим в погребениях первых веков нашей эры Андреевского кургана[4]. Лезвия многих из андреевских наконечников отличаются значительной шириной и наличием продольного ребра. Позднее V века находки копий с близкими пропорциями между длиной пера и втулки единичны. Они были обнаружены в погребе-

нии Пановского могильника, в погребении у пос. Красный Восток (раскопки М. Ф. Жиганова 1960 г.), вещевые комплексы которых датируются соответственно VIII в. и X—началом XI в. Но эти наконечники генетически не связаны со своими аналогичными предшественниками.

Для наконечников второй формы обычна длина пера от 17 до 24 см при отношении к длине втулки от 1,2:1 до 1,6:1, плечики у них низко опущены, часто округлые. Среди этих копий можно выделить две основные разновидности. Наконечники первой имеют сравнительно узкое (до 3,5 см) перо, ромбическое в поперечном сечении (рис. 1—3—4). По своей высокой проникающей способности они напоминают пики более позднего времени. Такие копья особенно часто встречались в рязано-окских могильниках (Кузьминском, Борковском, Шатрищенском, Закопищенском, Кошибеевском), они были найдены и в погребениях 110, 167 Абрамовского могильника. Для последнего особенно характерны наконечники другой разновидности—с широким (4—5 см.) уплощенным пером (рис. 1—5). Подобные копья обнаружены в Иваньковском[5] и Борковском могильниках. На памятниках IV—V вв. имеются также наконечники с лезвием широким на протяжении почти всей длины (рис. 1—6).

Двушипные наконечники копий на рассматриваемой территории известны с первых веков нашей эры (Андреевский курган). Во второй четверти I тысячелетия большая часть таких наконечников происходит из рязано-окских могильников. В погребальных комплексах они, как правило, встречаются с копьями других типов.

В третьей четверти I тысячелетия с сохранением значительной длины пера (свыше 17 см) увеличивается скошенность плечиков (рис. 1—8), иногда перо приобретает ромбическую форму (рис. 1—9, 10, 11). Однако такие наконечники не получили широкого распространения. Большинство копий этого времени имеет лезвие средней длины (14—17 см) с низко опущенными плечиками (рис. 1—13), а также короткое перо (10—14 см) при опущенных или приподнятых плечиках (рис. 1—14, 15). Плечики у них прямые, хорошо выраженные. Примерно до середины VIII века частой находкой, особенно в могильниках Средней Оки и Горьковского правобережья, остаются двушипные наконечники (рис. 1—16). Редко встречаются пиковидные наконечники с резко расширенными плечиками, имеющими тупые края (рис. 1—12). Они найдены в погребениях второй половины VII—первой половины VIII в. Волчихинского (погр. 63, 66) и Безводнинского[6] могильников.

Для последней четверти I тысячелетия характерными становятся две группы наконечников, существенно различающихся по своим функциональным признакам. Это, во-первых, копья с коротким уплощенным лезвием, имеющим хорошо выраженные прямые плечики. Абсолютное большинство таких наконечников имеет длину пера от 10 до 14 см при отношении к длине втулки от 0,9:1 до 1,3:1 (рис. 1—17, 18, 19). В IX—начале XI в. наконечники копий данной формы господствуют также в муромских и мерянских могильниках[7].

Другая группа копий представлена пиками (рис. 1—21, 22). Они имеют узкое, хорошо ограненное лезвие, ромбическое, квадратное или крестовидное в поперечном сечении. Вполне совершенные образцы пик у древнемордовских племен известны уже с конца третьей четверти I тысячелетия. Ко второй половине VII—первой половине VIII в. относится пика из погребения 28 Волчихинского могильника (рис. 1—20). Наиболее широкое распространение пики получают с X века.

Для X — начала XI в. единичны находки копий с ланцетовидным пером (рис. 1—23). Встречено несколько массивных наконечников с широким пером, имевших, по-видимому, промысловое назначение (рис. 1—24).

---

[1] На рисунках изображены наконечники копий, обнаруженные в следующих могильниках: Абрамовском (рис. 1-п. 214, 5-п. 12, 6-п. 80), Шатрищенском (2-п. 131, 8-п. 132), Кузьминском (3-п. 19, 4-п. 54), Борковском (7— из случайных находок, 9-п. 97, 14-п. 5), Волчихинском (10-п. 77, 12 и 16-п. 63, 20-п. 28), II Старо-Бадиковском (11-п. 7), Елизавет-Михайловском (13-п. 7, 23-п. 9), Старшем Кужендеевском (15-п. 4), Крюковско-Кужновском (17-п. 157, 18-п. 396, 21-п. 206, 24-п. 472), Пановском (19-п. 44, 22-п. 11).

[2] В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5, Свердловск, 1963, табл. XIX—1,2.

[3] Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 годах. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». УЗ ЧНИИ, вып. XXV, Чебоксары, 1964, рис. 14—6.

[4] П. Д. Степанов. Андреевский курган (Предварительное сообщение). Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXVII, Саранск, 1964, рис. 11, табл. 1—7.

[5] Н. В. Трубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год. «Вопросы археологии и истории Чувашии». УЗЧНИИ, вып. XIX, Чебоксары, 1960, рис. 15а.

[6] Ю. А. Краснов. Безводнинский могильник (по материалам раскопок 1971 г.). КСИА, 140, М., 1974, рис. 2—5.

[7] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 2. САИ, М-Л., 1966, стр. 13.

В. Д. АРТЕМОВА

О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

С целью выявления следов пребывания древних людей на территории Приволжской возвышенности было проведено исследование местонахождений четвертичной фауны млекопитающих в пределах Мордовской АССР и Пензенской области.

Данный район был выбран для разведки не случайно. Если взять территорию от Молдавии и Поднепровья до Урала, то здесь известен ряд палеолитических стоянок, нет лишь стоянок в области Приволжской возвышенности. Однако сомнительно, чтобы данная территория не была заселена в эпоху палеолита, так как здесь много местонахождений четвертичной фауны. Кроме того, на карте палеолитических местонахождений Восточной Европы, интересующая нас территория окружена со всех сторон памятниками палеолита: с севера — местонахождение Юнга-Кушерга[1] (Марийская АССР), с северо-востока — местонахождение Улянк[2] (Чувашская АССР); с востока и юго-востока — Красная Глинка[3] (Татарская АССР), Ундоры и Тунгуз[5] (Ульяновская область); с юго-востока — Бектяжский остров[6] (Ульяновская область) и Переволоки[7] (Куйбышевская область); с юго-запада — Костенки[8] и Гагарино[9] (Воронежская область); с запада — Ялтуново-Польное[10] и Подсосенка-Верхняя[11] (Рязанская область); с северо-запада — Карачарово[12] (Владимирская область).

Палеолитические местонахождения открыты далеко на се-

вер от исследуемого нами района. На территории Мордовской АССР и Пензенской области выявлены десятки памятников эпохи мезолита и неолита[13]. Обычны здесь и находки четвертичной фауны[14]. Все эти обстоятельства и заставили обратить внимание на обширную территорию Приволжской возвышенности, поиск следов древнейшего заселения которой представляется неотложным делом советской первобытной археологии. Предварительно нами были учтены все данные, касающиеся находок четвертичной фауны: музейные коллекции, литературные сведения, сообщения краеведов и местных жителей. На основании этих источников были составлены списки, являющиеся отправным пунктом для поисков следов древнейшего заселения человека.

Во время разведки были осмотрены и изучены условия залегания четвертичной фауны (главным образом костей мамонтов) на предмет выявления обитания и деятельности древних людей. Из 35 мест находок четвертичной фауны, известных в Мордовской АССР, было обследовано 14, вновь открыто 8 местонахождений, а из 84 местонахождений, известных в Пензенской области, было обследовано 10, вновь открыто 4. В каждом из обследуемых местонахождений главное внимание уделялось геоморфологическому и стратиграфическому положению фауны и обследованию естественных обнажений склонов оврагов и берегов рек. В Пензенской области была обследована территория, попадающая в зону затопления пензенским водохранилищем, в результате чего были выявлены местонахождения четвертичной фауны в окрестностях сел Усть-Уза и Усть-Мурза Шемышейского района.

В результате обследования места находок четвертичной фауны можно подразделить на 3 группы:

1. Местонахождения в террасовых и склоновых суглинистых толщах (села Старое Ардатово и Жабино Ардатовского, Мокшалей и Апраксино Чамзинского, Дюрки и Алово Атяшевского, Морга и Красные Луга Дубенского районов Мордовской АССР и с. Усть-Уза Шемышейского района Пензенской области).

2. Местонахождения фауны в осыпях и оползнях, когда не было возможности определить первоначальные условия залегания (с. Жабино и пос. Заря Ардатовского района Мордовской АССР и Усть-Мурза Шемышейского района и с. Аришки Никольского района Пензенской области).

3. Находки костей в речных галечниковых отложениях, залегающих в нижней части суглинков берегов рек и оврагов

(с. Ардатово Дубенского района, села Пашино и Алашеевка Атяшевского района Мордовской АССР и с. Журавли Никольского района Пензенской области).

Данная разведка не обнаружила следов обитания человека эпохи палеолита на исследуемой территории. Но следует сказать о ряде мест находок четвертичной фауны, представленной не только мамонтами, но и лошадью, зубром, медведем, носорогом, которые вызывают интерес для продолжения поисковых работ и целесообразность которых вряд ли требует доказательства. Это следующие местонахождения в Мордовской АССР:

1. В овраге Ключ-Лисьма, вблизи с. Старое Ардатово Ардатовского района, на глубине около 2 м были обнаружены местными жителями несколько лет тому назад обломки кости бизона[15], трубчатой кости мамонта, верхний зуб шерстистого носорога, двадцать зубов, осколок бедренной кости и метаподия лошади. Осмотр оврага ничего не дал из-за сильной задерноватости склонов. Кости хранятся в Старо-Ардатовской школе и в краеведческом музее г. Ардатова.

2. Невдалеке от пос. Заря Ардатовского района, в овраге, непосредственно около воды, нами были найдены по два обломка бивня и зуба, четыре обломка трубчатых костей мамонта, обломки нижней челюсти шерстистого носорога (носорог Мерка?), тазовой кости зубра.

Обломок нижней челюсти носорога отличается от костей мамонта и зубра ярко выраженной окаменелостью.

Кости хранятся в краеведческом музее г. Ардатова и в Ленинградском зоологическом музее.

3. На южной окраине с. Жабино Ардатовского района, на западном склоне оврага, на глубине 1,5—2 м нами были обнаружены лучевая кость лошади, обломки диафиза бедра медведя, зуба лошади и много мелких обломков костей.

Верхнеплейстоценовая толща состоит из сероватого суглинка толщиной 0,5—1 м, темной прослойки до 1 м толщиной со следами ожелезнения по ходу корней растений, коричневатой супеси с более темными чередующимися прослоями, толщиной до 0,9—1 м. Кости залегают в темной прослойке со следами ожелезнения на протяжении 4—5 м. Хранятся они в краеведческом музее г. Ардатова.

Из местонахождений фауны в Пензенской области (автор выражает благодарность М. Р. Полесских за представленные в ее распоряжение материалы о местонахождениях костей четвертичной фауны по Пензенской области) следует отметить лишь одно, расположенное на правом коренном берегу

р. Кулу, протекающей через село Усть-Уза Шемышейского района. Метрах в 40 от берега, на глубине 5—7 м в слое суглинка несколько лет назад при рытье колодцев были обнаружены, по словам местных жителей, обломки трубчатых костей мамонта. Кости утеряны.

Следует обратить внимание и на места выходов на поверхность песчаников и кварцитов в связи с вопросом о поисках следов деятельности древних людей. В с. Сабанчеево Атяшевского района Мордовской АССР как непосредственно на окраине села, так и километрах в 3—4 к северо-западу от села, в местности Нумол-Ош были обследованы карьеры по добыче и разработке песчаников и кварцатов. В обрыве р. Ужлейка, к северо-западу от вышеназванной местности, неоднократно находили, по сведениям местных жителей, обломки трубчатых костей и зубов мамонтов, ныне утерянных. Четвертичная толща берега реки Ужлейка состоит из светло-коричневого суглинка с большим количеством естественно расколотых кварцатов и песчаников. Следов человеческой деятельности обнаружено не было.

Около с. Безводное Шемышейского района Пензенской области, вблизи от выходов на поверхность кварцитов и песчаников, на склоне оврага, идущего в сторону с. Усть-Уза, на дневной поверхности обнаружен обломок основания пластины из кварцита, довольно симметрической в сечении. Со стороны спинки конец, прилегающий к ударной площадке, обработан уплощающими сколами. Один из продольных краев довольно острый, второй — притуплен. На обоих краях заметны следы использования. Не вызывает сомнения, что пластина была изготовлена рукой человека. Отношение же данной находки ко времени палеолита является спорным из-за фрагментарности и единичности находки. Правый берег оврага в этом месте задернован. Высота берега — 2,0-2,5 м.

Следует обратить внимание и на красно-бурую конечную морену, расположенную на правом крутом берегу р. Мокша около села Пургасово Кадомского района Рязанской области. Морена содержит большое количество обломков кварцитов, гранитов, цветного и мелового валунного кремня, щебенки. Данный обломочный материал мог быть использован древними людьми как источник сырья для изготовления орудий.

Цветной валунный кремень без находок фауны встречен в окрестностях сел Жабино, Мокшалей, Пенгилей, Майдан, Сабанчеево, Старое Ардатово, Сабаево Мордовской АССР и в окрестностях сел Бессоновка, Усть-Уза, Городище, Мич-

кас Пензенской области.

Таким образом, из всего вышеизложенного вытекает очевидная необходимость дальнейшего изучения условий залегания и распространения четвертичной фауны для выявления следов древнейшего заселения территории Приволжской возвышенности.

Поскольку почти все стоянки эпохи палеолита на соседних территориях были открыты в процессе обследования местонахождений костей или четвертичной фауны, можно быть уверенным в успешности предпринятых исследований.

---

[1] А. Х. Халиков. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960.

[2—6] М. З. Паничкина. О работах по изучению палеолита на Волге. — КСИИМК, 50, М., 1953.

[7] Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. — МИА. № 81. М.—Л., 1960, стр. 68.

[8] И. С. Поляков. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. СПб., 1880.

[9—12] Н. А. Береговая. Указ. раб., стр. 58, 66, 65.

[13] П. Д. Степанов. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск, 1969; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

[14] П. Д. Степанов. Указ. раб., стр. 42, 43, 45, 46, 49—51, 53, 56—60, 63.

[15] Здесь и далее некоторые кости определены В. Е. Гаруттом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

АН СССР — Академия наук СССР.

ВАУ — Вопросы археологии Урала.

ВГО — Всероссийское географическое общество.

ГАИМК—Государственная Академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный исторический музей.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

ОРГБ—Отдел рукописей государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ПАМО — Партийный архив Мордовского обкома.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РГО — Русское географическое общество.

РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ.

САИ — Свод археологических источников.

СЭ — Советская этнография.

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.

УЗЧНИИ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. И. Сальников. К вопросу об усилении партийного руководства местными Советами Мордовии после XX съезда КПСС 3

Ю. И. Сальников. Деятельность местных Советов Мордовии по выполнению решений XX съезда КПСС в области жилищного строительства 16

В. Ф. Вавилин. Некоторые вопросы типологической классификации и методики исследования сельских поселений 33

Н. С. Шаляев. К вопросу о языковых процессах в сельской местности Мордовии 58

Н. В. Заварюхин, А. С. Лузгин. Из истории заселения Саранского уезда русскими в XVII—начале XVIII века 73

П. М. Мезин. Мордовская женская одежда в этнографической литературе. 88

В. Ф. Разживин. Некоторые демографические аспекты городов Мордовской АССР 106

В. Н. Шитов. Древнемордовские наконечники копий III — начала XI в. 114

В. Д. Артемова. О возможности заселения территории Мордовской АССР и сопредельных территорий в эпоху палеолита 118

Условные сокращения 123

Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии. Саранск, Мордов. кн. изд. Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР, 1976, 12 стр. с илл. (Научно-исслед. ин-т яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Труды. Вып. 54).

9 (с 14) 90 2. 6. 90 2. 7

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук В. И. Козлов (ответственный редактор), кандидат исторических наук М. В. Дорожкин, В. Н. Мартьянов, И. И. Фирстов.

Выпускающие редакторы А. И. Заводов, Е. А. Макейчева, М. И. Грошев.

Сдано в набор 18. VIII. 1976 г.

Подписано к печати 28 февраля 1978 г.

Ю—03183 Бумага 60x84 1/16 № 2

Печ. листов 7,2. Уч.-из. листов 6,7.

Тираж 500 экз. Заказ № 4196

Цена 40 коп.

Типография «Рузаевский печатник» Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР.